

РАЗГОВОР

с Игорем
ПАНИНЫМ

Игорь Викторович Панин

101 разговор с

Игорем Паниным

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34117118

101 разговор с Игорем Паниным:

ISBN 978-5-00095-207-8

Аннотация

В книгу поэта, критика и журналиста Игоря Панина вошли интервью, публиковавшиеся со второй половины нулевых в «Независимой газете», «Аргументах недели», «Литературной газете», «Литературной России» и других изданиях. Это беседы Панина с видными прозаиками, поэтами, критиками, издателями, главредами журналов и газет.

Среди его собеседников люди самых разных взглядов, литературных течений и возрастных групп: Захар Прилепин и Виктор Ерофеев, Сергей Шаргунов и Александр Кабаков, Дмитрий Глуховский и Александр Проханов, Андрей Битов и Валентин Распутин, Эдуард Лимонов и Юрий Бондарев.

Помимо этого в книге встречаются и политики (вице-премьер Дмитрий Рогозин), видные деятели кино (Виктор Мережко), телевидения (Олег Попцов). Но всех их объединяет одно – в той или иной мере они являются писателями, авторами книг и публикаций.

Настоящее издание – это не только увлекательный путеводитель по нашей литературе, но и серьезные дискуссии о политике, общественной жизни, социальных проблемах. Это книга о России, о странных и загадочных людях, которые живут здесь и сейчас.

Содержание

Предисловие	7
Беседы о литературе	9
Василий Авченко: «Я – не сепаратист и не провинциал-экстремист!»	9
«Самое ценное и вечное нашей культуры – дар речи»	19
«Литературу следует отделить от денег»	26
«Читатель нынче тороплив»	36
«Много у меня в столе...»	48
Белый свет давно прочитан	56
Андрей Битов:	66
«Бог устанавливает свой срок»	76
Литпроцесс – река с глубинным течением	80
«Малоизвестные мифы – это кладезь нетронутый»	90
Михаил Бутов: «Банкета не будет!»	100
Владимир Бушин: «Читателей у меня немало...»	108
«Русская литературная среда – это мощная клановая система»	119
Язык до Казани доведет	129
«Каждое новое стихотворение – всегда эксперимент»	138

«На Западе человек становится другим»	147
Южнорусский десант	157
Хранитель подземелий	164
Гиперреализм вместо постмодернизма	174
Сорок лет на Голгофе	183
Виктор Ерофеев: «Я не русофоб!»	196
«Полюбите меня черненьким»	209
Счастливый писатель – уже не писатель	219
Конец ознакомительного фрагмента.	223

Игорь Викторович Панин

101 разговор с

Игорем Паниным

© Панин И., 2016

© Федоровский Е., 2016

© Богданова Е., 2016

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2016

* * *

Предисловие

Собирая под одной обложкой эти тексты, опубликованные в разных СМИ, я столкнулся с определенными трудностями. Например, сразу возник вопрос – что делать, если с некоторыми писателями я беседовал по два, а то и по три раза, как с Сергеем Шаргуновым? И это не считая подготовленных мною различных литературных опросов, в которых те же лица принимали участие. Давать в книге три интервью одного и того же автора? Не очень-то правильно, наверное. Но если все три интервью интересные? В итоге вынужден был оставить от каждого по одному, чтоб другим не обидно было.

Кроме того, приходилось думать об объеме книги и стараться ни в коем случае не превращать ее в двухтомник. Поэтому многие интервью пришлось давать в сокращении или даже оставлять из них небольшие фрагменты. При этом часть интервью я решил напечатать в авторском варианте, не искаженном при первоначальной публикации, когда тексты произвольно сокращались изданиями или снабжались редакционными вставками.

Наконец, есть деятели, которых я ни за что не хотел бы видеть в книге со своим именем на титульном листе. Это те, с кем приходилось беседовать исключительно «по работе», выполняя редакционные задания, те, кто никогда меня особо не интересовал, а так же те, кто русофобскими высказыва-

ваниями закрыл себе дорогу не только в данную книгу, но и в русское пространство. И нет желания вспоминать о них.

В первую часть вошли интервью, в большей степени посвященные литературе. Вторая часть – «сборная солянка»: здесь и о литературе, и о культуре целом, и о политике, и о многом другом. Ну и любопытные фрагменты из бесед, которые было бы жаль не включить. Третья часть – это интервью, которые давал я сам. Тут, уж простите, я решил отойти от своего же правила «один человек – одна беседа». Взяв несметное количество интервью у других, я, наверное, заслужил право быть представленным несколькими текстами хотя бы в собственной книжке. Тем более что эти интервью ничуть не хуже прочих.

А в целом... Кого тут только нет. И в какой еще книге Эдуард Лимонов соседствует с Виктором Ерофеевым, а Захар Прилепин с Андреем Битовым? Где вы увидите рядом с вице-премьером Дмитрием Рогозиным звезду 90-х – актера Владимира Пермякова, более известного как Леня Голубков? Но и Рогозин – автор книг и статей, и Пермяков-Голубков – автор пьесы, поставленной в театре. Мы, может, уже не самая читающая страна, но самая пишущая – точно. А значит, еще не все потеряно.

Игорь ПАНИН

Беседы о литературе

Василий Авченко: «Я – не сепаратист и не провинциал-экстремист!»

Почему вся Россия не любит Москву и наоборот?

Когда это противостояние закончится? Что для этого нужно сделать?

Об этом наш сегодняшний разговор.

Авченко Василий Олегович родился в 1980 году в Иркутской области, вырос и живёт во Владивостоке. Окончил журфак ДВГУ, работал в местных и федеральных СМИ, в настоящий момент – во владивостокской редакции «Новой газеты». Автор нашумевшего документального романа «Правый руль» (2009), вошедшего в шорт-листы «Нацбеста», «НО-Са», в лонг-лист «Большой книги». Кроме того, автор belle-тризованной энциклопедии «Глобус Владивостока» (2010), фантастической киноповести «Владивосток 3000» (2011), написанной в соавторстве с певцом Ильёй Лагутенко. Публиковался в журналах «Знамя», «Москва» и др.

– Василий, вы в большей степени журналист или прозаик?

– Со стороны, наверное, виднее, но мне порой такое противопоставление кажется искусственным. К тому же жанры сегодня настолько часто сливаются и превращаются один в другой, что разделить фикшн и нон-фикшн не всегда возможно, да и стоит ли вообще это делать? Так что соглашусь с любым определением. Называть себя прозаиком, писателем как-то не очень прилично, а вот журналистом – вполне. Так что давайте буду журналистом.

– Вы смотрите на Россию из-за правого руля. Что даёт такое зрение?

– Наверное, некий стереоэффект, дополнительную глубину. Дальний Восток ещё как часть СССР успел поехать на левом руле, а в последние два десятилетия ездит преимущественно на правом. Этот опыт даёт возможность судить о каких-то стереотипах массового сознания не умозрительно, а с полным знанием предмета. Причём, как вы догадываетесь, правый руль в данном случае я понимаю не только в прямом, но и в переносном смысле. Правый руль – символ свободы мысли, свободы оценки, утверждение альтернативности, в том числе и альтернативности правил общественной жизни. Он, руль, как бы говорит нам: можно жить так, а можно эдак, и не верьте тем, кто утверждает, что жить можно только так... Сама близость Владивостока к Японии – Китаю – Корее – это ещё один «правый руль».

– А вы своим «Правым рулём» что сказать-то хотели? Ну не о проблемах же отечественного автопрома

Эта книга...

– В том числе и о проблемах автопрома. Хотя понятно, что это только один, первый план, а в книге таких планов несколько. Это книга о свободе прежде всего. О нашей стране, о взаимоотношениях провинции и столицы, о взаимонепонимании, об угрозах распада единого российского пространства (для начала – пространства культурно-информационного, а не административно-территориального). В книге есть и лирическая линия – о моём Владивостоке и обо мне самом. Ещё, конечно, о японских «праворульках» и о том, чем они стали для Дальневосточного региона в 90-е годы. Наконец, об автомобиле как культурном феномене современного общества, об эпохе автомобилизма и психологии «человека автомобильного».

– Никогда не мог понять ненависти провинции к столице. Всё же в Москве живут не только чиновники, политики и бизнесмены, но и простые рабочие, и учителя. И эти люди очень переживают за глубинку. Но почему из той же глубинки они ощущают по отношению к себе один негатив? В 2010 году горела вся Россия, сотни тысяч москвичей перечисляли деньги для пострадавших районов, посылали вещи и предметы первой необходимости. А вот те же теракты в столице вызывают в провинции неоднозначную реакцию, порой даже ликование. Чем это объяснить?

– Тем, что силы действия и противодействия равны. Честь

и хвала московским рабочим и учителям, но ощущаемый ими негатив, о котором вы говорите, – это отражение того негатива, который ощущает глубинка и который идёт, к сожалению, из Москвы. Причём, видимо, из Москвы не как из «одного из городов», а из Москвы как столицы. Я бы, впрочем, не говорил о «ненависти», скорее – о взаимном недопонимании, о вещах чисто культурно-информационного характера, вызванных самой огромностью нашей страны и, главное, политическим, экономическим, культурным и мировоззренческим москвоцентризмом, который у нас запределен (в отличие, к примеру, от американской полистоличности, которой нам, считаю, очень не хватает). Мне на днях позвонили в два часа ночи коллеги из Москвы, а я уже сплю. Как всегда, страшно удивились и извинились: мы же не знали, что у вас уже ночь... Интересно, почему вот мне не приходит в голову мысль звонить в Москву, когда в Москве ночь? Почему я добросовестно вычитаю эти семь часов? Или, скажем, звонят и просят срочно сделать репортаж с Сахалина или Камчатки – «сгоняйте на машине или на электричке». Приходится объяснять, что от Владивостока до Камчатки – тысячи две с половиной километров и туда нет никаких дорог... При этом я – не сепаратист и не провинциал-экстремист, для меня огромное территориально-культурное единство России – великая ценность, а значит, и Москва как столица (другой-то у нас нет, не Пекин же в самом деле) – тоже ценность. С каким бы скепсисом или даже зло-

стью я бы ни относился к политике федеральной власти (как, собственно, и региональной). Тем более что, как я понимаю, у самих москвичей не меньше скепсиса и злости по отношению к той же самой власти. Поэтому я хочу, чтобы вот этого взаимного непонимания становилось меньше. Чтобы дальневосточники чаще бывали в Москве, Петербурге, Европе, а москвичи и питерцы – на Дальнем Востоке. Тут тоже есть что посмотреть и что обдумать. Хорошо бы организовать такие программы обмена: писатели, живущие в Москве, на несколько месяцев переселяются в провинцию, а провинциалы – в Москву.

– В перестройку малые народы тоже начали предъявлять претензии русским – мол, плохо мы знаем их великие культуры, обычаи и прочее. При этом сами они, приезжая к нам, не утруждали себя изучением нашей культуры. Так и с провинциалами: «Ненавижу москвичей, приехал, а на вокзале меня обхамили...» Так тебя обхамил такой же приезжий; москвичи по вокзалам-то не шастают, они дома сидят или на работе вкалывают.

– По-хорошему, конечно, нужно не сталкивать лбами русских и нерусских, москвичей и провинциалов, а искать что-то объединяющее, что ли, уравнивать, сглаживать, находить некое общее большое дело... Но это в теории. На практике – непонятно. Вообще отношение провинции к Москве – это, скорее, «любовь-ненависть». Сколько бы мы

ни ругали Москву – мы в неё стремимся переехать. У меня самого половина однокурсников уже в Москве. «Ты почему ещё там?» – спрашивают меня. А я отвечаю, что мне во Владивостоке больше нравится, потому что в Москве моря нет. Хотя в Москве у меня есть добрые товарищи, которых я с удовольствием вижу, бывая в столице. Ненависть же, если она и есть, – это одно из лиц любви в отличие от равнодушия. А уж в равнодушии к Москве нашу провинцию заподозрить сложно!

– Между прочим, с таким же недопониманием, о котором говорилось выше, сталкиваемся и мы. Мне тоже частенько звонят из регионов, не подумав о том, что в Москве – глубокая ночь. Просят, допустим, найти контакты какого-нибудь писателя Пупкина. Я терпеливо объясняю, что в столице – тысячи писателей, что о Пупкине я никогда не слышал и не знаю, где его искать. А в ответ: «Конечно, вам некогда, вы же такие занятые, масквачи, вам жеж плевать на остальную Россию...» И поди докажи им обратное...

– Я вас прекрасно понимаю и даже не собираюсь спорить, потому что наши личные опыты и позиции не противоречат друг другу, а только дополняют общую картину и подтверждают наличие большого взаимного непонимания. Выходит, вы относитесь к провинции примерно так же, как провинция к Москве. Это совершенно объяснимо. Но в то же время мне бы хотелось, конечно, чтобы вот этот разрыв как-то преодо-

левался.

– А как? Ну давайте пофантазируем и представим, что завтра столица России будет перенесена из Москвы во Владивосток. Что изменится-то? Лет через десять, когда Владивосток заполонят чиновники и разномастные дельцы, а основные денежные потоки страны будут проходить через него, другие регионы столь же косо будут смотреть уже на вас, а не на нас. Выходит, дело всё-таки в системе, а не в людях?

– Люди везде примерно одинаковые, конечно. Условия несколько разные – это тоже понятно, да и странно было бы ожидать иную картину. Так что – да, дело в системе. В тех социальных связях, взаимоотношениях, перекосах, которые сейчас есть. Вот, значит, их – то есть систему – и надо как-то менять. Я, кстати, никогда не выступал за перенос столицы во Владивосток – не настолько я безумен. Вот куда-нибудь поближе к географическому центру страны – это было бы интересно и, думаю, полезно.

– А когда, по-вашему, закончится это противостояние Москва – остальная Россия? Что для этого должно произойти?

– Не знаю на самом деле. И закончится ли? Сейчас, на мой взгляд, мы всё ещё проходим фазу расхождения, фазу взаимного отдаления. Когда начнётся фаза сближения, из-за чего она начнётся и начнётся ли вообще – мне неизвестно. Есть ведь и такой взгляд, что Россия – империя, продолжа-

ющая распадаться. Мне бы, конечно, хотелось, чтобы этот взгляд оказался ошибочным. Но у меня самого нет на этот счёт категоричного мнения.

– Угроза регионального сепаратизма для России сегодня достаточно актуальна. А как у вас с этим?

– На мой взгляд, сегодня это не актуально для Дальнего Востока. Если иногда и вспоминают люди в сердцах Дальневосточную республику, то это, скорее, фигура речи, выражение недовольства теми или иными сомнительными инициативами федерального Центра, нежели действительное желание отделиться от РФ. И это хорошо: значит, некий спасительный государственный, можно даже сказать имперский, инстинкт в наших людях сохраняется. Несмотря на то что поведение самого Российского государства всё чаще отдаёт откровенным безумием и несмотря на то что всё меньше людей сохраняют по поводу нынешней власти иллюзии. Другое дело, что ситуация имеет свойство меняться. И завтра-послезавтра та или иная угроза может приобрести вполне реальный характер. Но сегодня я не вижу у нас на Дальнем Востоке сколько-нибудь серьёзной угрозы сепаратизма.

Три дополнительных вопроса:

– В начале XX века критики наперебой говорили, что писатель измельчал. А что можно сказать о нынешнем времени?

– Не стал бы брать на себя такую ответственность – говорить за эпоху, но мне вот лично не кажется, что писатель из-

мельчал. В наше время живут и пишут грандиозные писатели. Другое дело, что их мало читают, – вот это плохо.

– Почему писатели перестали быть «властителями дум»? Можете ли вы представить ситуацию «литература без читателя» и будете ли продолжать писать, если это станет явью?

– Перестали быть властителями по ряду причин как объективного (развитие ТВ, Интернета, индустрии альтернативных развлечений), так и субъективного характера. К примеру, исчезла существовавшая в СССР система книгораспространения. Наверное, можно привести ещё с десяток факторов, но ничего нового я тут не скажу. Да, мне досадно, что российский литературоцентризм подсулся. «Литература без читателя»? Сложно представить такое, мне кажется, что читатель останется – хотя, может, уменьшится численно. А может, и нет. Тексту нужен читатель, иначе для чего текст? Для самого автора? Буду ли продолжать писать – вопрос для меня слишком умозрительный: я не могу представить себе ситуации, о которой вы говорите. Возможно, буду – в силу привычки, как пишется дневник, как люди занимаются различными хобби. А возможно, прекращу и так, даже не дожидаясь того, чтобы описанная вами ситуация стала явью. Вокруг столько писателей, все настолько здорово пишут, зачем ещё мне лезть к ним – они и без меня прекрасно справляются, скромнее надо быть.

– На какой вопрос вы бы хотели ответить, но я его

вам не задал?

– М-м-м... Что-нибудь конкретно о Владивостоке, в котором я живу. Об экзотике. Например, о тиграх, камбале или китайцах.

«Литературная газета», 30 мая, 2012 г., № 22

«Самое ценное и вечное нашей культуры – дар речи»

Сергей Алексеев всё делает с сибирским размахом, не оглядываясь на окружающих

Сергей Алексеев родился в 1952 году в посёлке Алейка Зырянского района Томской области. Окончил Томский геолого-разведочный техникум и высшие офицерские курсы «Выстрел». Работал молотобойцем, геологом, служил в армии, потом оперативником в уголовном розыске. Писать начал в 1976 году. К настоящему времени издал неполное собрание сочинений в 46 томах. Автор романов «Слово», «Рой», «Крамола», «Возвращение Каина», «Сокровища Валькирии», «Аз Бога Ведаю», «Волчья хватка» и т. д. Лауреат премии Ленинского комсомола, премии ВЦСПС и Союза писателей СССР, премии им. Шолохова. По произведениям Алексеева сняты художественные фильмы и поставлены спектакли. В настоящее время живёт в Москве.

– Вы с самого раннего детства начали заниматься охотой и рыбалкой, а как сейчас? На медведя ходите, тайменя блесните?

– На медведя ещё хожу, но только на крупного и матёрого, на свете пожившего. А если такого не встречу, то и сезон проходит впустую, но зато душа полна от радости и впечат-

лений. С рыбалкой труднее – ездить на заполярные реки за тайменем некогда, но сажу с удочкой на родной реке Четь. Ключёт плотва, по-сибирски чебаки, реже щуки, но зато все золотые.

– Кажется, это Чехов отметил, что самые лучшие мысли посещают человека за рыбалкой. А как у вас с этим? Обдумываете ли новые произведения в своих походах по лесам-озёрам?

– Эти самые золотые рыбки и приносят мудрые мысли. И всё творится потом по щучьему велению да моему хотению. Пожалуй, половину своих романов я обдумывал наедине с природой. Сидишь на лабазе или на берегу и пересыпаешь думы свои, как песок, с ладони на ладонь. Мусор и пыль отвеиваются на ветерке, и остаются только твёрдые, опять же золотые зёрна.

– А вот если бы вы были типичным рафинированным интеллигентом, таким кабинетным писателем, совершенно не знакомым с природой, – как это повлияло бы на ваш стиль?

– Не мог бы никогда стать кабинетным, природа не позволила, родился в буквальном смысле в лесу, под кедром, в посёлке Алейка, что в переводе с греческого означает «скит, скитничество». И когда читаю сочинения кабинетных, особенно кухонных, домохозяек, коими ныне заполнены полки книжных магазинов, сначала от души смеюсь над вымыслом, а потом плачу от сознания того, что всё это покупается и чи-

тается. До какого же безобразия надо обезличить и унижить свой народ, чтобы он покупал и читал подобное чтиво! Да ещё и верил!

– Прочитал где-то, что Алексеев «начинал как деревенщик»... А что же, разве вы перестали быть деревенщиком или, скажем шире, почвенником?

– Мне тоже приходилось читать подобные строки. Хотелось бы таким критикам в глаза посмотреть, спросить, где они учились филологии, на каких произведениях воспитывались? Очень жаль, что вменяемая критика как жанр перестала существовать, политизировалась ещё хлеще, чем в советские времена, или сделалась придатком рекламных кампаний. Критика очень точно выявляла тенденции литературного процесса во времени и пространстве, высвечивала состояние общества в целом. И, главное, отслеживала такую тонкую материю, как писательское мировоззрение. Русская литература была всегда философской, практически полностью заменяла эту научную отрасль, чем и до сей поры привлекает Запад. Я учился у Гарсиа Маркеса, и если он деревенщик, то и я – почвенник.

– А писатели так называемого патриотического станна никогда не называют вас отступником, променявшим родные суковатые берёзки на мистические дали? Всё-таки вы не вписываетесь в образ такого классического патриота – то ли коммуниста с портретом Ленина, то ли монархиста с хоругвью. Одни названия

произведений чего стоят: «Арвары. Магический кристалл», «Молчание пирамид», «Тайна третьего кургана»...

– В лицо никогда не называют, должно быть, опасаются, но за спиной шепчутся. Иногда краем уха ловлю слова «коммерция» – это про миллионные тиражи, «волк-одиночка» – это о принципиальном желании не примыкать ни к какой группе.

– Как бы вы сами определили то, что делаете?

– Продолжаю традиции русской литературы, но в современной реальности, исключаящей веру в чудо. А без этой веры нет национальной психологии – образа мышления и манеры поведения.

– Своим главным романом считаете...

– Ещё не написанный.

– А главная неудача? Наверняка ведь была такая книга, на которую возлагались большие надежды, но...

– Все романы, сегодня обречённые на неудачу, лежат в столе, и их, кроме меня, ещё никто не читал. Наступит час, когда я сам их опубликую, если жив буду.

Или мои соратники это сделают. Иные плоды следует вкушать нормальной спелости, иные перезревшими, а иные и вовсе недозревшими. Сорви с ветки и дай сегодня – будет скулы сводить.

– Вы ведь ещё и издатель. А какие цели ваше из-

дательство преследует, на какие средства существует, для чего вообще было создано?

– Ну, издатель я самый молодой в России. Вместе с единомышленниками создал «Страгу Севера» под конкретный проект «Сорок уроков русского». Это не просто роман-эссе, это концептуальная разработка для создания этимологического словаря русского языка, для чего я привлекаю молодых учёных-лингвистов, разделяющих новый-старый взгляд на Дар Речи. А задача – вернуть ему образовательное начало, коим он обладал в период бесписьменной культуры, сделать важнейшим образовательным инструментом. На первое издание «Уроков» собирали средства с миру по нитке, заодно протестировали общество. И должен вам заявить: величие нашего народа не удалось подорвать никакими революциями и реформами. В обществе, где проповедуется культ рубля, за неполных три месяца мы собрали пожертвования для издания не только романа-эссе большим тиражом, но ещё и для художественного оформления двадцати первых детских сказок-уроков. Когда же прекратили приём пожертвований, последовал шквал писем с единственным требованием – продолжать начатое дело. Наши соотечественники, в том числе и зарубежные, проголосовали рублём за самое ценное и вечное нашей культуры – Дар Речи. С этой же целью был создан культурный фонд «Первое Слово», с помощью которого мы и начинаем работу над этимологическим словарём.

Три обязательных вопроса:

– В начале XX века критики наперебой говорили, что писатель измельчал. А что можно сказать о нынешнем времени?

– Современным критикам, особенно нынешним, конъюнктурным, трудно или даже невозможно оценить качество современной литературы, особенно мировоззренческой. Вопрос заключается в критериях оценки, глубоко политизированной и чуждой национальным особенностям этноса. В начале XX века мы это уже проходили.

– Почему писатели перестали быть «властителями дум»? Можете ли вы представить ситуацию «литература без читателя» и будете ли продолжать писать, если это станет явью?

– К счастью, русская литература вечна, как и высший образовательный инструмент – Язык. А писатели перестали быть властителями дум по одной причине – не узрели открывшегося окоёма, то есть нового горизонта. И по старой, ещё советской, кальке ушли в конъюнктуру: вместо производственной прозы, восхваляющей руководящую роль партии, стали писать про руководящую роль церкви. Да ещё называть это духовной литературой! Был герой – рабочий, колхозник, коммунист, стал благородный бывший зэк, милиционер, священник.

Примитивизм мышления напрочь отвратил читателя от эдаких дум писателя. Какая удивительная по глубине перекристаллизация разума совершается! Какими новыми крас-

ками и оттенками сверкают самоцветы вечных чувств!

– На какой вопрос вы бы хотели ответить, но я его вам не задал?

– Есть ли жизнь на Марсе? По-моему, есть!

«Литературная газета», 7 августа 2013 г., № 32

«Литературу следует отделить от денег»

Только так она останется настоящей, считает **Владислав Артёмов**

Артёмов Владислав Владимирович родился 17 мая 1954 года в селе Лысуха Березинского района Минской области. Окончил Литературный институт им. Горького в 1981 году. Член Союза писателей России с 1991 г. С 1982 по 1987 год работал редактором отдела поэзии в журнале «Литературная учёба». С 1989 по 2001 год – редактором отдела литературы в журнале «Москва». С 2002 по 2009-й – редак-тором в Военно-художественной студии писателей. Ныне – главный редактор журнала «Москва». Выпустил две книги стихов: «Светлый всадник» и «Странник». В 2003 году в издательстве «Андреевский флаг» вышел роман Артёмова «Обнажённая натура». Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

– В 90-е вы заведовали отделом поэзии в журнале «Москва». А почему пришлось оттуда уйти? Я вот слышал такую версию – Артёмов больше занимался своим творчеством, чем рукописями других авторов, что в итоге истощило терпение главреда Леонида Бородина.

– Всё проще. После десяти лет редакторской работы с чужими рукописями наступает усталость. Рукописи эти, к сожалению, в массе своей бездарны. А бездарность вытягивает силы. Так что я готов был уйти. Формально же мой уход произошёл так. К столетнему юбилею М. Исаковского я подготовил страничку. Вполне дежурную, с краткой биографией, с виньеткой. У нас с Бородиным возникло по этому поводу некоторое мировоззренческое прекословие. Он предложил юбилей не отмечать. Напирал на то, что Исаковский «сталинист». А я считал, что сталинизм и репрессии – ерунда. Главное – «Одинокая гармонь», «Катюша» и «Враги сожгли родную хату». Мы оба были правы, каждый по-своему. Ну и ещё мы в редакции частенько выпивали. До скандалов не доходило, но он этого не любил. Так что по совокупности. Однако отношения наши не испортились, я регулярно в последующие годы печатался в журнале.

– Ваше второе пришествие в «Москву» уже в ранге главреда – это решение редколлегии?

– Редактором я стал случайно и не по собственной воле. Я был свободным человеком, работал сутки через четверо в спорткомплексе Бауманки. В МЧС. Работа заключалась в посещении бассейна, сауны, спортзалов и проч. И тут в сентябре прошлого года позвонил Леонид Иванович и пригласил меня в журнал «Москва». На должность заместителя. Он болел. Я сперва отказался, а потом и пошёл. Всё равно зимой делать нечего. Он уступил мне свой огромный кабинет. Но

читать рукописи не очень-то получалось. Леонид Иванович зазывал меня к себе, в маленькую боковую комнатку, и мы часами просто разговаривали. Вернее, он рассказывал про свою жизнь. «Я, Слава, могу умереть в любую минуту...» Я не верил. Он умер через два месяца, 25 ноября прошлого года.

– Поговаривали, что там какие-то закулисные игры происходили, борьба группировок, каждая из которых хотела поставить своего человека во главе журнала...

– Особой борьбы не было. Что-то там пенилось и пузырилось в Интернете.

И когда провели собрание, люди выбрали меня. Словом, само собою так сложилось.

– А в чём уникальность журнала «Москва», его отличие от других «почвеннических» журналов, да вот хотя бы от «Нашего современника»?

– Уникальность в том, что мы – нормальны. Сегодня «нормальное» вытесняется на обочину бытия. Везде, условно говоря, гей-парады, перформанс и однополые браки. Но ведь где-то же должен сохраняться «эталон нормы». Мы вроде заповедника классического искусства. Где по-прежнему ценятся гармония, мера, «золотое сечение»... Любить свою землю и свою страну – норма. Ненависть к своему народу и презрение к родине – психическая аномалия. Сегодня размываются критерии, по которым люди судят о добре и зле, о

красоте и безобразном. Без таких критериев человек беспомощен, им легко управлять. Мы стремимся сохранить точку опоры и систему координат. «Наш современник» – журнал наступательный и в хорошем смысле более агрессивный в отстаивании интересов русского человека. Образно говоря, если мы – добро, то «Наш современник» – добро с кулаками. Мы стараемся переубедить и перевоспитать негодяя, а они с ходу бьют в морду. Это метафора.

– В редакционной политике планируются какие-то серьёзные преобразования? Может быть, будет больше политики? Одно время, в бытность главредом Сергея Сергеева, журналом очень активно обсуждался русский вопрос...

– Мы по духу державный, имперский журнал. На титульном листе у нас написано: «Журнал русской культуры». Это естественно и нормально. Поскольку сам русский дух – имперский. В нашем многонациональном государстве восемь из десяти жителей – русские. Если мы сможем избежать потрясений и революций, то русские постепенно, в силу самой природы вещей, займут своё законное положенное место. И во власти, и в бизнесе, и в культуре. Вот почему миллиарды долларов вкладываются в борьбу с нами, с нашей великой историей, с нашей культурой, с нашим образованием. Вот почему так массированно и организованно лгут наши СМИ. Механика лжи чрезвычайно дорогая, беспокойная и затратная штука. Нельзя допустить, чтобы Россия осознала

себя великой державой, каковой она и является. Нельзя допустить, чтобы русские поняли, что они здесь хозяева. Вот и весь русский вопрос.

– Вы в последнее время перешли к прозе и написали несколько романов. С чего такой поворот?

– Я, перед тем как мне исполнилось 37 (трагически опасный возраст для поэтов), в 1991 году быстро перекинулся на прозу и написал два-три романа. Проскочил.

– А стихи как же?

– Пишу. Не опасно же.

– А что за история была с Литинститутом? Я где-то прочитал, что вас когда-то не хотели принимать, забрав в лирику, и вы подсунули что-то ура-патриотическое, которое было воспринято благосклонно. Или это тоже байка?

– В Литинститут я конкурс творческий прошёл два раза подряд. Но в первый раз поступать не стал. А когда поступил, то после первого курса ректор меня за поведение исключил на год, с условием, что я поеду в промышленный город, буду работать на заводе. И он меня восстановит. Я вернулся после Тракторного завода в Челябинске, где отработал этот год художником, пришёл восстанавливаться. Ректор попросил показать стихи на «рабочую тему». Я соврал, что с собою не захватил, а принесу, мол, как-нибудь потом. «Завтра приноси. Иначе не восстановим...» Пришлось отправиться в книжный магазин, набрать десяток чужих сбор-

ников, полночи перепечатывать оттуда. А утром принёс эту подборку. Ректор внимательно прочёл, похвалил и подвоха не обнаружил. Благо у стихов этих был единый стиль. Вернее, отсутствие признаков какого-то бы ни было стиля.

– Кстати, недавно Министерство образования и науки включило Литинститут в список неэффективных вузов. Что вы об этом думаете?

– Это, конечно, с их стороны большой прокол. Но следует сказать, что и в это министерство, и во многие другие министерства, организации, ведомства ещё с девяностых годов насочилось много всякой зловредной нечисти. Тут работы по выявлению и изгнанию этой нечисти лет на двадцать. Ежедневной, рутинной. Причём будет нарастать оголтелое сопротивление. Вот только что взволнованно кричали – нужно бороться с коррупцией, рыба, мол, «гниёт с головы». И что же мы видим? Едва провели первые обыски и завели серьёзные дела, едва тронули эту «рыбу» за жабры, как немедленно кругом завопили теми же взволнованными голосами: «Репрессии, тридцать седьмой...» И вот, раз уж речь зашла о репрессиях, то к слову. Происходит парадоксальный, не очень логичный, хотя и психологически понятный процесс. Чем яростнее проводят так называемую десталинизацию, тем больше нарождается в России сталинистов. Причём это особенно заметно в молодёжной среде. Лично я, при всём уважении к эпохе и её свершениям, не хотел бы жить в то беспокойное время. Кто его знает, как бы там

повернулось в личной жизни. Всё-таки «стреляли...» Но у людей, которым внушается ненависть к собственной стране и истории, аргументы простые: «Сталин империю восстановил, великую войну выиграл, а вы что сделали? И почему каждый год без всяких расстрелов и репрессий вы по миллиону народу в землю втаптывали?» И крыть тут нечем.

– Многие писательские объединения и издания сегодня открывают платные литературные курсы, чтобы поправить своё финансовое состояние. В «Москве» ничего подобного не планируется?

– Моя давняя мечта: литературу (и вообще искусство) следует жёстко отделить от денег. Писателей, художников, музыкантов кормить за государственный счёт, бесплатно. В обычной скромной столовой, два-три раза в день. Рюмка водки по воскресеньям... Денег лишить, даже карманных. Тогда исчезнет вся эта зарабатывающая многотиражная шушера, все эти пишущие домохозяйки. Останутся настоящие природные таланты и, конечно, графоманы. Две простые и очевидные категории творцов. И союзы писателей очистятся. Да и какие сейчас союзы писателей? Набирали ведь всех подряд, кто грамоте обучен и перо умеет в пальцах держать. Только взносы плати. А вот у нас в редакции зарплата литсотрудника – меньше десяти тысяч рублей. Живём на подписку, за счёт издания книг, а также на пожертвования благотворителей. Литературой добыть денег нельзя. Как только литература становится способом добычи денег, это уже не

литература. Круг замкнут.

Три обязательных вопроса:

– В начале XX века критики наперебой говорили, что писатель измельчал. А что можно сказать о нынешнем времени?

– Натуральная и доброкачественная литература сегодня ушла в подполье, в безвестность, в малые тиражи. Что же на виду и на слуху? Многие научились изготавливать тексты, очень похожие на «художественную литературу». Эпоха технологий. Время фальсификаций и подделок. Вот мы, к примеру, читаем в магазине этикетку: «Сок натуральный». Ясно, что это – и не сок, и не натуральный. Или, положим, говорят – писатель Акунин. То же самое. И не писатель, и не Акунин. Я говорю не ради обиды, а для наглядности. Нарочно утрирую. Как бы литература. Голливудские технологии. Чем кончаются земные сюжеты? Торжеством добра: «Умри, гадина!» В небо литература не заглядывает, роется в мусоре. И ещё. Мотором творчества является тщеславие. Писатель прошлых эпох, добывая себе славу, трудился не покладая рук. Нынче появились иные, более лёгкие способы прославиться. Писатель элементарно меньше трудится, работает без черновиков, следовательно, произведения его заведомо несовершенны. Да и издатель требует три-четыре романа в год. Товар скоропортящийся. За год не раскупили тираж – на помойку.

– Почему писатели перестали быть «властителями

дум»? Можете ли вы представить ситуацию «литература без читателя» и будете ли продолжать писать, если это станет явью?

– В XIX веке многие горячие читатели откликались на призыв «властителей дум», стреляли городских, рушили свой дом, гибли в революциях. Ныне читатель поумнел. Хотя «поумнел» – не то слово. Жизнь настучала по голове. И человек, которому жизнь настучала по голове, понимает, что ни у одного писателя на земле нет «святой правды». Читая меньше потому, что слишком много иных развлечений. Хорошо, если на миллион людей найдётся десяток настоящих читателей. На всю страну – полторы тысячи. Это просто замечательно. Это целый мир, целое умное, великое племя. Да будь хоть один читатель на свете, стоит писать для него. Стихи я бы сочинял при любых обстоятельствах. Это само по себе интересно.

– На какой вопрос вы бы хотели ответить, но я его вам не задал?

– Расскажу поучительную историю, можно сказать – притчу. У нас в цеху на ЧТЗ был профорг, который заведовал путёвками и прочими бесплатными благами. Как-то съездил он в Англию, восхищался: «Из автобуса выходишь, лакей хватает твои чемоданы, тащит в номер... Что значит культура!» Это говорил советский человек, всю свою жизнь пользовавшийся халявой, не имеющий никакой профессии. Ему и в голову не приходило, что его, пожалуй, и в лакеи-то

не взяли бы в этой самой Англии. Впрочем, мы все тогда думали и верили, что если страна пойдёт по западному пути, то нам лакеи будут носить чемоданы...

«Литературная газета», 26 декабря 2012 г., № 52

«Читатель нынче тороплив»

Дмитрий Бак о критике, поэзии, литпроцессе и многом другом

Дмитрий Бак – поэт, филолог, критик, журналист, профессор РГГУ. Родился в 1961 году на Камчатке в посёлке Елизово в семье военного врача. Окончил филологический факультет Черновицкого госуниверситета (Украина), кандидатскую диссертацию защитил в 1991 году в Институте мировой литературы РАН. Автор более 200 публикаций о классической и современной русской литературе, лауреат премии литературного журнала «Октябрь» (2004 и 2012 годы). С февраля 2013 года – директор Государственного литературного музея в Москве.

– Вы известны не только как филолог, критик, журналист и писатель, но и как преподаватель, читаете лекции в университетах, возглавляете Государственный литературный музей в Москве. Выходит, можно объять необъятное?

– Это не так уж необъятно! Все перечисленные мои занятия объединяет русская литература. И потом, я ведь не одновременно всем занимаюсь, так уж сложилось. Скажем, действующий критик должен регулярно писать о новых книгах – так, чтобы читатель его узнавал, интересовался именно

его мнением о том или другом сочинении. Я и был таким, но достаточно непродолжительное время и, увы, давно – на рубеже 90-х и 2000-х. То же можно сказать и о журналистике: я это делать умею и люблю, но получается только от случая к случаю, в последнее время почти всегда только если обращаются с просьбой об интервью...

– А не возникает мысли, что одно идёт в ущерб другому? Ну, скажем, что преподавательская деятельность оставляет меньше возможности заниматься литкритикой, собственным творчеством? Такие нагрузки – это ведь не шутка.

– Я так не думаю. Преподавание – своего рода послушание, смысловая рамка, в которую заключена вся остальная жизнь. Ведь здорово, что каждый год в начале мая, готовясь к лекции, я перечитываю Гончарова, а в апреле – Тютчева... Про критику я уже ответил: это по большей части дело прошлое. Что касается «собственного творчества», то я во многом человек устный и удачную лекцию считаю не меньшим достижением, чем что-нибудь написанное и опубликованное. Кроме того, общение со студентами – дело совершенно незаменимое: и от комплексов оберегает, и от нытья, что, мол, молодое поколение у нас не такое да не этакое. Часто так говорят те, кто это самое поколение видит только в телевизоре. Молодые, сильные, энергичные собеседники вокруг – что может быть лучше? Такого вдохновляющего общения у меня много, спасибо студентам РГГУ и Шко-

лы-студии МХАТ. Что до нагрузок – тут вы правы, иногда нелегко приходится. Но ведь всякий лекционный курс – это как любимое дитя: если его не пестовать, отбивается от рук. Вот я когда-то лет десять читал в университете курс по истории русской критики XIX века, а потом передал его своему бывшему аспиранту. И теперь чувствую, что этот материал меня покинул, лёг куда-то в дальние пласты памяти, это для меня потеря.

– Кстати, о Литературном музее. Что изменилось с вашим приходом в феврале этого года? И что ещё изменится?

– Мне самому нелегко судить, об этом лучше спросить моих коллег, а также посетителей музея. Мне кажется, о Литературном музее стали чаще вспоминать, он больше не находится в информационном вакууме. Мне часто приходится говорить о разительной диспропорции между потенциалом Гослитмузея (кстати, самого значительного по объёму и составу фондов литературного музея России) и его реальным местом в отечественной культуре. Кое-что сделать удалось: провели несколько крупных выставок, самая значительная состоялась в Большом Манеже: приобретённые Министерством культуры для ГЛМ материалы парижского архива Алексея Ремизова. Осваиваем новые области работы, стремимся стать площадкой, на которой бы вели дискуссии ведущие профессионалы, связанные с литературой, – не только писатели, но и критики, издатели, переводчики... От-

крываем отдел музейной педагогики, будем развивать просветительские программы для детей и взрослых, в том числе туристические. Собираемся запускать несколько издательских проектов. Но главная задача – к 80-летию музея (2014 год!) добиться центрального здания, которого мы лишены более 40 лет, и это, по-моему, преступная расточительность. Ведь из всех литмузеев только наш, в силу разнообразия своих фондов, способен обеспечить масштабную экспозицию по многовековой истории русской литературы и книжности.

– Стали чаще говорить о Литмузее? Не уверен. В писательских кругах он давно не является предметом обсуждения. Его вроде бы и не существует. Вот о Литинституте говорят постоянно, хвалят, ругают, но он на слуху...

– Я уже говорил об информационном вакууме, в котором много лет находился музей, – в значительной мере по вполне «внутренним» причинам. Хотя и внешний мир изменился: возникли новые технологии хранения, экспонирования, управления, информационного сопровождения, здесь мы по-прежнему отстаём от требований сегодняшнего дня, надеюсь, это ненадолго.

– Вы, помимо всего прочего, ещё и поэт. Но дебютировали книгой стихов «Улики» только три года назад, то есть в достаточно зрелом возрасте. А что, не было возможности выпустить книгу раньше?

– Знаете, мне не очень близка формулировка «помимо

прочего ещё и...». Как нельзя быть немножко беременной, так невозможно считать себя «в том числе ещё и стихотворцем». Гоголь в своей великой книге «Выбранные места из переписки с друзьями» недаром написал, что обращаться со словом нужно честно. Нельзя относиться к этому занятию, к этому дару как к чему-то вторичному. Другое дело, что такая самоотверженность ещё ничего не гарантирует – и графоман может быть свято убеждён в своей призванности небесами. Но без полной серьёзности отношения к стихописанию – невозможно, без этого никак не обойтись. Я искренне считаю это занятие главным делом жизни, занимаюсь им с детского сада... Почему книга поздняя? Если всерьёз – никогда не пытался «пробивать» сборник, как-то по-особенному не мечтал о его выходе. Это в советское время, если кто-то мне говорил, что у него две книги стихов, – мне всё было понятно. Либо передо мной очередной воспеватель прелестей социалистического соревнования, либо поэт всерьёз – цензура ведь отсекала не только идеологическую крамолу, но и откровенную халтуру. А вот если сейчас у человека вышло десять сборников – и половина из них на мелованной бумаге и с золотым обрезом – это не значит ровно ничего. Поэтому я и не торопился с выходом книги, это ни в коем случае не самоцель.

– А не обидно, что к поэтам вас не причисляют? Или причисляют достаточно редко. Это ведь беда многих поэтов, активно пишущих критику, публицистику, за-

нимающихся культуртрегерством. Обычно обсуждаются их громкие статьи и проекты, а стихи воспринимаются в качестве довеска. Мол, человек талантливый, он и в рифму умеет...

– Нет, всё это не обидно, ни в коем случае. Это ведь объективная вещь – если человек известен чем-то помимо поэзии, то и поэтом его многие автоматически считают «по совместительству». Но я знаю, что есть люди, которые дали себе труд вчитаться в мои тексты по-настоящему, вне связи с послужным списком. Несколько суждений в печати было высказано, близко совпадающих с моим собственным ощущением по отношению к стихам. И на том спасибо!

– Вам как члену Союза писателей России не горько от того, что сейчас происходит с этой структурой? Писательский профсоюз превратился, по сути, в богадельню. Престарелое руководство, взяв пример с Брежнева, переизбирает себя раз за разом, вешает себе на грудь медальки, в то время как влиятельная некогда организация хиреет и погибает. Где молодые, где новые имена? Там же ничего этого нет. Раньше считалось престижным быть членом СП, а теперь...

– «Горько», пожалуй, не очень подходящее слово. Я могу о многом из литературного прошлого сожалеть, но не о Союзе писателей как таковом – скорее, о некоторых особенностях организации литературного дела. Вот недавно ходи-

ли с женой и дочкой в детский парк на Басманной, смотрю: дом № 19, некогда – издательство «Художественная литература», легендарный Худлит. Где это всё, куда кануло? А писательский Союз в советском формате навсегда себя изжил, недаром же распался на осколки. Прежних рычагов воздействия на литературу не осталось: издательский станок, книгопродавческий прилавок работают сами по себе, по воле рынка и читательских запросов – часто, увы, очень упрощённых. Вот и остаётся писательским организациям незавидная доля – заниматься тем, о чём вы сказали.

– Говорят, что критика в России вымирает как жанр, что сами критики в основном отстаивают корпоративные интересы. Что вы об этом думаете?

– Не критика вымирает, а литература меняет свою природу, ставится на поток, становится частью издательских (читай – маркетинговых) стратегий. Поэтому критик в классическом смысле слова нынче не востребован. Критики прошлого (от Николая Надеждина и Виссариона Белинского до Марка Щеглова и Игоря Дедкова) стремились пояснить, к какой традиции относится тот или иной автор, книга, из какого контекста они выросли. Более того, критики пытались наметить верные, по их мнению, пути будущего развития литературы. Сейчас в большинстве случаев о книгах пишут не критики, а (как бы верно подобрать слово?) «ревьюеры». Для них главное – в очень кратком (чаще всего – газетном) формате объяснить торопливому читателю, «про что» книга

и почему её надо приобрести. А читатель нынче тороплив, потому что привык сплошь да рядом использовать технологии комфорта, прибегать, например, к услугам программиста, который только и желает, чтобы человеку жилось проще, так и норовит макрокоманду придумать, чтобы вместо шести нажатий на клавиши было достаточно одного. Вот и рецензия-обзор рассчитана, так сказать, на одну экранную прокрутку: пробежал глазами – и сразу понял, какое отношение к тебе имеет рецензируемая книга. Это очень далеко от привычной критики, её задачи для ревьюера непосильны. А корпоративные интересы блюдутся, конечно, но без этого никогда не обходилось: вспомним баталии «Литературной газеты» и «Северной пчелы» в 1830 году или споры «Октября» и «Нового мира» в конце 1960-х!

– В своё время много нареканий вызывали ваши проекты, в которых вы представляли современную русскую поэзию. Например, антология «Стихи года. 100x1». Вас обвиняли в необъективности, в том, что делаете рекламу друзьям и идейно близким авторам...

– Так говорили те, кто попросту не прочитал предисловие. Речь ведь не о лучших стихах 2007 года. Выстраивать иерархии, определять лидеров и аутсайдеров – вещь слишком серьёзная, я такую ношу на себя не взваливал. Я просто составил книгу своих собственных, субъективных читательских впечатлений 2007 года, о чём прямо и написал в предисловии. Это было интересно: прочесть сотни журнальных под-

борок, поэтических книг и выбрать сто «зацепивших» стихотворений – по одному каждого из ста поэтов. И авторы эти не обязательно «лучшие» – бывает, что поэт сам по себе не очень масштабный, не особенно известный, а конкретный текст удачен. Более того, в списке авторов книги – и ныне покойный историк литературы Лев Осповат, и прозаики Аксёнов (также от нас ушедший) и Прилепин, и певица Арбенина. Мне говорят, почему Арбенина, а не Гребенщиков? Мой ответ – да просто потому, что это антология впечатлений, а не книга иерархий, не ставил я целью выбрать лучший рок-текст года! Гребенщикова почитаю, но в 2007 году его поэтические публикации мне не встретились. Вообще словосочетание «стихи года» очень условно – журнальные публикации обычно не датируются, поэтому очень вероятно, что в 2007-м впервые напечатаны стихи, написанные раньше. Скажу больше: если бы мне приглянулись стихи Слуцкого или Тарковского, впервые опубликованные в том году, я бы и их не преминул включить в книгу...

– А что вам не нравится в современном литпроцессе? Что вы хотели бы – чем чёрт не шутит – изменить? У вас ведь больше возможностей для этого, нежели у рядового труженика пера. Вы ведь не только пишете, но и преподаёте, входите в жюри крупных премий, от вашего мнения многое зависит.

– Непростой вопрос. Мне не то чтобы не нравится, но кажется непривычным для русской литературы, что в прозе, по

сути дела, отсутствуют направления, школы, группировки, есть аморфное поле конкурирующих издательских стратегий да стоны и жалобы тех, кто остался на обочине. То есть критики свои конструкции по-прежнему строят, но их «обоймы» не очень-то на слуху у широкого читателя. Наверное, это происходит потому, что романы и повести гораздо реже впервые публикуются в журналах, то есть там, где раньше были «прописаны» литературные критики. «Направление» классического толстого журнала – в прежнее время это была вещь очень серьёзная, тут не могло быть внутренних противоречий. А в разных редакциях одного и того же крупного издательства вполне могут выходить в свет книги очень разные – и откровенно рассчитанные на низкий вкус, и серьёзные, даже усложнённые. Издаём и Гоголя, и милорда глупого, и никаких тебе противоречий – просто работа с разными фокус-группами читателей...

Три обязательных вопроса:

– В начале XX века критики наперебой говорили, что писатель измельчал. А что можно сказать о нынешнем времени?

– Мне кажется, что в наши дни поэт – больше не больше, чем поэт. И, знаете, я по большому счёту не против. Если от писателя ждут, что он будет и политиком, и религиозным пророком, и экономистом, и психопатологом, – это свидетельствует о глубоком неблагополучии общества, в котором

нельзя свободно говорить о религии или о политике. Пусть сапоги тачает сапожник и пироги – тот, кому следует, печёт. Тогда лучше будут понятны задачи литературы как таковой.

– Почему писатели перестали быть «властителями дум»? Можете ли вы представить ситуацию «литература без читателя» и будете ли продолжать писать, если это станет явью?

– Словесное начало, с точки зрения многих, уступило первое место визуальному, литература чрезмерно усложнена, неспособна поспеть за временем. Я не из числа скептиков, я буду продолжать читать «бумажные» тексты, что-то писать, это мои привычные занятия, а привычки менять мне уже поздно.

– На какой вопрос вы бы хотели ответить, но я его вам не задал?

– Это был бы вопрос о моей сегодняшней литературной работе. Ответ прост: я вот уже скоро двадцать лет работаю с рукописями замечательного русского поэта Арсения Тарковского, при постоянном доброжелательном содействии и незаменимой помощи Марины Арсеньевны, его дочери и биографа, а также многих и многих историков литературы, архивистов. Есть несколько замечательных издательских проектов, например, научное издание стихов Тарковского в серии «Новая библиотека поэта», которая выходит под редакцией Александра Кушнера. Все сроки представления результатов моих трудов давно прошли, но я надеюсь, что фи-

нишная прямая близка и, вопреки вечной нехватке времени, уже очень скоро я смогу вслед за классиком воскликнуть «окончен мой труд многолетний». Марина Арсеньевна, Александр Семёнович, простите великодушно мои опоздания, комментарии будут сданы, большой русский поэт будет наконец издан с комментариями, с учётом всех рукописных редакций!

«Литературная газета», 11 сентября 2013 г., № 36

«Много у меня в столе...»

Владислав Бахревский читает внукам себя, а не Пушкина

Владислав Анатольевич Бахревский родился в 1936 году в Воронеже в семье лесничего. Школу и пединститут окончил в подмосковном Орехове-Зуеве. Учился на литературном факультете педагогического института, руководил созданным им литературным кружком, а впоследствии возглавлял Орехово-Зуевское литературное объединение. Работал в журнале «Пионер», «Литературной газете». Много путешествовал по стране, побывал в Сибири, на Камчатке, на Сахалине, в Карелии, на Алтае, собирая материалы для своих произведений. Автор рассказов, очерков, сказок, исторических романов, среди которых «Хождение встреч солнцу», «Всполошный колокол», «Василий Иванович Шуйский, всея Руси самодержец», «Смута», «Детство Баяна» и другие.

– Вы автор более ста книг, в том числе и для детей. Это, прямо скажем, много...

– Библиотека одного автора – сто книг – появилась вопреки многому, что стояло на моём пути. А всё просто. У меня была супруга Лена, которая, окончив институт, пошла на курсы машинисток. Вот мы такой объём совместно и осилили.

– Наверное, это странное чувство, когда читаете маленьким внукам не только Пушкина, Бажова, Носова, но и свои сказки и забавные истории?

– Пушкин не обидится, если я почитаю внукам свои новые сказки... Но печаль моя беспросветная. Не могу напечатать «Златоборье» с 1989 года, когда перестройщики уничтожили великий «Детгиз» и набор моей сказки рассыпали. В «Златоборье» – обо всём лучшем, что есть в нас и в русской природе. У меня нет изошрённых конструкций, нарочитых выдумок и басен. В сказке о муравье пишу о жизни муравья. И соловей у меня – соловей. Осень, зима, дядюшка Шорох – всё живое, неповторимое чудо, изумительное, как солнце. Я так горевал, когда уходило детство. Но оно возвращается в каждой сказке, в каждом стихотворении. Много у меня в столе. Перечислять – только время тратить.

– Вы называете себя «поэтом в прозе». А пояснить не могли бы, что имеете в виду?

– Совсем недавно редактор Виктора Астафьева Агнесса Гремицкая сказала мне о романе «Тишайший»: «Вы пишете прозу, как стихи». Верно. Огромный роман «Долгий путь к себе» я писал, как стихи. Для меня слово – Вселенная. Вселенная бесконечная, но всякая звезда – звезда. Моя Лена, печатавшая всю эту пропасть страниц, однажды призналась: «После твоей прозы я многих не могу читать».

– А стихи писали? Или, может быть, продолжаете писать в стол?

– Поэтом я себя не считал. Но в 1970 году издал в «Детской литературе» сборник стихов «Лошадиная поляна». Название купил у своих друзей за 3 рубля. Они на Киржаче видели на поляне ночью лошадей. Коли купил, надо оправдать затраты. Написал о лошадях стихи, назвал так сборник. Внутреннюю рецензию давал Евгений Винокуров. Тираж 50 000. Сборник прошёл незамеченным, как и многое другое, что выходило из-под моего пера. Но странное дело: в конце 90-х познакомился с критиком Ириной Арзамасцевой. «Вы – Бахревский? – удивилась она. – Мы росли на ваших стихах». Вот те раз! А потом узнал: в «Каравелле» Владислава Крапивина стихи мои пели, а одно стихотворение стало гимном этих романтиков. Честно говоря, жалею, что большинство моих стихов действительно в столе.

– А откуда у вас такой интерес к истории, к народному творчеству, к фольклору?

– Я из рода бахарей. Сказка – это моё, природное, а исторические романы – тяга к правдолюбию. Уже в детстве хотел написать правду о нашей жизни и о дедушке Евгении Порфирьевиче. Пятеро его братьев были священниками, а он – рабочий. Делал ружья в Ижевске. Революционер. Спасая от тюрьмы, братья пристроили его в селе псаломщиком и женили. После революции дедушку позвали в комиссары, а он принял сан. Был «тихоновец». Арестовали, и он умер в концлагере. Но чтобы писать – надо знать. Когда я произносил имя «Тихон», священники захлопывали двери перед

моим носом. О XVII веке начал писать случайно. Но, занявшись XVII веком, понял – вот мой путь к патриарху Тихону. И ещё одна задача тогда стояла передо мной: открыть глаза народу на царя Алексея. Он – Тишайший, но его величие перед восхваляемым Петром воистину великанское. Я не развенчивал Петра. Разве это возможно, если его имя так упорно вдалбливают в мозги? А ведь всё так наглядно. Все северные и восточные земли, все свои нынешние стратегические ресурсы Россия обрела до Петра. И тот же Алексей Михайлович отвоевал у Польши Украину и Белоруссию. Мои романы о XVII веке – это подготовка к эпопее о Тихоне. А подготовка к работе над «Святейшим Тихоном» привела меня также к «Виктору Васнецову» и «Савве Мамонтову», вышедшим в серии «ЖЗЛ».

– Тогда, наверное, нет смысла спрашивать, почему вы любите Васнецова и написали о нём великолепную книгу?

– Я не знаток музыки. А вот живопись, скульптуру немного знаю. Для меня лучшая галерея – в Будапеште. Там много Эль Греко и Лукаса Кранаха. Я жил рядом с Дулёвом, дружил с создателем дулёвского фарфора П. В. Леоновым, написал и о нём. К сожалению, пока не напечатана нигде, кроме крымского журнала «Брега Тавриды», моя работа о евпаторийском художнике Волкове «Мученик совершенства».

– А что за история недавно была с рейтинговым телесериалом «Раскол»?

В титрах авторами сценария указаны Николай Досталь и Михаил Кураев, притом что, как подсчитали неравнодушные зрители, в фильме использовано от 70 до 90 % материала ваших произведений – «Аввакум», «Никон», «Тишайший»... Как так получилось?

– Мне прислали договор о передаче авторских прав на романы «Тишайший» и «Никон» в то самое время, когда я боролся за жизнь супруги. Деньги небольшие предлагали. Но лекарства-то у нас стоят фантастически дорого. Причём сообщили: мои романы – одни из многих, какие будут использованы. Я передал права на все пять романов эпопеи, прибавив «Аввакума», «Страстотерпцев», «Столп». И послал ещё пьесу. Ответили: пьесу не купим. А сколько в сериале ошибок фактических! Скажем, Пустозёрск поместили из тундры в тайгу, Россию теремную, цветную окунули во мрак, вместо моего боярина Морозова, воспитателя царя, – какой-то корыстный олигарх. Все мои романы, повести, рассказы сценичны. Вот только где режиссёры?

– Писали когда-нибудь по заказу? И есть ли у вас сейчас подобные заказы?

– Кроме заказов самому себе, других у меня сейчас нет. И это хорошо. Когда-то редактор «Детгиза» Светлана Пономарёва настояла, чтобы я написал о Хмельницком. Очень мне не хотелось, а в результате написался «Долгий путь к себе». А «Хождение встреч солнцу» – это заказ «Молодой гвардии», романы «Ярополк» и «Василий Шуйский» – изда-

тельства «Армада». Как-то «Московия» по распоряжению губернатора Громова заказала мне книгу о войне. Но в это время утёк за границу министр Кузнецов с миллиардами... По заказу издательского отдела патриархии я написал книгу к 600-летию Саввы Сторожевского «От Маковца до Сторожи» и ещё две: «Иосиф Волоцкий» и «Непобеждённые» – о людиновских героях, мальчиках и девочках, о священнике.

– В советское время ваши книги выходили соты-сячными тиражами. Госкуете по тем временам?

– Тираж моих произведений в периодических изданиях перевалил за полтора миллиарда. Книги осилили десяти-миллионный рубеж. То, что творится теперь, – отнюдь не обстоятельства. Рынок тут тоже ни при чём. Как назвать уничтожение интеллекта граждан? Это преступление. Кто этим занимается, пусть знает: дурость русская существует, но дураков среди русского народа нет. Мы любим сыграть в дурака, но это другое дело.

Три обязательных вопроса:

– В начале XX века критики наперебой говорили, что писатель измельчал. А что можно сказать о нынешнем времени?

– Мне оказывали самое высокое признание – замалчивали. Да ведь и издавали. Детские книги у нас – тема для предвыборных речей, а вот значения детской литературы (при всех формациях) не понимали и не понимают. В газете «Унита» мой рассказ для детей «Анвар и большая стра-

на» – об угрозе затопления Самарканда и спасении города – печатали как передовицу. В Сирии рассказ «Бобовый мальчик» о почке, в которой все конфликты страны, поместили на первой полосе центральной газеты. Почка взорвалась через 20 лет. Кстати, у нас до сих пор этот рассказ не напечатан. Так вот, если мои книги пробьют бетон замалчивания (а трава пробивает бетон), я верю: мои читатели вернут на нашу землю прозрачные реки, дубовые, кедровые леса. Мои книги никогда не были мелкотемьем. Горько, что мой роман «Долгий путь к себе» не переиздан. Все народы идут к Богу со своей правдой. И происходит то, что мы зовём историей. У меня хватило любви на всех и правды тоже: на поляков, украинцев, молдаван, валахов, русских, евреев, крымских татар, турок... Один работник патриархии, молодой человек, сказал мне: «Я читал вашу книгу о патриархе Тихоне шесть раз». Нет, не писатель измельчал. Это глобалисты вытравляют на планете Земля национальную неповторимость и образование.

– Почему писатели перестали быть «властителями дум»? Можете ли вы представить ситуацию «литература без читателя» и будете ли продолжать писать, если это станет явью?

– Неправда, что писатели перестали быть властителями дум. Сегодня писателей умышленно отгораживают от народа. Перестанут печатать? Но я не служил правителям и государству. Служил слову. И буду служить.

– На какой вопрос вы бы хотели ответить, но я его вам не задал?

– Имеют ли хоть какое-то значение мои книги, моё творчество? Книги должны работать. Я теперь вижу, как много в них заложено нужного нашему времени, необходимого для духовной жизни. В исторических романах я – не информатор. Мой читатель, повторяя путь пращуров, открывает в себе нынешнем жителя страны истинно великой, истинной любимой. В нём пробуждается ответчик за этот народ, за эту землю. В детстве я мечтал о сказочном тереме-теремке, в котором хотел собрать всех любимых сказочных героев, зверей, лягушек, птиц. Теперь понимаю, терем-теремок – это как раз и есть изумительная наша Русская земля, изумительная наша планета.

«Литературная газета», 12 февраля 2014 г., № 6

Белый свет давно прочитан

В жизни **Юрия Беликова** не было лёгких периодов

Юрий Александрович Беликов – поэт, журналист. Родился 15 июня 1958 года в городе Чусовом Пермской области. В 1980-м окончил филологический факультет Пермского государственного университета. Автор четырёх книг – «Пульс птицы», «Прости, Леонардо!», «Не такой» и «Я скоро из облака выйду». Обладатель Гран-при и звания «Махатма российских поэтов», лауреат литературных премий: имени Павла Бажова, Алексея Решетова и Антона Дельвига. Основатель трёх поэтических групп – «Времири» (конец 70-х), «Политбюро» (конец 80-х) и «Монарх» (конец 90-х). Лидер движения «дикороссов» и составитель книги «Приют неизвестных поэтов». Входил в редколлегию журнала «Юность», был собкором «Комсомольской правды», «Трибуны», спецкором «Труда». Стихи, кроме периодики, публиковались в антологиях «Самиздат века», «Современная литература народов России», «Антологии русского лиризма. XX век», «Молитвы русских поэтов», «Гениальные стихи» и др. Включены в антологию «10 веков русской поэзии» Евгения Евтушенко. Награждён орденом Вели-мира «Крест поэта» и орденом Достоевского 1-й степени. Живёт в Перми.

– Как поэт ты печатаешься с 1975 года, то есть без

малого сорок лет. Это более чем солидный срок. А сколько всего написал за это время? Ну, скажем, если выпускать полное, на сегодняшний день, собрание стихов и поэм Беликова, – сколько выйдут томов?

– Если речь про «солидные срока», как говорят у нас на Урале, то вопрос твой лучше развернуть на 180 градусов: «Сколько лет ты не печатался? И сколько ты не написал?!» Много не написал. И эти «градусы» для моего поколения уже принципиальны. Мы – дети тьмы, молчания. Знаешь, какое у меня самое любимое занятие? Молчать. Сидеть на брёвнышке у реки и вслушиваться в говор воды. В Чусовом доме у нас стоял рядом с лесом. И вот ты бродишь по лесу каждый день. Стихи читаешь деревьям. Да-да, это первые мои и, может быть, лучшие слушатели! В один прекрасный или ужасный миг время оценилось нами, и мы уже начали прозревать и попискивать. И тут – удар сапогом: «А пищите-ка вы в утробу вашей матери!» А наша мать – тьма. И вот мы стали к ней привыкать. Изъясняться – теньвыми метафорами. Когда люди читают не стихотворение, а тень от него. Но чем ниже солнце, тем тень длинней. А солнце в России почти всегда низкое. Посему у меня нет дефицита света. Его испытывают те, кто привык к свету изначально. Ну-ка отними у них авансцену! А тьму не отнимешь. И мне в ней выгодно. Не печатаюсь? Не звучу? И ладно. Поэтому у меня такие гигантские паузы между выходами книг: между «Прости, Леонардо!» и «Не таким» – разрыв в 17 лет! А всего –

четыре книги. Ещё в 20-летнем возрасте я принял своего рода обет: «Задушить в себе бесчисленные колокольчики мелкого вдохновения, чтобы создать одинокий Царь-колокол!» В общем, что дозволено слэмоистам, не дозволено «дикороссам»...

– Кстати, о них, родимых. Ты с 2000 года делаешь проект «Дикороссы», представляя читателям малоизвестных поэтов, преимущественно из российской глубинки. Даже вёл соответствующую рубрику в «ЛГ». Ну и как поживают «дикороссы», есть ли пополнение в их рядах, не изменилась ли концепция проекта? И почему он не стал массовым? Мне кажется, что достойных поэтов сейчас куда больше того количества, что представлены на одноимённом сайте.

– Много званых, но мало... «дикороссов». «Дикороссы» безошибочно опознают друг друга. На прошедшем вручении «Дельвига» ко мне подошёл человек: «Вы ведь Юрий Беликов? Вождь «дикороссов»?» (Это звучало примерно как «вождь краснокожих». И вручил свою книгу, так и подписал: «Вождю «дикороссов» (к которым я себя отношу)». «Дикороссы» – не совсем проект. Они были до меня и будут после. Это врождённое или приобретённое чувство края бытия. «Дико-россом» был Лермонтов с его «Люблю Отчизну я, но странною любовью». «Дикороссом» был растоптанный Белинским Владимир Бенедиктов, выдохнувший:

«Я – на Чортовом мосту!» «Дикороссами» были Павел

Васильев, Николай Клюев. А далее – Аркадий Кутилов, Леонид Губанов, Лев Таран... Два года назад, на Волошинском фестивале в Коктебеле, где «дикороссов» представляло мощное сибирское крыло в лице Марины Саввиных, Сергея Кузнечихина и Виталия Науменко, ко мне начали подходить люди, убеждающие, что у них есть «дикоросские» стихи. Едва глянув на бурятского поэта Амарсану Улзытуева, изрыгающего «А копыта коней широкие, как лопаты...», я убедился: типичный «дикоросс»! А когда прочитал в подаренной мне книжке Маши Малиновской из Гомеля, чьё лицо в веснушках напоминало старательский лоток золотоискателя: «В церквях упорно ставлю свечи за висельников и дворняг», понял, что её автор наделён вполне «дикоросским» сознанием. Помнишь, Брюсов вопрошал: «Где вы, грядущие гунны?» Успокойтесь. Мы здесь. И ещё объявимся.

– А откуда у тебя взялся титул «Махатмы российских поэтов»? Что это вообще за должность такая? Что-то вроде комсорга?

– Только «дикоросс» может перепутать комсорга с махатмой! Иван Жданов, который родом с Алтая, как-то подписал мне своего «Фоторобота запретного мира»: «Коронованному алтайцу от некоронованного». В год 1989-й на Алтай, где в Бийске проходил 1-й Всесоюзный фестиваль поэтических искусств «Цветущий посох», съехались-слетелись подпольные поэты ещё не поделённой империи. А раз это Алтай, овеянный легендами о Шамбале, то выбирали не короля

поэтов, а махатму. И так случилось, что жюри в чёрную мантию махатмы обрядило меня. Говорят, полголоса не хватило Жене Ройзману, а то бы он был махатмой, а не мэром Екатеринбурга. Ройзман, когда ещё ходил в депутатах Госдумы, как-то мне признался: «Стихи – дело-то серьёзное. Самое, может, серьёзное из всех!» Все бы теперешние и будущие мэры так мыслили!

– Неоднократно о тебе писали, что не вписываешься со своими стихами ни в какие рамки. Да я и сам писал что-то подобное в рецензии на твою книгу. А куда ты вписываешься? Как бы ты обозначил своё место?

– На днях мне матушка моя сказала: «Ты – нестандартный. Как на тебя одежду покупать? Некоторые наденут – любой костюм подходит». Авангардисты говорят:

«Так он же традиционалист!» Традиционалисты: «Так он же авангардист!» Это меня устраивает. Мне нравится есенинское: «Розу белую с чёрною жабой я хотел на земле повенчать».

– Но может ли сейчас у поэта быть своё место? Мы ведь постоянно сталкиваемся с таким явлением, как проекты. Вроде «Фабрики звёзд», только в литературе. Симпатичная девочка с высокой грудью всегда победит на публичных чтениях очкастого стихотворца среднего возраста, пусть он даже окажется Николаем Заболоцким. Слэмы, литфестивали и выступления в рестораниках – всё это далеко от того, что совсем

ещё недавно считалось поэзией.

– Мой красноярский друг Сергей Кузнечихин, например, переиначил общеизвестное: «Поэт в России меньше, чем сержант...» Думаю, что на равных правах существует как этот вариант, так и хрестоматийный. Допустим, я до сей поры, если не впадаю в депрессняк, верен собственному заблуждению, что место поэта нечто вроде миссии священника, только с более широкими полномочиями...

– О тебе легенды ходят, вон, даже уже не раз упомянутый Евтушенко написал, что ты – потомок Филиппа Беликова, служившего при Анне Иоанновне в ипостасях алхимика и экономиста, ставшего впоследствии узником Шлиссельбурга, а затем ссыльным на Урале. А легенда – это то, без чего поэта быть не может. С другой стороны – времена изменились. Кому нужна эта легенда?

– А вот когда я, как сейчас ты, начинаю забрасывать себя депрессивными вопросами, то прихожу к мнению, что эта легенда не только не нужна никому, кроме великого романтика Евтушенко, она не нужна даже мне. Как, собственно, и книги, которые мы пишем и издаём. Недавнюю свою книжицу «Я скоро из облака выйду» я умудрился закончить так:

Скряга я пусть, сквалыга, столпник, чернец в дому, только нет слаще мига – знать: у тебя есть книга, отданная – Никому!

Иногда мне мнится, что поэзия и вообще художествен-

ное преобразование читателя – из разряда человеческих рудиментов. Но вот, предположим, на днях оказался на пермском вещевом рынке. Долго примеряю пиджаки (поскольку я нестандартный) и вдруг с сияющими очами является мне симпатичная девушка и, протягивая листок бумаги и авторучку, просит у меня автограф. Не на фестивале поэзии – на вещевом рынке! Я, конечно, мог сыграть в Савелия Крамарова из «Джентльменов удачи», который, когда у него попросили в фильме автограф, молвил: «Чего нет, того нет!», но уж больно это было поразительно, и мои пиджачные ставки в глазах изумлённых продавцов резко повысились...

– Многие годы ты работаешь журналистом. Не только о литературе писал, но и о стройках, и об НЛО, и ещё много о чём; приходил работать в редакции, уходил, числился собкором, спецкором... Это любовь к журналистике такая или просто на хлеб зарабатывал?

– Как-то бродил вдоль камского залива, и Бог одарил меня экспромтом:

Господь не читает всех ваших газет!

А, впрочем, наверно, и книг не читает...

Есть белый, давно им прочитанный, Свет.

Его перечитывать – сил не хватает.

Какая, к чёрту, любовь к журналистике?! Я и сейчас вынужден на хлеб зарабатывать таким вот способом. Другое дело, что ко всему привык относиться добросовестно – не жа-

лея палитры. По этой причине кто-то меня знает больше как журналиста, нежели поэта. Помню, в одной пермской компании хозяйка квартиры, куда набилась богема, представляет гостей друг другу: «Это – бард, это – поэт, это – балетмейстер...» И, глядя на меня: «А это – журналист!» Я вида не подал, но мысленно ей поаплодировал. Когда-то я написал: «...если поэта, как рыбу, жизнь завернула в газету...» Да, «завернула». И это не проходит бесследно. Человек распиная собственные мозги, время и сердце. Что остаётся?.. Однажды Виктор Астафьев, который, как известно, прошёл через «литрабство» в «Чусовском рабочем», сказал: «Тут нужно быть беспощадным: работая в газете, я осквернял родное слово. Конечно же, я приобрёл в ней какие-то азы, от которых, если ты пожелал стать писателем, уже через год надо было обороняться всеми силами, и мне это удавалось с большим трудом...»

– А чем должен заниматься поэт? Вот если б не было необходимости работать в СМИ и вообще работать, что бы ты делал?

– Созерцал. Сидел бы у воды. Наблюдал бы за облаками и думал, что, когда они уплывут за горизонт, их увидит моя возлюбленная, и наши взгляды пересекутся. Лицезрел бы, как набухает, а потом распахивается бутон китайской розы – алый, с ярко-жёлтыми пестиком и тычинками – а затем, к концу дня, словно вбирая в себя всё отвратное в мире людей, вянет-погибает и навсегда сворачивается в блёклый

жгут. Не замечал? Люди выходят на пенсию: один начинает писать стихи, другой – картины, третий – музыку. А до этого будто бы и не жили! «Созерцательное отношение к жизни», когда-то заклеимённое, – вот, оказывается, то главное, что даётся человеку на Земле.

Три обязательных вопроса:

– В начале XX века критики наперебой говорили, что писатель измелечал. А что можно сказать о нынешнем времени? Почему писатели перестали быть «властителями дум»?

– Книжная пыль – самая тяжёлая и вредная. А «властителями дум» перестали быть не только писатели нынешние, а вообще – все, начиная с Гомера. Почему? Потому что человек неисправим. Он сейчас твердит по-пушкински: «Над вымыслом слезами обольюсь», а захлопнул книжку – и уже к топору тянется. И чем больше литература пытается человека исправить, тем быстрее она выветривается из людей.

– Можешь ли представить ситуацию «литература без читателя» и будешь ли продолжать писать, если это станет явью?

– Для меня это давно – явь. Я и раньше писал стихи для себя и... для деревьев.

– На какой вопрос ты хотел бы ответить, но я его не задал?

– Вот если б ты меня спросил: «Чем на Земле всё закон-

чится?» Сначала человечество предаст своих поэтов (впрочем, может, они того заслуживают), затем расплатится за всё содеянное на Земле, попробует спастись, и, спасаясь, поднимется на лермонтовскую высоту и убедится, что «спит Земля», но уже не «в сиянье голубом», и ступит на другую планету, и начнёт к ней приторачиваться, и вот тогда – там, на другой планете, оно вспомнит главный свой земной атавизм – поэзию.

«Литературная газета», 5 ноября 2014 г., № 43–44

Андрей Битов: «Государство нам должно!»

Невеселые размышления в преддверии юбилея

Андрей Георгиевич Битов родился в 1937 году в Ленинграде. Окончил Ленинградский горный институт. С 1965 года – член Союза писателей СССР. В 1979 году был одним из редакторов бесцензурного альманаха «Метрополь». В 1988 году участвовал в создании российского ПЕН-клуба, с 1991 года – его президент. Действительный член Международного Леонардо-клуба. Автор книг «Уроки Армении», «Пушкинский дом», «Преподаватель симметрии» и др. Лауреат многочисленных российских и зарубежных премий.

– Вы были одним из учредителей российского ПЕН-клуба и уже более 20 лет являетесь его президентом. А для чего он вообще понадобился? Не устраивала деятельность Союза писателей СССР?

– ПЕН – это единственная общемировая писательская организация, объединяющая авторов почти всех стран, где есть литература. И в большей степени это правозащитное объединение, нежели писательский профсоюз, если проводить параллели с СП. Одна из основных задач ПЕН-клуба состоит в том, чтобы оказывать помощь авторам, попавшим в беду, под пресс. Но тут очень тонкая грань существует. Если писа-

тель открыто занимается политикой, состоит в какой-то партии и пишет манифесты против власти, то нам очень трудно ему помочь. Устав не позволяет этого сделать. А вот если автор подвергается гонениям за свои произведения, за гражданскую позицию, то помогать ему – наша прямая обязанность. Кстати, попытки создать в России ПЕН-клуб предпринимались ещё Горьким, Пильняком, но в то время это было, конечно, нереально. И мы были единственной страной, обладающей литературой мирового уровня, но остающейся вне данной международной организации. А в конце 80-х годов благодаря перестройке мы этот недочёт устранили.

– Мне на память приходит только случай с Алиной Витухновской, обвинявшейся в распространении наркотиков, за которую ПЕН-клуб вступился в середине 90-х.

– Это просто самый громкий случай, вызвавший широкий общественный резонанс. А на самом деле мы помогли очень многим, просто особо свою деятельность не афишировали. Например, пока ещё существовал СССР, да и позже мы вступались за писателей из республик, в которых подавлялась свобода слова. И некоторых людей в буквальном смысле слова спасли. Другое дело, что сейчас мы не так активны, да и к нам меньше прислушиваются. Мы очень ослабли, и стоит вопрос уже о нашем собственном выживании. Здание разваливается, никакой помощи от государства мы не получаем, коммерцией не занимаемся, всё держится на

голом энтузиазме. Благодаря Лужкову нам удалось провести мировой конгресс в 2000 году в Москве. Дата была круглая, и разные страны боролись за право проведения конгресса, как борются за чемпионаты мира по футболу или олимпиады. Но победили мы, что было большим плюсом для России, очень поспособствовало её престижу. А сейчас я не уверен, что у кого-то можно выпросить деньги...

– А как же западные гранты, о которых так любит говорить патриотическая общественность?

– Это хрень. Обычная кагэбэшная хрень. Поскольку мы от КГБ несвободны всю жизнь, то и возникают эти разговоры, и оседают в наших рабьих мозгах. Мол, кто-то что-то имеет от кого-то. Нашему государству абсолютно наплевать на культуру, искусство. Как они сели на трубу, так и не слезают с неё. И вешают нам всем лапшу на уши. И больше их ничего не волнует. Речь даже не о деньгах, но вот если бы нам хоть помещение отремонтировали, мы бы уже дышали легче, но куда там! Зато о происках коварного Запада поговорить – это всегда пожалуйста...

– А вы не устали? Решать финансовые, организационные вопросы – это, должно быть, чрезвычайно утомительно, не говоря уже о том, что и малоинтересно...

– То, что я уже два десятка лет руковожу ПЕН-клубом, – не моя воля, честно говоря. Я планировал передать все дела Александру Ткаченко, он очень много сделал для организации, которая на нём фактически и держалась. Это было в то

время, когда Путин готовил свою первую рокировку с Медведевым. Вот и мы задумали нечто подобное. Но Ткаченко, к сожалению, скоростно скончался. Так я и остался президентом... Да никто особо и не рвётся на это место. Оно не приносит дохода, ничего не даёт, кроме забот и неприятностей. Хотел бы я, чтобы появился в наших рядах такой бескорыстный и энергичный человек, как Ткаченко, которому можно было бы оставить организацию, но пока никого не вижу.

– Ваши книги в последнее время выходят не так часто. В то же время магазины переполнены новинками молодых писателей, не столь известных, как вы. Чем это объяснить?

– А тем, что я храню свою независимость. Сейчас у нас везде рыночные отношения, в том числе и в литературе. Нужно постоянно пиариться, участвовать в каких-то сомнительных сделках, с кем-то договариваться, идти на уступки. Мне это противно. В этом плане я вполне советский человек. В картах есть такой термин – «слам», когда двое сговорившихся шулеров играют с незнакомым партнёром. Подобную ситуацию можно наблюдать и в нынешнем литпроцессе, где авторы тусуются, премии организуются, а места в табели о рангах распределяются. Мои вещи живы уже полвека, меня по-прежнему читают, и я не вычеркнул из написанного ни одной строчки. Я вошёл в литературу давно, и, наверное, некоторые литдеятели решили, что меня уже как бы и нет,

что со мной можно не считаться. А я ведь пишу до сих пор. И не хуже, чем раньше. Ведь на самом деле писатель – это тот, кто пишет, а не тот, кому придают значение.

– То есть вы напрочь выпадаете из литпроцесса? Но ведь не вы один...

– Конечно. В нынешней России человеку делать особо нечего, кроме как воровать. Вот такое государство построили. Но не все умеют воровать, не все такие способные. Это касается и писателей, разумеется. Мы не знаем всех, кто сейчас по-настоящему хорошо пишет, потому что известны лишь те, кто входит в тусовку. А ведь есть очень талантливые авторы в провинции, интересные имена, но очень трудно предположить их дальнейшую судьбу, учитывая реалии нашего времени. Мы взяли всё худшее от Запада и потеряли всё лучшее, что было при советской власти. Мы не умеем организовывать рынок. Для отечественного капиталиста главное – снять пенки. А капиталист на Западе вкладывает деньги, чтобы получать стабильную прибыль. Чувствуете разницу? Вот поэтому у нас в литературе в последнее время появилось так много сомнительных фигур и голых королей. И пусть они все идут подальше!.. Если я сумел всю жизнь простоять в одиночку, то почему я должен сломаться сейчас?

– Ну, наверное, уже не сломаетесь.

– А вы знаете, за счёт чего я в данный момент живу? За счёт того, что продал свою квартиру! Никаких денег писательство мне не приносит. Изредка платят за какие-то пере-

воды, за редкие публикации, иногда получаю скромные премии, но всего этого недостаточно даже для прожиточного минимума. Дачу мою сожгли...

– Кто сжёг?

– Не знаю. Неизвестно. Сожгли – и всё. От зависти или от ненависти. Или ради развлечения. Мало ли, как это в России бывает...

– Мы с вами говорим в преддверии вашего 75-летия. Наверное, вас Путин поздравит...

– Это его путинское дело – поздравлять или нет. Меня в своё время поздравил с 60-летием Ельцин. А я как раз собрался навестить могилу родителей, в Питере всё происходило. И оказалось, что накануне – в один день с ельцинским поздравлением – с могилы был спилен крест. Я, дурак, заказал его из бронзы, хотя и покрасил чёрной краской. И, видимо, спилили его те же самые мастера, которые и устанавливали. И вот я стоял с президентской телеграммой, но у спиленного креста, понимаете? Могилы у нас не умеют охранять, а что уж говорить об отношении к живым людям! И вот это хамство и растление у нас продолжают с 17-го года.

– Издавать собрание сочинений не планируете?

– Планирую. Уже в третий раз! Потому что постоянно что-то срывается. Первый раз всё заглохло в 91-м году, когда случились путч и распад Союза. Во второй раз выходу собрания помешал кризис. Вот теперь третья попытка... Это не писатели должны государству, как Устинова говорила Пути-

ну. Это как раз государство нам должно!

– Вам интересно жить в наше время? Если сравнить его, допустим, с советским...

– А жить всегда интересно, во все времена. Вот смотрите, какой сегодня яркий солнечный день. А попробуй-ка опиши его! Большинство пишет потому, что до них писали. Настоящий же писатель приходит тогда, когда в том есть необходимость, когда зреют новые темы и открываются новые возможности. Удача нашего, сталинского поколения заключалась в том, что мы были пусть и запуганы, и скованны, но и любопытны. Читать секретарей СП и вообще официальную литературу не представлялось возможным. Это была ужасная литература, которая, между прочим, очень понизила уровень русского языка. Поэтому у нас оставался XIX век, и мы учились у лучших писателей России. Брели их за образец. Да и то не всех. Ведь Достоевский начал выходить только после смерти Сталина, а до этого он считался «реакционным». После издания 1928 года в России его книги не выходили до 1954-го. Лев Толстой выходил выборочно, и только благодаря Шолохову, который, например, «пробил» в издательстве «Войну и мир».

– Кстати, как вы относитесь к Шолохову?

– Да никак я к нему не отношусь. Я его и не читал никогда. Мне гораздо интереснее Толстой. Парадокс, но Толстой больше подходит под определение «писатель соцреализма», чем кто-либо другой. Это величайший художник, перед ко-

торым я преклоняюсь, но никто его по-настоящему не знает и не читал. Истинный Толстой – это его дневники.

– Не очень-то весёлая беседа у нас получилась...

– А чему радоваться? Я себя сегодня не очень хорошо чувствую, давление у меня... Оттого излишне эмоционален, зол. Ищу виноватых, наверное. Мы ведь всё время ищем виноватых. То французы у нас виноваты, то немцы. А вот почему у Пушкина, Лермонтова и многих других отечественных писателей XIX века было такое восторженное (хотя и подсознательное) отношение к Наполеону? Да потому, что золотого века нашей литературы могло и не быть, если бы не родились амбиции после победы над французами! Победив Наполеона и взяв Париж, Россия накачалась этими амбициями. Это требовало какого-то выхода и в итоге выплеснулось в словесности. Если бы не эти амбиции, то не видать нам того памятного взлёта в литературе! Думаете, зачем Сталину нужно было глушить офицеров, вернувшихся из Европы с победой? Потому что они ощущали себя героями, свободными людьми, у них было другое дыхание, и они могли изменить Россию. А он этого не хотел и боялся. И мы сейчас пожинаем плоды той сталинской политики. Некультурность, раболепство, безграмотность души... А по телевизору – сладкие речи и отчёты об успехах. Как сказал в своём «Архипелаге» Солженицын, всё это – туфта...

Три дополнительных вопроса:

– В начале XX века критики наперебой говорили, что писатель измельчал. А что можно сказать о нынешнем времени?

– Я давно уже не читатель, мне трудно судить. Но про то, что «литература измельчала», критики говорили всегда. У них иначе хлеба не будет. Они думают, что руководят литературным процессом, описывают его, отслеживают какие-то тенденции, но всё это иллюзия. Критики обычно пишут не о том, что есть, а о том, что им хочется видеть.

– Почему писатели перестали быть «властителями дум»? Можете ли вы представить ситуацию «литература без читателя» и будете ли продолжать писать, если это станет явью?

– А я уже примерно так и пишу. Вот сейчас о прозе Ломоносова, например.

Для кого? Кто будет это читать? Понятия не имею, но пишу. Просто я прочёл работы Ломоносова по минералогии, в которых он описывает камни. И я увидел, как это сделано! Настоящая литература без преувеличения! А я, окончив в своё время Горный институт, вполне могу это оценить. Что же касается властителей дум, то вопрос долгий и спорный. Да вы вспомните, кого из писателей знали в том же XIX веке? Кто был властителем дум? По рукам все рукописи ходили. И писали они друг для друга, а не для народа. Пушкин – для Жуковского, Гоголь – для Пушкина. И так далее. А это та самая великая литература, о которой потом другие люди

создавали мифы.

– На какой вопрос вы бы хотели ответить, но я его вам не задал?

– Наверное, мне нечего больше сказать. Все молитвы я сократил до трёх слов: «Спасибо и прости!» Благодарите жизнь за то, что она вам дана.

«Литературная газета», 23 мая 2012 г., № 21

«Бог устанавливает свой срок»

Юрий Бондарев не готовится к юбилею

– Юрий Васильевич, близится ваш юбилей, однако в средствах массовой информации об этом мало говорят. А ведь вы – фигура без преувеличения легендарная...

– Мне трудно ответить так, чтобы это устроило и вас, и меня. Кстати, совсем недавно я стал лауреатом крупной премии «Ясная Поляна». Поэтому что-то и перепадает порой...

– Ваш ровесник Даниил Гранин часто говорит от лица ветеранов, повсюду выступает.

– Я ощущаю от этого некоторую неловкость. В определённом возрасте, когда Господь Бог устанавливает свой срок или следит за этим сроком, надо выбирать свою писательскую позицию уже очень осторожно.

– А как, вы думаете, пройдёт ваш юбилей?

– Бог его знает. Не могу ничего сказать по этому поводу, потому что никогда не прилагал никаких усилий для празднования. Я знаю, как некоторые готовятся, задействуют связи, знакомства, но мне это всегда было глубоко чуждо. А если кто-то хочет отметить мой юбилей, то я сопротивляться не стану.

– Вы в последние годы во многих изданиях публику-

ете свои прозаические миниатюры, так называемые «Мгновения». А крупное что-то пишете – роман, повесть?

– Я давно пишу роман, но сейчас он находится в состоянии «отдыха», скажем так. Потому что сейчас я весь направлен на «Мгновения». И крупнее «Мгновений» для меня ничего нет. Считаю, что это дело не менее серьёзное и не менее нужное, чем огромный роман. На трёх страницах порой можно сказать то, чего не скажешь на восьмистах. Это очень серьёзный жанр... Между прочим, сейчас своего рода эпидемия возникла – «малочтение». Когда крупные формы пользуются у читателей меньшим спросом, чем малые. И это тоже печально...

– А из молодых авторов кого могли бы отметить?

– Из молодых мне нравится Прилепин, я его выделяю из общего числа. К сожалению, я пока не читал его романа о чеченской войне, но ещё прочту. Также мне нравится Проханов. Его молодым не назовёшь, конечно, но по сравнению со мной он молод. Его политические романы очень интересны. Это вообще трудно – писать о политике. Писать о ней пытаются многие, а выходит не у всех. Проханову это удаётся, безотносительно его позиций по тем или иным вопросам.

– А есть ли писатели, которых вы могли бы назвать своими учениками?

Ну, или те, о которых можно сказать, что они вышли из вашей «Шинели»?

– Не буду никого называть, но таких – не один и не два автора. В их прозе я чувствую своё дыхание, вижу свои приёмы. Я часто общаюсь с этими людьми, они привозят свои рукописи, просят у меня советов. Моя проза повлияла на многих писателей. Это я знаю. Но пусть литературоведы будущего этим занимаются, проводят параллели, что-то выискивают, находят, делают открытия...

– Вот вы сказали, что сейчас меньше читают. Помимо того, что это обусловлено чисто техническими моментами, как развитие интернета, где объёмные тексты читать не очень удобно, причина, наверное, ещё и в преподавании литературы?

– Конечно! Приведу один пример. Я воевал вместе с ребятами-артиллеристами, которые почти все были из деревень. В нашей батарее только три офицера оказались городскими, остальные были деревенскими. Из Сибири, средней России, южной России... И должен сказать, что все эти ребята были образованными! Они не учились в вузах, а сами тянулись к знаниям. Я профессор университета, мне приходится общаться со студентами, в последнее время я делаю это реже, но тем не менее... Порой я задаю простые вопросы, на которые они затрудняются ответить. К примеру, я спрашиваю: «Что вы думаете о Бунине?» А в ответ слышу: «А кто такой Бунин?» Я снова спрашиваю: «Что вы можете сказать о Наташе Ростовской?» И мне отвечают: «Кажется, это какая-то литературная героиня...» Это студенты! А мои однобатарейцы

ничего, кроме своих деревень не видевшие и о высших учебных заведениях не мечтавшие, с пахоты шагнувшие в окопы, они были куда образованнее! Те ребята знали гораздо больше. Потому что до войны была масса кружков в домах пионеров, в сельсоветах, открывались избы-читальни, писатели ездили по всей стране и встречались с народом. И в школе литературу преподавали не так, как сейчас, по три часа в неделю, а гораздо чаще. Я ведь и сам учился в школе и прекрасно помню, какому бережному отношению к слову, к культуре нас учили.

– Вы давний автор «ЛГ». Не хотели бы попросить редакцию о каком-нибудь одолжении?

– Я прошу только об одном: напишите покороче, как можно короче... Вы помните, кто это сказал: «Краткость – сестра таланта»?

«Литературная газета», 12 марта 2014 г., № 10

Литпроцесс – река с глубинным течением

Владимир Бондаренко чувствует себя продолжателем традиций русских консерваторов

Владимир Григорьевич Бондаренко – критик, литературовед, публицист. Родился в Петрозаводске в 1946 году. Окончил в 1969 г. Ленинградскую лесотехническую академию, химико-технологический факультет. В годы учёбы публиковал в ленинградских газетах заметки и стихи. Был дружен с вернувшимся из архангельской ссылки Бродским. В 1974 г. поступил в Литературный институт. Работал корреспондентом в «Литературной России», заведовал отделом критики в журнале «Октябрь». В 1990 г. вместе с Александром Прохановым основал газету «День» (запрещённую и переименованную впоследствии в «Завтра»). С 1997 г. стал выпускать литературную ежемесячную газету «День литературы». В настоящий момент является секретарём правления Союза писателей России. Лауреат многих литературных премий, в том числе и премии «Золотой Дельви́г». Автор более тридцати книг, основные из которых: «Очерки литературных нравов», «Пламенные реакционеры», «Последние поэты Империи», «Трудно быть русским», «Михаил Лермонтов. Мистический гений». Живёт и работает в Москве.

– Вас обычно относят к критикам-консерваторам. Говорят, что Бондаренко если и разбирается, то только в старых авторах, а молодых для него, за исключением Шаргунова и Прилепина, не существует.

– Я и на самом деле изначально чувствовал себя критиком консервативного склада. Впрочем, все наши гении и в поэзии, и в прозе, и в критике либералами себя не считали. Ни Лермонтов, ни Блок, ни даже Бродский. В этом достойном ряду и я себя чувствую уютно. Да и в критике чувствовать себя продолжателем традиций Константина Леонтьева, Михаила Меньшикова, Василия Розанова, Михаила Лобанова, Вадима Кожинова никак не стыдно. И насчёт авторов я частично соглашусь. Практически каждый критик привязан и к своему времени, и к своему поколению, не так уж удобно в мои 67 лет «задрать штаны, бежать за комсомолом». Да и «старых» авторов у нас на мой век хватит: от недавно ушедших Юрия Кузнецова и Иосифа Бродского, Василия Белова и Виктора Астафьева, которых я ещё числю за современностью, до ныне живущих Юрия Бондарева и Глеба Горбовского, Владимира Кострова и Валентина Распутина, Олега Чухонцева и неувядающей, боевой Юнны Мориц. На мой взгляд, если объективно судить, то и в самой современной литературе в России пока ещё преимущество за «старыми» авторами. Кто определяет современную прозу? Александр Проханов и Эдуард Лимонов, Юрий Поляков и Владимир Маканин, Анатолий Ким и Тимур Зульфикаров – всё те же

мои «немолодые» авторы.

– Вы, конечно, можете сколько угодно утверждать, что считаете себя миротворцем, пытающимся сблизить два лагеря, что для вас нет патриотов и либералов, но у нас ведь разговор о том, что есть в реальности. А в реальности вас воспринимают как консервативного критика, который порой заигрывает с либералами, но лишь преследуя какие-то свои тёмные цели.

– И опять я с вами, Игорь, соглашусь. Убеждений своих я никогда и не скрывал. Нахожусь во всех чёрных списках. С юности не менял своей веры и своих убеждений. Но и с либералами я никогда не заигрывал. Помню, ещё в советское время один известный писатель-патриот меня допрашивал: как ты можешь одновременно восхвалять и Виктора Астафьева, и Владимира Маканина? А я не могу, в свою очередь, понять, как можно хвалить бездарное и не видеть талантливое?

Только из-за политических взглядов? Кто помнит, каких политических взглядов были Пушкин и Державин, Свифт или Джойс? А литературу их все помнят. Тенденциозность моя в другом. Талантливых либералов и без меня нынче похвалят, а вот талантливых державников, талантливых русских патриотов все основные СМИ и телевидение обойдут молчанием. Поэтому буду поддерживать, выдвигать на премии, писать или хотя бы перечислять в списках всё новое

и талантливое в русской национальной литературе. А в свободное время и своими любимыми иноверцами и инородцами понаслаждаюсь. Вот и все мои «тёмные цели».

– Отсюда и вопрос: что такое современный литпроцесс? Существует ли он? Или существует только в воображении читателя? Он-то, наивная душа, думает, что нынешние лауреаты, завсегда таи шорт-листов крупных премий, и есть цвет русской литературы. Какого-нибудь Иличевского не читал, конечно, но знает...

– Современный литпроцесс, какой-никакой, всегда есть. Но это как река с глубинным течением. Мне кажется, в России так было всегда, и в царское время, и в советское, и нынче. Во-первых, и власть поддерживала прежде всего себе угодных. А Михаила Лермонтова в ссылку по самому мелкому поводу гнала. А Николая Гумилёва расстреливала. В пушкинское время царил Булгарин, вот и сейчас в шорт-листах всех премий, как правило, мелковатая литература любого пошиба. Есть так называемая элитарная, никем никогда не читаемая пустая литература тех же Иличевских или Шишкиных.

– С другой стороны – а что патриоты могут противопоставить? Ладно, у либералов свои премии. Но патриоты-то? Ни одной значительной, общероссийской награды не учредили. Есть, конечно, «Дельвиг»... Так исключение только подтверждает прави-

ЛО...

– С точки зрения литературных премий, да, у патриотов вообще нет никаких реальных наград. Насчитать-то можно штук тридцать, но это всё копеечные номинальные премии, которые тут же забываются самими лауреатами. Дело в том, что государство уже развернулось к патриотам, но ключевых решений не принимает. На словах-то оно уже патриотично и патриотов поддерживает, но пока вся реальная культурная и литературная политика в руках либералов. Все большие и солидные денежные премии распределяют либеральные фонды. Это и настораживает.

– Но вот мы видим, что иные литчиновники заняты больше какими-то бизнес-проектами, нежели самой литературой. Растаскивают остатки писательской собственности, но при этом о духовности талдычат, не отходя от банкетного стола.

– Думаю, у кого больше банкетов, у либералов или патриотов, даже спорить не надо. Тут всё ясно. Другой вопрос – об умирании общественных писательских структур. Кому это нужно? Вопрос риторический. Тому же Сталину необходим был боевой Союз – была и боевая команда во главе с не последним писателем Александром Фадеевым. Леониду Брежневу нужна была опора в литературных кругах, он и опирался на Юрия Бондарева, Сергея Михалкова. В любом государстве, включая США, национальная литература мощно поддерживается финансами государства и его различных фон-

дов. Настоящая литература чаще всего убыточна.

– Вы ведь и сами со многими патриотами разругались. К примеру, на сайте «Российский писатель» вас постоянно костерят, обвиняют в «предательстве» и «приспособленчестве».

– Я мог бы собрать толстенный том разгромных статей о себе самых разных моих оппонентов – от Владимира Бушина и до Станислава Куняева, от Николая Дорошенко и Капитолины Кокшеневой до Станислава Рассадина и Бенедикта Сарнова, Натальи Ивановой и Аллы Латыниной... Добавим ещё и статьи западных славистов. Наверное, так и должно быть. Критик всегда будет обругиваем всеми, если он старается писать свою правду. Я ведь не примыкаю к патриотическому стану. Этот стан внутри меня сидит. И потому, как бы меня ни поносили временами наши крутые патриоты, я смешивать конкретных завистливых и ревнивых оппонентов с идеями Русского мира и русской литературы никогда не буду.

– А почему «День литературы», главредом которого вы являетесь с момента основания газеты, как-то потерялся в последнее время? Помнится, очень острое издание было. А теперь о нём всё реже говорят, да и ссылок на него в интернете маловато. Вы заняты написанием книг?

– Честно говоря, да. Сейчас у меня идёт книга за книгой, сижу в библиотеках, архивах. Езжу по местам жизни своих

героев. Иногда и не до газеты. Я давно уже мечтаю передать её в хорошие молодые руки. Но к этим рукам всегда ещё и какой-то толстый кошелёк нужен. Ау, русские меценаты! Берите газету «День литературы» и сделайте её популярным литературным изданием. Жалко будет, если газета просто тихо исчезнет.

– Кстати, вот вышла недавно ваша книга о Лермонтове в серии «ЖЗЛ».

А где же книга о Бродском, которую вы не единожды анонсировали? Многие бродсковеды, я так чувствую, уже потирают руки в предвкушении расправы над вами. Это же их епархия, а тут вдруг Бондаренко какой-то...

– Каждый месяц по книжке я штамповать не буду. Рад, что книга о Лермонтове получилась, даже готовится переиздание. Буду понемножку уже до конца жизни заниматься этим великим русским гением. Книга о Бродском скоро будет закончена. Несколько глав вышли уже в самых разных русских и израильских газетах. Начались и разгромчики. Впрочем, штатные лермонтоведы тоже меня потрепали, мол, не лезь в их епархию. А сами спешно к 200-летию гения стали ему новых отцов готовить (вместо единственного Юрия Петровича из древнего рода), тут и крепостной кучер в отцы затесался, и чеченский разбойник, и некий Ансельм Леви из Франции. Из юной скромной 15-летней дворянки Машеньки делают какую-то малолетнюю проститутку. Позор.

За Бродского, конечно же, я уже осенью, по выходе книги получу сполна. Моя книга – о русском поэте Иосифе Бродском, и даже о его череповецком крещении в храме Богоотца Иакима и Анны в селе Степановском, о его замечательной христианской поэзии. Такого отступника от своей иудейской веры и нации никак не примут многие иудеи. Такого русского поэта и таких христианских стихов не хотят слышать многие русские патриоты. Пусть их. Я иду от установленных фактов, которые много лет осознанно замалчиваются. Думаю, книга будет интересна всем любителям русской поэзии.

Три обязательных вопроса:

– В начале XX века критики наперебой твердили, что писатель измельчал. А что можно сказать о нынешнем времени?

– Знаете, во все времена большинство писателей – ничтожная мелкота. Александр Пушкин писал статью «О ничтожности литературы русской». Виссарион Белинский в «Литературных мечтаниях» замечал: «У нас нет литературы». И так во все самые блестящие времена. «Писатель измельчал» – а рядом сидят Александр Блок, Максим Горький, Сергей Есенин, тянется в небо глыба Маяковского. Вот и сейчас – мелкий писатель измельчал до песчинки, не увидишь. А включишь телевизор – там глыба Проханова торчит. Подходит 31-е число.

Вновь неуёмный Эдуард Лимонов в тюрьме сидит. Да и Захар Прилепин из своих мелких песчинок такой булыжник наворочал, любую скалу пробьёт.

Кстати, и ваш Юрий Поляков никак не из мелких и по качеству, и по популярности своих книг. А неужто мелкими в любых отрицательных или восхитительных очках выглядят Виктор Пелевин и Владимир Сорокин? Нет, начало третьего тысячелетия я мелким не назову.

– Почему писатели перестали быть «властителями дум»? Можете ли вы представить ситуацию «литература без читателя» и будете ли продолжать писать, если это станет явью?

– Они временно перестали быть властителями дум, потому что самих дум не стало нигде – ни в политике, ни в экономике, ни в культуре. К тому же с ельцинских времён писателей принято игнорировать. Подальше от телевизоров, от всех влиятельных СМИ привыкли держать этих чёртовых писателей...

– На какой вопрос вы бы хотели ответить, но я его вам не задал?

– Назовите десять великих русских поэтов XX века? И дальше следует мой ответ: Александр Блок, Николай Гумилёв, Сергей Есенин, Владимир Маяковский, Николай Заболоцкий, Александр Твардовский, Борис Слуцкий, Николай Рубцов, Юрий Кузнецов, Иосиф Бродский. Ни один из этих поэтов в отдельности никем из литературоведов или знато-

ков поэзии любого лагеря никак не отвергаем. И в шовинизме меня никак не обвинишь. Из десяти поэтов – два еврея. А в целом явная крамола, «бондаренковская очередная ересь». А ведь точно так же можно пройтись и по списку прозаиков, критиков. Точно так же можно пройтись и по знаковым для нынешних властителей историческим событиям XX века.

«Литературная газета», 9 июля 2014 г., № 27

«Малоизвестные мифы – это кладезь нетронутый»

Ариадна Борисова не знает столичного бомонда, поэтому не ощущает его снобизма

Ариадна Валентиновна Борисова – писатель, переводчик, иллюстратор. Родилась в селе 2-й Нерюктяй Олёкминского района Якутской АССР. Училась в Восточносибирском институте культуры. Лауреат Большой премии СП, финалист Международной детской премии им. Крапивина. Автор 12 книг, 14 пьес для юношеского и детского театра. Перевела на русский язык более 300 произведений якутских, эвенкийских, юкагирских писателей.

– Вы «детский» или всё же «взрослый» писатель? Ведь вас представляют то так, то эдак... Между тем главные ваши книги, я так понимаю, написаны для взрослых?

– Детская проза и взрослая – разные жанры, увлечения порой «конфликтуют» во мне, требуя к себе внимания. Пишу, например, драматический роман, а «вне очереди» просятся весёлый детский рассказ. Делаю иллюстрацию и одновременно прикидываю эскизы к следующим. Когда долго делаешь одно и то же, становится скучно. Но ко всему, что бы меня ни занимало, отношусь серьёзно. По крайней мере ста-

раюсь.

– Но всё-таки... А. Н. Толстой успешно писал и детские книги, и фантастику, но относится к «серьёзной» литературе. Хотя, конечно, «Золотой ключик» по тиражам во много раз превосходит «Хождение по мукам».

– Сказки любят все, а до серьёзной литературы не каждый дорастает, вот и ужимается читательская аудитория с тиражами. «Денискины рассказы» Виктора Драгунского известны куда большему кругу, чем «взрослые» его повести. Что до меня, то «чей» я писатель, детский или взрослый, да и писатель ли вообще, решать читателю. Будут книги востребованы – будут и тиражи. А нет – значит, увы, мне как литератору.

– Кто-то восторгается вашим романом-эпосом «Земля удаганок», а кто-то говорит, что такого рода литература давно в прошлом – мол, кому сейчас нужны сказания малых народов... Принимаясь за этот труд, вы представляли его дальнейшую судьбу? Думали о том, на кого этот роман рассчитан, кто его оценит?

– Мне как читателю интересен эпос любых народов – больших и малых. Интересны и сами эти народы. То, что они немногочисленны, отнюдь не умаляет уникальности их культуры, прелести их фольклора и эпоса. Сказать что-то новое о мифах Греции, к примеру, изощриться надо. А малоизвест-

ные мифы – это же кладезь нетронутый, самоцветы не огранённые, тут любишь дивом не как готовым изделием, но как россыпью алмазной. Америка носится со сказами индейцев – не с чем ей больше, а мы что же, за борт с разинским размахом? Не выплеснуть бы... Пословица якутская гласит: «Большое – не всегда великое, малое – не всегда меньшее». Героический якутский эпос Олонхо признан ЮНЕСКО одним из шедевров устного, нематериального наследия человечества. Сказители не рассказывали олонхо, а пели. Изображая того или иного героя, «думали» его голосом, вели многоголосые диалоги, украшали сказания игрой на хомусе – якутском варгане. Один человек совмещал в себе сочинителя, певца, музыканта, актёра и должен был обладать феноменальной памятью: ведь сказания продолжались от трёх до девяти дней! После исполнения таких олонхо сказители, говорят, худели едва ли не вполовину. Кто не умел сочинять сам, а петь желал, готов был отдать всё имущество, иногда изрядное, чтобы научиться у опытного сказителя мастерству «плести узоры из слов, вынимая у слушателей сердце и печень».

– **Даже страшно представить, как вы писали...**

– В «Земле удаганок» есть несколько сказок и легенд, «перелицованных» мной в стиле этого романа, достоверны воспроизведённые обряды, приметы, поверья, гадания. Этнография... Но всё остальное никакого отношения к известному эпосу не имеет. Это попытка написать новое олон-

хо – в жанре романа. Языковые и стилевые конструкции в нём, понятно, не традиционны, повествование изложено (не знаю, насколько мне удалось) в ритмической прозе, отдельные фрагменты переданы свободным стихом. Описывая долину Элен, я жила в ней и не думала об оценке и прочих прагматичных вещах. Писала о том, что меня волновало. Темы обычные и неиссякаемые – о любви во всех её возрастах и проявлениях – от плотской до возвышенной. О том, как по-разному сказывается на судьбе человека талант, какая глубокая связь у людей с природой, о войне, подвиге, поражениях и победах... там много всего.

Во время «творения» долины я получила долгожданное предложение от ЭКСМО сделать из романа «Божья отметина» сиквел, ну то есть продолжение. «Удаганки» не захотели отпустить, и я отказалась тогда. Потом еле смогла возобновить отношения с издательством. Роман рассчитан на читателей, которым интересны другие народы, их быт, обычаи и нравы. Думаю, что любой народ, в какие бы социальные условия ни поставили его современные обстоятельства, в основе своей прекрасен по-своему.

– Но, наверное, местные власти должны были как-то откликнуться на это неординарное событие – профинансировать издание книги, устроить презентацию, наградить автора в конце концов... А тут получается, что о романе столько мнений, часто противоречивых, а его и купить нигде нельзя.

– Да, маленький тираж разлетелся мгновенно, но роман крупный, и спасибо Национальному издательству на том, что оно хоть так сумело его издать.

Презентации и какие бы то ни было публичные выступления я не люблю.

В прошлом году получила диплом лауреата епархиальной литературной премии имени Иакова (Домского). Её учредил епископ Якутский и Ленский Роман. Друзья представили на премию как раз «Землю удаганок».

– Читал, что вы один из самых успешных писателей Якутии. А в чём это выражается? Или это только слухи?

– Наверное, в том, что пробилась к столичным издательствам. А если вы об успехе в денежном эквиваленте, то плата за роман, который я пишу год, равна примерно получке уборщицы за квартал. Это нормально. Ведь тут с какой стороны взглянуть. Я смотрю с оптимистичной: разве не здорово, что тебе за твоё же удовольствие ещё и деньги дают?! Сказители ни в одном народе не были богатыми людьми, за редким исключением.

– Вы дважды попадали в лонг-лист «Русского Букера» со своими книгами, но дальше не прошли. Ощущаете ли на себе снобизм столичного литературного бомонда?

– Я не знаю столичного бомонда, поэтому не ощущаю и его снобизма, хотя он, вероятно, есть.

– В романе «Божья отметина» вы пишете о судьбе простых людей, живущих в Якутске, переносящих все невзгоды со страной. Разве такое может заинтересовать актуальных литературных критиков, культуртрегеров? Им подавай то, что невозможно, но модно читать...

– У меня нет привычки ориентироваться на предпочтения моды и критиков.

– А как тогда пробиться писателю из глубинки? Тут ведь уже не о качестве произведений речь, но о некой «прописке». Получил такую прописку в творческой среде столичных интеллектуалов – будут тебе и премии, и поездки за границу, и интервью в СМИ...

– Знаю многих людей, упрочивших творческое положение географией «прописки». Москва – бочка данаид, и никогда не наполнится. Но всё же качество прозы, мне кажется, не зависит от того, где литератор предпочитает жить и работать, лишь бы работал хорошо. Премии – это, конечно, здорово, семья у меня большая, деньги всегда нужны. Но если нет – переживём. Это не главное ведь. Главное – чтобы твои книги издавались и люди их читали. А если замкнутая в пределах МКАД творческая среда интеллектуалов действительно существует, то жаль их, конечно. В спёртом пространстве всегда нехорошо пахнет.

– Вы активно занимаетесь переводческой деятельностью. Не потому ли, что ваши оригинальные произ-

ведения не снискали широкой известности в целом по стране? Такое ведь часто случается, когда писатель, отчаявшись пробиться, быть услышанным, начинает заниматься переводами, чисто даже из коммерческих соображений, – надо же на что-то жить, если твои книги не покупают...

– С переводов я, собственно, и начала. Эта работа – интереснейшая игра со словом. Горжусь тем, что несколько человек, пишущих на якутском языке, благодаря моим переводам были приняты в СП России. Из коммерческих... да, тоже было, но кто из литераторов, побуждаемый меркантильными интересами, не пробовал переводить, редактировать, писать сценарии, рецензии и т. п.? В последние годы от переводов отказываюсь, времени не хватает для собственных книг. В московских издательствах они стали печататься недавно. В октябре в ЭКСМО вышел мой сборник «Манечка, или Не спешите похудеть» – рассказы разных лет и повесть. В ноябре – в детской редакции «Настя и Никита» издательского дома «Фома» вышли «Записки для моих потомков» с замечательными иллюстрациями Ольги Громовой. «Записки-2», надеюсь, будут изданы в этом году. Скоро, также надеюсь, выйдет книга «Когда подрастают дети» в ЭКСМО.

Цикл из пяти книг «Кровь и молоко», «вылившийся» из «Божьей отметины», я всё же написала. То есть почти, над двумя последними ещё работаю. С этой пенталогии ЭКСМО осенью планирует запустить авторскую серию. Романы

связаны одной линией, но самостоятельны. Первую, «Змеев столб», издали маленьким тиражом «для представления на премии», как мне было сказано. Неожиданная весть от моего редактора о представлении и ещё более неожиданный отзыв на этот роман Людмилы Улицкой были для меня, конечно, очень лестны... Впрочем, новый автор для любого издательства тот же кот в мешке, усилия «раскрутки» могут и не принести никаких удач.

Три обязательных вопроса:

– В начале XX века критики наперебой твердили, что писатель измельчал. А что можно сказать о нынешнем времени?

– Литература не измельчала, поскольку взаимодействует со временем, а оно не имеет обыкновения мельчать. Время просто меняется, как и писательское видение. Людей пишущих стало много, чему поспособствовал интернет. Настоящих писателей среди них минимум. Невелико их число и среди тех, чьи книги издаются. Заявить: «Я – писатель» человек не может. Оценку местоимением от третьего лица поставит ему независимый критик – читатель-время.

– Почему писатели перестали быть «властителями дум»? Можете ли вы представить ситуацию «литература без читателя» и будете ли продолжать писать, если это станет явью?

– Вопрос этот, скорее, не к «властителям дум», а к вла-

стителем Дум. То есть не писатели плохо пишут, а власти дурно пашут. Складывается впечатление, что «там, наверху» невдомёк: пока часть детей озабочена взрослыми проблемами, где бы да как раздобыть денег, читать она не будет. Помните из нобелевской лекции Бродского: «Я не призываю к замене государства библиотекой – хотя мысль эта неоднократно меня посещала, – но я не сомневаюсь, что, выбирай мы наших властителей на основании их читательского опыта, а не на основании их политических программ, на земле было бы меньше горя». Мало того что хорошо иллюстрированная детская книга – вещь недешёвая, к тому же совсем не она ставится во главу угла нынешних ценностей. Но есть и положительные сдвиги. В последние годы издательства наряду с опробованным материалом охотнее и больше стали печатать книги новых авторов, появились молодёжные акции вроде флешмоба «Читать модно». Может, порог интенсивности нечтения, пусть и с огромными потерями, будет пройден и сделает обратный зигзаг. Хотелось бы верить, что чудо любви к чтению воскреснет. Ситуация остаться без читателей ужасна для любого литератора, но процесс сочинения я люблю – без всякого кокетства и патетики – больше всего.

– На какой вопрос вы бы хотели ответить, но я его вам не задал?

– Сказать, как с песней родилась литература? Давайте ответчу отрывком из «Земли удаганок»: «Кто был тот певец безвестный, что во дни первотворенья звук волшебный, дух

небесный вдохновил на песнопенья? Кто же голосом над чащей, словно птица, взмыл впервые – человек, ручей журчащий или горы грозовые? Невзначай запел, с охотой, вторя ли ветрам от скуки, или ведал этот кто-то, как слова сплести и звуки? Пел ли в счастье, не умея выразить его иначе, или, скорбь излить не смея, песней скрыл порывы плача? Или, сколько сердцу было радости дано невнятной, веры, трепета и пыла, и любви невероятной, горло враз перехлестнуло и, наверное, на месте душу в клочья бы рвануло, не взлети всё это песней?..»

«Литературная газета», 15 января 2014 г., № 1–2

Михаил Бутов: «Банкета не будет!»

«Новый мир» отметит выход 1000-го номера достаточно скромно

Михаил Владимирович Бутов – прозаик. Родился в 1964 году в Москве. Окончил Московский электротехнический институт связи. После окончания института сменил много занятий. С 1992 года публикует прозу и статьи в периодических литературных изданиях. Автор книг прозы «К изваянию Пана» (1994) и «Свобода» (1999). Лауреат премии Smirnoff-Букер (1999) и годовых премий журнала «Новый мир» (1999, 2003). Председатель литературных советов премий «Заветная мечта» (детская литература) и «Большая книга». С 1994 года работает в журнале «Новый мир», в настоящее время – в должности заместителя главного редактора.

– Михаил Владимирович, в августе выходит юбилейный, 1000-й номер «Нового мира». Планируются ли какие-либо мероприятия в связи с этим событием?

– Специально мы ничего не планируем, банкета по этому случаю не будет.

И время неподходящее, отпускное, чтобы отмечать события такого рода. Да и соизмерять сегодня приходится литературным журналам всякое действие со своими достаточно скромными средствами. Зимой устроим традиционный ве-

чер журнала с вручением премий и т. д., заодно отметим и 1000-й номер. А сейчас – разве что скромная вечеринка в редакции.

– Чем является этот журнал для тебя лично? Какую роль в твоей жизни он сыграл?

– Тут я вынужден говорить в таком тоне, что меня можно упрекнуть в дурной выпренности. Но ничего не поделаешь. Я в своих отношениях с «Новым миром» действительно замечаю некий промысел. Нас с журналом будто сводила какая-то сила. Дело в том, что сам я этих отношений никогда и никак целенаправленно не выстраивал. Текстов своих я по редакциям не носил – и сейчас, кстати, не ношу. Попали они в журнал в 1992 году через вторые руки, и когда мне позволили, представились и сообщили, что хотят напечатать мои рассказы, я подумал, что это розыгрыш. И думал так до того момента, пока сам не пришел в редакцию.

Точно так же я попал в «Новый мир» в качестве сотрудника. Хотел уйти с прежней надоевшей службы, как-то заикнулся в журнале – мол, вдруг есть для меня местечко, но получил ответ, что в ближайшем будущем никаких свободных мест тут не предвидится, да и неизвестно, подхожу ли я для сложного редакторского дела. Буквально через неделю мне перезвонили и позвали работать в отдел прозы. И вот еще что я заметил: за все 14 лет, что я состою при журнале, у меня было множество предложений по работе, и порой эти предложения бывали очень хороши, но ни единого такого,

ради которого стоило хотя бы задуматься о том, чтобы журнал совсем оставить. Ну и публикую я свои немногочисленные тексты преимущественно здесь же. Не только потому, что это удобно. Хотя, конечно, удобно.

– Как тут не вспомнить поговорку «всяк кулик свое болото хвалит»...

– У «Нового мира», а для меня это очевидно, есть свое собственное лицо, своя культурная позиция, есть достоинство (не путать с напыщенностью), которое – каким-то чудом – все никак не разменивается на ерунду, не теряется в суете, в примитивных идеологических или маркетинговых жестах, в «клиповом сознании» или каких-нибудь прочих мегапрелестях нынешнего бытования.

– В конце 80-х – начале 90-х тиражи толстых журналов были просто фантастическими. Даже всеми руганный-переруганный «Наш современник» издавался полумиллионным тиражом, не говоря уже о «Юности», «Знамени» или том же «Новом мире». Сейчас «толстяки» выходят столь худыми тиражами, что диву даешься. В чем причина? «Самая читающая в мире» нация перестала быть таковой?

– Ситуация тех времен была искусственно перегрета. В основном за счет публикаций ранее запрещенных в стране литературных текстов, а также прорывов разнообразных табу (последнее толстых журналов касалось в меньшей степени). Разумеется, она не могла сохраняться сколько-нибудь

долго. И оказала эта ситуация крайне негативное влияние на отношение к современной литературе вообще. Ощущение новизны и шока от неожиданной дозволенности всяких «откровенностей» ушло почти мгновенно, а между тем сегодня уже имеется целый пласт молодых читателей, которые тексты без мата вообще за литературу не считают. После того как читателю на протяжении нескольких лет ежемесячно предлагали концентрированное лучшее (да к тому же и окруженное аурой запретности) из всего литературного массива практически за целый век – разумеется, взгляд на текущую, нынешнюю литературу все давал в сером цвете, появилось отчетливое ощущение несоизмеримости масштабов. Но прежде всего несоизмерима была именно оптика. Ну а «самая читающая» нация за последние 20 лет быть таковой, безусловно, перестала. Однако декларируемые тиражи не вполне отражают читательский интерес, тут много привходящих моментов. Вот лично я аудиторию «Нового мира» оцениваю на сегодняшний день в 20–25 тысяч. Что, к сожалению, не означает, что каждый из этого числа читателей журнал конкретно приобретает или выписывает.

– Правомерно ли утверждать, что толстые журналы (как принято считать, своеобразная визитка отечественной литературы) медленно, но верно сходят на нет как культурное явление?

– Во-первых, в современном мире толстые литературные журналы, конечно, роль визитки не выполняют, они просто

участники литературного и издательского процесса наравне со многими другими. Во-вторых, что подразумевается под «сходят на нет»? Если речь о том, могут ли толстые журналы просто прекратить свое существование, то отвечаю: да, могут. Нам приходится существовать в коммерческом мире, занимаясь совершенно некоммерческим родом деятельности. Не мы одни в таком положении, те же проблемы испытывают и многие издательства. Однако продукт издательства – книга – более внятен для книжного рынка, чем журнал. Толстый литературный журнал сегодня – вещь неформатная. Их основной способ распространения – подписка – морально устарел. Есть проблемы с будущей целевой аудиторией: те, кому сегодня 25, само понятие «журнал» связывают только с книжкой с картинками; когда им станет 40, картинки уже будут не так нужны, однако «толстяки» все равно окажутся вне их поля зрения... Ну и так далее, проблем множество, видимых путей их решения куда меньше.

– Под визиткой я подразумевал сам феномен толстых журналов – чисто русское явление, аналогов которому в мире нет. И ту роль, которую они прежде играли, формируя, допустим, вкусы целых поколений читателей.

– Если говорить о том, что толстые журналы уже никогда не будут иметь массового читателя, то это, к сожалению, так. Но массового читателя теперь не имеет и не будет иметь (за какими-то единичными исключениями, вроде

де Улицкой, Пелевина, Гришковца, некоторых фантастов) и вообще литература, требующая от читателя концентрации внимания на каких-либо качествах, помимо фабульных достоинств, манифестации сексуально-политической ориентации или пресловутой «гламурности». А именно такую – серьезную – продукцию толстые литжурналы (во всяком случае, подобные «Новому миру» и «Знамени») и предлагают. Мы не ориентируемся только на авторов, уже добившихся достаточно широкой медийной популярности (тут мог бы последовать список из десятка человек, если говорить о приемлемом литературном уровне). Но в отвлечение от этого медийного момента мы, безусловно, публикуем авторов первого ряда сегодняшней русской литературы. Что, конечно, не означает – всех таких авторов. Помимо прочего, толстые журналы все же обеспечивают саму возможность бытования и выхода к читателю огромного числа текстов, которым просто в силу их формата некуда больше деться.

– Формат имеет значение?

– Сейчас – особенно. Возьмем те же рассказы. Много ли выходит сборников рассказов? Раньше – да, выходили, а теперь? А ведь тексты эти, случается, и довольно часто, – из лучшего, что вообще создается в нынешней литературе. Я знаю рассказы, которые романов-то будут повесомее. И большинство их в книгах не выходило никогда. Ну а о стихах, пожалуй, и начинать не будем...

– В отечественной литературе часто случалось, ко-

гда автор просыпался знаменитым на следующий день после публикации в «толстяке». Выходит, такому уже не бывать?

– Этак «всемирно» знаменитым – конечно, нет. Вся жизнь уже вокруг нас устроена по-другому, разве что у киноартистов еще есть такой шанс. Тем не менее, опубликовавшись в толстом журнале, можно привлечь к себе пристальное внимание литературного сообщества. С большей вероятностью, чем если публикация состоится в интернете, глянцево-м журнале или малоизвестном издательстве.

– Вернемся к тому моменту, когда твоими рассказами заинтересовался «Новый мир». Представим, что с тем же багажом написанного и в том же возрасте Михаил Бутов переносится из 1992 года в наше время. Каковы были бы шансы вот так же, без нужных связей и без скитаний по редакциям, оказаться замеченным? Отмечаем сразу Его Величество Случай, и что получается?

– Сейчас, по-моему, еще проще. Журналы утратили помпезность, которая была им еще вполне свойственна в начале 90-х. Процент вещей, которые просто приносят – а мы их печатаем, – достаточно высок. Связи, кстати, тут вообще никакой роли не играют, без преувеличения – это мифы. За все время, пока я работаю в «Новом мире», по рекомендации разного рода знаменитых писателей мы опубликовали хорошо если десяток прозаических сочинений – и скорее всего

опубликовали бы их и без рекомендации. Зато мы отклонили множество вещей, которые опять-таки всячески нам рекомендовали известные авторы. В поэтической части немного иная картина, но протекционизмом ее тоже никак не назовешь. В конечном счете мы просто принимаем к публикации то, что нам кажется достойным. В том, что тексты интересующих нас качества и смысловой весомости чаще производят люди, имеющие серьезный литературный опыт, ничего удивительного нет. Но интересный дебют не менее ценен. Вообще, в плане отношения «Нового мира» к новым литературным течениям, к новаторской, радикальной эстетике, поэтике, наконец, просто к личным литературным мирам того или иного автора, я когда-то придумал фразу, она мне представляется довольно точной: «Мы вправе не заниматься становящимся, нас интересует ставшее».

«Независимая газета», 7 августа 2008 г.

Владимир Бушин: «Читателей у меня немало...»

Знаменитый критик, только что отпраздновавший 90-летний юбилей, продолжает участвовать в баталиях, громит своих недругов и издаёт книгу за книгой

Владимир Сергеевич Бушин – критик, публицист, прозаик, поэт, общественный деятель. Родился в 1924 году в селе Глухово Богородского уезда Московской губернии. С осени 1942 года воевал на фронте. В составе 54-й армии прошёл путь от Калуги до Кёнигсберга. На территории Маньчжурии принимал участие в войне с японцами. В 1951 году окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Работал в «Литературной газете», «Литературе и жизни» («Литературная Россия»), журналах «Молодая гвардия», «Дружба народов». С перестроечных времён активно публикуется в таких изданиях, как «День», «Завтра», «Советская Россия», «Правда», «Патриот», «Молния», «Дуэль», «Своими именами». Автор многих книг прозы, публицистики и поэзии, среди которых: «Эоловы арфы», «Колокола громкого боя», «Честь и бесчестие нации», «За Родину! За Сталина!», «Александр Солженицын. Гений первого плевка», «Я посетил сей мир. Из дневников фронтовика» и др.

– Вам 90, а вы по-прежнему активно работаете, пи-

жете, публикуетесь, давая фору многим молодым авторам. Как вам это удаётся?

– Да, недавно кто-то сравнил меня по плодовитости и шустрости с Дмитрием Быковым, прославленным ныне так, словно он живописец Коровин, однако ему-то (Быкову) лет 45, а мне сами знаете, сколько. Но откуда мне это знать? Я не знаю того даже, почему стихотворец NN каждый месяц получает премии, в том числе премию Лермонтова, хотя Михаил Юрьевич ещё в 1839 году написал, кажется, о нём, пророчески предвидя его появление:

*Делись со мною тем, что знаешь;
И благодарен буду я.
Но ты мне душу предлагаешь:
На кой мне чёрт душа твоя?*

– Если издать полное собрание ваших сочинений, на сколько десятков томов оно потянет?

– Не в этом дело. Не мной сказано:

*Вот эта книжка небольшая
Томов премногих тяжелей.*

У меня были периоды, например, с 1979 по 1987 год, когда я не мог напечатать ни одной статьи. Восемь лет! Это вся литературная жизнь Добролюбова. Были и такие работы, как та, в которой я отвергаю лермонтовское авторство стишка

«Прощай, немытая Россия...». И такие работы ждали своего опубликования лет 20. Ну как же! Гейне, не будучи немцем, восклицал: Ade main schönes Vaterland!.. (Прощай, моё замечательное Отечество). А русак из русаков Лермонтов: «Адыю, немытая...» Потянут же мои книженции кого вверх, кого вниз, кого в горние выси, кого – в кромешный ад. Но сколько их – я никогда не считал. По случаю моего юбилея «Литера-турка» могла бы переиздать, например, мой фолиантик «Сталина на вас нет!» или «Гении и прохиндеи». Всё-таки я же отдал «Литературке» лучшие дни своей молодой жизни.

– А собрания сочинений у вас не выходило? Ну хотя бы какого-нибудь пятитомника?

– Нет, не выходило. Я и не хочу... Сколько сегодня будут стоять 25–30 томов? Да пусть даже пять томов? А ведь Чубайс и Абрамович на моё собрание едва ли подпишутся. Мои читатели – люди скромных достатков. Да и куда их ставить, столько книг?

– Не обижаетесь, когда вас относят к прошлому веку и не воспринимают всерьёз?

– А кто это? Я таких лбов не знаю. Что ли, Радзинский, о литературном воровстве которого у дочери генерала Деникина писала ваша газета? Или беглый коммунист Млечин из «Нового времени»? Или товарищ Сванидзе, который не видит разницы между футбольным матчем и войной двух великих держав? Я их всех всерьёз принимаю как оборотней

и хриstopродавцев. А вот А. В. Бортников (глава ФСБ России. – **И.П.**) прислал мне на день рождения прекрасный подарок. Он понимает, какое ждёт нас будущее.

– А кого цените из современных критиков? Ну, если говорить о тех, что пришли в литературу уже после перестройки, в 90-е, в нулевые...

– Надо думать, есть хорошие ребята. Но Владимир Крупин давно, ещё будучи парторгом, а не профессором духовной академии, объявил меня в газете «Завтра» лучшим среди всех критиков современности, за исключением критиков Мадагаскара. До «нулевых» критиков ли такой фигуре...

– Порой создаётся впечатление, что друзей у вас нет. Вы постоянно с кем-то воюете...

– Вы ошибаетесь. Воюю я лишь последние 25 лет после антисоветской контрреволюции, а моя литературная жизнь началась ещё на фронте, т. е. почти 70 лет назад. Жаль, что вы не были на моём юбилейном вечере в ЦДЛ. Вы узнали бы, сколько у меня друзей. Другое дело, нынешний ресторан ЦДЛ, который, ходят слухи, сцапал Чубайс. Там у меня друзей точно нет.

– Многие не могут вам простить нападок на Окуджаву, других авторов.

Говорят, что вы на их именах просто «пиарились»...

– Говорят, что кур доят... Я вообще не употребляю такие слова, как «пиариться», «адекватно», «комфортно», «позиционировать», и даже не знаю, что иные из них означают.

Каждый раз звоню Дмитрию Анатольевичу, чтобы узнать... О Булате Окуджаве, некоторые песни которого мне нравились и нравятся, у меня были две статьи с разбором двух его сочинений. Первая – о повести «Бедный Авросимов» – была напечатана в «ЛГ», вторая – о «Путешествии дилетантов» – в журнале «Москва». В ходе разбора я с фактами в руках показал, что популярный поэт не в ладу с русским языком (например, путает слова «навзничь» и «ничком»), оплошен в истории (путал зуавов с зулусами) и плохо знает старый русский быт (утверждал, что русские люди любили заниматься любовью, положив под матрац взведённый пистолет), уверял, что перлюстрация писем процветала исключительно в России, хотя хорошо известно, что за границей перлюстрировали письма не только Энгельса к Марксу, но даже Екатерины Великой к Вольтеру, и т. д. Со времени этих моих статей минуло 35 лет, и никто из тех «многих», о которых речь, за такой срок до сих пор не выступил в защиту любимого писателя, не доказал, что мои рассуждения, оценки ошибочны или лживы, что Окуджава, например, вовсе не писал о взведённом лефоше под периной любовников. Есть хорошая идея: перепечатайте мою статью «Кушайте, друзья мои» из «Москвы» № 7 за 1979 год. Может, это взбодрит, допустим, Леонида Млечина. А то он не так давно заявил по ТВ: «Я не желаю знать Бушина! Он обидел Окуджаву». Но, повторяю, с тех пор прошло 35 лет, а всего года три назад за верхоглядство и невежество я огорчил самого Млечи-

на. Так что покойный Окуджава – только лицемерное трусливое прикрытие для благоденствующего литературного жуира. На моём отношении к Окуджаве сказалось, конечно, и то, как ликовал писатель, созерцая расстрел Ельциным парламента, о чём и поведал с радостью одной московской газете. Но есть, разумеется, люди, для которых это не имеет никакого значения. Взять хоть того же Радзинского. Он сам, сидя за рулём своей машины, отправил на тот свет молодую девушку. Никакого суда не было, а нам просто сказали: оба виноваты. Возможно, но она-то на погосте, а он, помыв руки, продолжает красоваться на телеэкране. Есть некоторая разница?

– **А с Вознесенским что за история была?**

– Однажды в 1958 году Дима Стариков, сотрудник отдела русской литературы «Литературки», мой друг, привёл в кабинет завотделом Михаила Алексеева, заместителем которого я был, тихого кадыкастого юношу и сказал: «Он хочет прочитать нам свою поэму». Мы уселись и стали слушать. Когда он закончил, Алексеев сказал мне: «Это надо напечатать». Я охотно согласился. Так в «ЛГ» появилась поэма «Мастера». С этого Вознесенский и пошёл. А 30 ноября 1960 года в номере газеты «Литература и жизнь», посвящённом 50-летию со дня смерти Толстого, молодой поэт опубликовал (возможно, специально заказанное к годовщине) стихотворение «Крона и корни». Оно выглядело вполне закономерно среди статей А. И. Куприна, А. Б. Гольденвейзера,

Ольги Форш, Виктора Шкловского, Алисы Коонен и других авторов, как уже почивших, так и здравствовавших тогда. Прекрасно! Юный талант в кругу знаменитостей... Прошло 10 лет... минуло 20... пролетело 25... Об этой публикации уже давно все и забыли. Но вдруг в 1988 году, после 28 лет молчания, сочинитель стишка вылез на страницы еженедельника «Неделя» и объявил:

«В тягостной атмосфере антипастернаковских гонений похоронного лета мне всё же удалось напечатать стихи «Кроны и корни» памяти Пастернака с подзаголовком «Памяти Толстого». И вот, мол, за 28 лет никто не заметил моего отчаянного героизма и не дают мне медаль «За отвагу», как у асмодея Бушина. И что вы на это скажете? Напечатав в «Литературной России» статью «Скорбь б/у» об этой бесстыдной проделке, я «пиарился»? К тому же стишок Вознесенского был опубликован не в «похоронное лето» (Пастернака хоронили 2 июня 1960 г.) а, как уже сказано, в самом конце осени. И никакого «антипастернаковского гонения» тогда уже не было. В издательстве «Художественная литература» именно в это время готовилась большая книга поэта «Стихотворения и поэмы», которая вскоре, в 1961 г., и вышла. А сам певец, известный говорливой любовью к Пастернаку, как раз этим летом был принят в Союз писателей. Хорошенькое гонение... А как вам нравится напечатанный в США стишок, с которым Вознесенский влился в орду клеветников о плагиате «Тихого Дона»? Привести? Как-нибудь в другой раз.

Ведь даже Рой Медведев, как недавно писали, признался, что полжизни работал Сизифом, уверяя всех, что это плагиат.

– А положительные рецензии вы о ком писали? Кто, на ваш взгляд, наиболее значительный писатель второй половины XX века?

– Самый значительный, большой, великий, конечно, Шолохов. А моим «положительным рецензиям» нет числа – о Пушкине, Толстом, Горьком, Маяковском, Макаренко, Е. Винокурове, Вас. Фёдорове, М. Светлове, С. Викулове, О. Фокиной, М. Румянцевой, О. Сулейменове, Вл. Максимова, С. Залыгине... Но вот что интересно. У некоторых свербит от моих «нападков» на Окуджаву да Вознесенского, но они знать не хотят о моих «нападках», например, на Георгия Маркова, Владимира Карпова, Станислава Куняева, на президентского любимца Солженицына (не сейчас, а при их жизни, при должностях) и др. Их это абсолютно не интересует, это не их односумы и собутыльники.

– Во всех справках о вас, во всех ваших биографиях подчёркивается, что вы – коммунист. Это поза такая? Декларировать сегодня свою приверженность марксистско-ленинским заветам не особо почётно...

– Чья поза? Ведь биографические справки пишу не я. Ныне властью взлелеяна генерация, члены которой не способны поверить в искренность любого бескорыстного или даже опасного для человека жеста, действия, поступка, они за всем видят выгодный умысел. И какую же выгоду могу

я иметь, «позиционируя» себя коммунистом на фронте или теперь при антисоветском режиме? Да, в партию я вступил на фронте, а на своём юбилейном вечере, выйдя на сцену с красным знаменем в руках, прочитал вот это стихотворение:

МОЁ ВРЕМЯ

*Я жил во времена Советов,
Я видел всё и убеждён:
Для тружеников, для поэтов
Достойней не было времён.
Я жил в стране социализма,
Я взвесил все её дела
И понял: никогда отчизна
Сильней и краше не была.
Я жил во времена Союза
В семье несметных языков,
Где дружбы дух и братства узы
Страну хранили от врагов.
Я жил в эпоху пятилеток
И был голодным иногда,
Но видел я, мой глаз был меток:
Нам светит горная звезда.
Да, ошибались мы во многом,
Но первыми прорвали мрак
И в Судный День, представ перед Богом,
Мы развернём наш Красный флаг.*

– Вот вы ещё и стихи пишете. Но как стихотворца

вас практически не знают. А почему редко свою поэзию публикуете?

– Не знают опять же те самые «многие», о которых мы говорили. Я поступал в Литинститут как раз со стихами. Они печатались во фронтовых газетах, в «Московском комсомольце», «Правде», «Завтра», «Своими именами», «Сельской жизни», «Литературной России», в областных изданиях, выходили сборниками. И читателей у них немало.

– Между прочим, у вас ведь в патриотическом стане врагов хватает. А с этими что не поделили?

– Супостатов можно нажать и без всякой делёжки. Ведь это так просто... Представьте себе. Писатель получает премию имени Горького. Вскоре он становится главным редактором журнала, на обложке которого профиль как раз Горького, самого знаменитого писателя XX века. Казалось бы, горьковский лауреат должен бережно относиться к памяти великого собрата, а он первым делом, придя в журнал, смахнул к чертям с обложки профиль. Я с негодованием написал об этом. Вот и приобрёл себе самым честным образом врага в лице уж такого крутого патриота, что он целый год Солженицына печатал, да ещё, будучи членом партии, обнародовал у себя призыв – вместо Антифашистского комитета создать в помощь Ельцину Комитет антикоммунистический. Тут и математические выкладки – сколько коммунистов надо судить. И я снова называю его мерзавцем.

Каков результат – можете догадаться. А Торький... Это

же гордость русской литературы, вся она почти полвека крутилась вокруг Алексея Максимовича. А тот патриот-лауреат ненавидит Горького и не думает восстанавливать его портрет на обложке журнала. И что мне с ним, лобзаться? В жизни много странных и загадочных вещей, друг мой Горацио...

«Литературная газета», 5 февраля 2014 г., № 5

«Русская литературная среда – это мощная клановая система»

Валерий Былинский убеждён, что сейчас всё решают личные связи

Былинский Валерий Игоревич родился в 1965 году в Днепропетровске. Учился в днепропетровском художественном училище, в Литературном институте в Москве. Публиковался в «Литературной газете», журналах «Литературная учёба», «Новый мир», «Октябрь», «Дружба народов» и др. В 1997 году за роман «Июльское утро» был отмечен премией «Новое имя в литературе» в рамках российско-итальянской премии «Москва – Пенне». Весной 2011 года в издательстве АСТ выпустил роман «Адаптация». Живёт в Санкт-Петербурге, работает журналистом и сценаристом.

– Ваш роман «Адаптация» наделал немало шума. Вот критик Вадим Левенталь написал даже, что вас «насаждают», как картошку...

– Да, было забавно читать про это. Откуда взялись такие страхи? Надо же, одна-единственная статья Льва Пирогова о романе «Адаптация» в бумажных СМИ – и такой переполох! Особенно меня умилили рассуждения Левенталья отом, что вромане всё враньё, что, к примеру, «в четырнадцать лет нормально развивающийся интеллигентный мальчик обна-

руживает, что Бога можно определить как угодно, так что пора с этим завязывать и перейти к чему-нибудь поинтереснее». Простите, я никого не заставлял насильно одолевать шестьсот страниц книги. Обычно то, что не нравится, читают только тогда, когда страшно на что-то разозлились.

– В романе поднимаются извечные вопросы бытия, существования Бога, поиска смысла жизни. Может быть, именно это смутило критиков? Ведь современная литература ставит перед собой более «актуальные» задачи, например, описывает мытарства гастарбайтеров, истории успеха бизнесменов, рефлексии сентиментальных гопников. Ваше произведение выглядит явно архаичным...

– Да, вопросы, которые называются главными, не принято сегодня обсуждать и задавать в лоб, а если и принято, то обязательно в какой-то прагматичной, ироничной манере. Или под дозой галлюциногенов, как у Пелевина. А вот так просто, в здравом разумении – нет, конечно. И, безусловно, это может вызвать если не раздражение, то брезгливое недоумение: что ещё за пафосность совковая – говорить о смысле жизни? Ну ещё и корпоративная солидарность имеет место. Любопытно, что уважаемый мной критик Виктор Топоров, сначала довольно благодушно отнёсшийся к моей книге в статье «Племянники Пелевина», позже, поддерживая своего коллегу Левенталю, написал в ЖЖ, что роман хоть и нормальный, но скучный. А ещё позднее выразился примерно в том клю-

че, что «Адаптация» – скучнейшая соковыжималка, которая годится разве что для того, чтобы издать и подарить друзьям.

– А идеологические пристрастия критиков насколько серьёзную роль играют?

– Одному известному критику, которому я послал «Адаптацию», роман понравился. Но позже, когда я попросил его написать рецензию, он выразился весьма конкретно: мол, вся литература, хоть немного связана с именем Льва Пирогова (номинаровававшего роман на «Нацбест») и теми слоями общества, которые он представляет, для него под запретом. И что бы в такой литературе ему ни понравилось – писать он об этом не будет. Так что идеологические пристрастия, как говаривал когда-то Черчилль, по-прежнему правят миром, в том числе и литературой.

– А что за история была с непопаданием «Адаптации» в шорт-лист «Нац-беста»? Я слышал, что некоторые члены жюри поставили роману наивысшую оценку и тем не менее...

– История странная, но, на мой взгляд, объяснимая. Я думаю, большинство членов жюри голосует не за то, что нравится, а за то, что им выгодно. Выгодно не в плане денег, конечно, – литература ведь не нефть, на ней не зажируешь, – а в том смысле, что кто-то из издателей, возможно, продвигает своих претендентов и не гнушается что-то обещать членам жюри, многим из которых тоже надо печататься и издавать свои книги. А издаваться без знакомств в России почти

невозможно, если у тебя нет громкого имени. Ведь и я свою книгу выпустил только благодаря случаю, просто повезло. До этого я обращался к многим критикам, давал читать «Адаптацию» всем, кто раньше печатал мою прозу в журналах, в ответ – вежливое молчание. Некоторые даже на телефонные звонки переставали отвечать.

– Ну, то есть хотите сказать, разговоры о кумовстве в жюри крупных премий – это не досужие вымыслы неудачников?

– Одна моя приятельница говорила с членом жюри прошедшего «Нацбеста» (он оказался её одноклассником), и тот сказал: «Ты что, какая справедливость? Мы заранее выбираем того, кого продвигаем, остальных просто не читаем или в лучшем случае заглядываем в книгу. Если побеждает тот, кого мы продвигали, он делится с нами деньгами, и мы отмечаем это дело в ресторане». Наверное, не все такие, не могу утверждать на 100 %. Но факт есть факт: роману «Адаптация» два члена жюри, Елена Колядина и Александр Снегирёв, поставили в своих рецензиях наивысшие оценки, что было достаточно для прохождения в шорт-лист. Но потом они почему-то проголосовали за другие произведения. Кстати, эти «нацбестовские» рецензии находятся в прямом доступе в Интернете, их можно почитать.

– А другие премии?

– Другие пока ждут не дождутся, когда я предложу на их высочайшее соискание свой роман. «Букер» в этом году от-

менили. На «Ясную поляну», как подсказали знающие люди, роман с такой темой, как в «Адаптации», не стоит и пробовать выдвигать. Приём текстов в «Большую книгу» начнётся уже скоро. Посмотрим, внесут ли роман в длинный список, если я попробую номинировать себя сам. Кстати, в либеральный «НОС», премию, которую, как известно, спонсирует Михаил Прохоров, – я честно пытался проникнуть, но главред журнала, с которым я договаривался о выдвижении «Адаптации», прочитав начало книги, пришёл в ужас и сказал, что «такое» в приличные либеральные руки отдавать нельзя, что это, мол, ударит по репутации журнала, ну и т. д.

– А что же так напугало либералов?

– Просто западной толерантностью, на которую ориентируются либеральные литфункционеры, в романе и не пахнет. Хотя, я думаю, тогда надо вообще запретить «Преступление и наказание» за негуманное обращение со старушками. А ещё этот редактор указал мне на безвкусное оформление обложки «Адаптации», мол, это тоже «камень преткновения». Но при чём тут обложка? Не сам же я её рисовал. Книга вовсе не о том, чтобы всё бросать и тем более раздеваться догола и садиться задумчиво на землю, как это изображено на обложке. Когда я показал книгу знакомой болгарской издательнице, она меня с улыбкой спросила: «Это что, про геев?»

– Так про что же?

– Уж про геев там точно ничего нет! И не про олигар-

хов, качков, бандитов, орущих патриотов с АКМ или лиричных высокоумных интеллектуалов. Герой «Адаптации» – нормальный средний человек, про которого у нас почему-то никто не пишет, то есть вовсе не герой. В нём борются мужество и апатия, сострадание и гордость, вера и депрессивное отчаяние. Это типичный житель большого города, сидящий, как говорится, на двух стульях и попавший, как многие из нас, в жернова между советским прошлым и капиталистическим настоящим. Герой романа не захотел полностью адаптироваться к этой новой, скотской, но такой выгодной жизни, но хотя бы пытается понять, почему так паскудно живёт. Когда я писал эту книгу, то сознательно хотел создать нечто большее, чем просто жанровая литература, даже большее, чем вообще литература. «Адаптация» – роман не о силе, а о слабости, которая ищет силу. Я думаю, во многом это книга для тех, кто в поиске, кто на распутье, кто ищет, кто сомневается. Подозреваю, что больше всего представителей нашей тусовки раздражает то, что в романе описана жизнь человека, по социальному положению и философским запросам весьма похожего на них, но приходящего к выводу, что его жизнь пуста и лжива. То есть, вероятно, некоторые сочли, что я выставил их дураками.

– То есть, резюмируя вышесказанное, приходим к выводу, что в литературе сейчас всё зависит от вкусов тусовки и связей самого автора. Так?

– Во все времена и во всех странах пробиться неизвестно-

му автору было нелегко. А в моём случае – тем более. Я ведь попытался войти в литературу вновь, после того как больше десяти лет нигде не печатался. Начало моего пути в литературу очень похоже на нынешний возврат в неё. В 1995 году я написал рассказ «Риф», который нигде не хотели брать. Павел Басинский сначала удивлялся, зачем ему подсунули читать байку про какого-то советского пионера на Кубе, а потом номинировал «Риф» на «Малого Букера». А всё потому, что я нашёл того, кому рассказ понравился, – это был писатель Олег Павлов, впоследствии получивший «Букера». Павлов отнёс «Риф» в «Новый мир» – и рассказ напечатали. Затем, уже по накатанной, напечатали в «Октябре» роман «Июльское утро», который получил российско-итальянскую премию. Тут бы мне продолжать в том же темпе, но... Времена тяжёлые настали, надо было как-то зарабатывать на жизнь, я ушёл в кино, попытался писать сценарии сериалов. Чего делать не следовало. Потому что спустя десять лет пришлось всё начинать сначала.

– Но ведь есть же примеры, когда малоизвестные, провинциальные писатели успешно дебютировали, получали крупные премии...

– Да, Прилепин со своим первым романом «Санька» сразу прославился. Но это исключение. Суть писательского успеха в нашей стране в том, что если ты зацепился за подножку литературного процесса, то нельзя с неё спрыгивать даже для передышки, пока не напишешь несколько романов, не полу-

чишь несколько премий, пока не утвердишься как писатель. В России крайне редки успехи раннего или вообще самого первого романа, как это случается в Европе. Русская литературная среда – это мощная клановая система, в которой, как ни старайся, всем не угодишь. Можно, конечно, плюнуть на это – но тогда надо вообще завязывать с литературой и идти в рекламщики или эффективные менеджеры.

– И как быть в этой ситуации писателям, которые ещё не успели раскрутиться?

– Писателю, которого отторгает литературная среда, нужно, на мой взгляд, упорно искать тех, кому понравится его книга, кто будет ею зачитываться. Мне лично помогли письма в Интернете от неизвестных молодых людей, которые писали, что наконец-то прочитали о том, о чём сами всё время думали. Но были и комментарии, в которых автора называли рефлексирующим лентяем, пускающим слюни маразматиком, но ющим о смысле жизни, вместо того чтобы взять судьбу в свои руки... А ещё писателю крайне важно найти своего издателя – именно своего. Единомышленника, даже, может быть, друга. Мне кажется, своего издателя я ещё не нашёл.

Три дополнительных вопроса:

– В начале XX века критики наперебой говорили, что писатель измельчал. А что можно сказать о нынешнем времени?

– Сегодня, я думаю, измельчало время и писатель вместе с ним. Время, социум не ставят перед человеком главных вопросов: кто он, откуда пришёл, куда идёт, в чём смысл его жизни? Не ставит, словно ответы на эти вопросы уже ясны. И соответственно труд писателя оплачивается копеечно. Чтобы достойно зарабатывать, ему нужно не один сильный роман писать раз в несколько лет, а печь свои произведения как пирожки, словно серии в киносериале. Разумеется, настоящей глубины в таких романах не получится. Чтобы написать что-то стоящее, надо всего себя вложить в книгу, весь мир туда вместить, умирать и воскресать вместе со своими героями.

– Почему писатели перестали быть «властителями дум»? Можете ли вы представить ситуацию «литература без читателя» и будете ли продолжать писать, если это станет явью?

– Я думаю, что в идеале писательство – не профессия, а попытка понять и описать мир. Книга – не продукт, это человеческий поступок. Литература без читателя может быть. Потому что по большому счёту настоящие поступки совершаются не только ради людей, а прежде всего ради Бога.

– На какой вопрос вы бы хотели ответить, но я его не задал?

– Зачем вы вообще пишете? Я боюсь этого вопроса. Потому что не знаю, что на него ответить. Может, писать мне вообще и не надо. Что я изменил своими книгами, сделал

ли кому-нибудь лучше, стало ли кому-нибудь легче? Иногда мне кажется, что что-то получилось. Иногда – что лучше бы я занялся подводными исследованиями, как хотел в детстве, изучал бы животных, всё больше хорошего было бы...

«Литературная газета», 18 января 2012 г., № 1–2

Язык до Казани доведет

Лилия Газизова не застала больших гонораров, но успела получить благословение от Цветаевой

Лилия Газизова – поэт, переводчик, культуртрегер. Родилась в Казани. Окончила Казанский медицинский институт и Литературный институт имени А. М. Горького. Училась в аспирантуре Института мировой литературы РАН. Автор нескольких сборников стихов. Публиковалась в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Октябрь», «Арион», «Юность», «День и ночь», «Дети Ра», «Зинзивер», в «Литературной газете», в альманахах, антологиях. Стихи переводились на английский, немецкий, польский, румынский, турецкий, латышский, армянский языки. Лауреат нескольких литературных премий. Живёт и работает в Казани.

– В вашей литературной судьбе немалую роль сыграла Анастасия Цветаева, порекомендовавшая когда-то стихи никому не известной девушки в журнал «Юность». А как вы с ней познакомились?

– Анастасия Ивановна Цветаева сама нашла название для моей первой поэтической книги «Чёрный жемчуг» и сама же пожелала написать предисловие к ней. А познакомились мы в Доме творчества «Переделкино», куда я попала, будучи 19-летней студенткой мединститута. Я считалась пер-

спективным, как тогда говорили, автором, и наш Союз писателей одарил меня путёвкой. В тот год там отдыхали-работали Сильвия Капутикян, Римма Казакова и другие корифеи советской литературы. Был даже 105-летний поэт-футурист Саша Красный. Анастасия Ивановна удивила меня своей деятельной добротой. В тот же вечер, когда мы познакомились, она пригласила меня к себе почитать стихи. В первые минуты я напряжённо помнила о том, что передо мной – сестра Марины Цветаевой, но масштаб личности самой Анастасии Цветаевой постепенно вытеснил эти мысли. Хотя о Марине Ивановне, конечно, мы говорили немало. Тогда же Анастасия Ивановна попросила у меня подборку для «Юности», куда передала их через Кирилла Ковальджи, и своей рукой написала о них лестный отзыв. Позже, когда я приезжала в Москву, не раз останавливалась у неё дома, поэтому успела близко узнать её. На всю жизнь я запомнила слова: «Нельзя говорить о человеке, что он плохой, лучше сказать, что он совершил плохой поступок». Уроки, которые я получила от неё, были нравственно-этического характера.

– Какие ещё знаковые встречи были в вашей жизни?

– Коротким, но запоминающимся было общение с Виктором Соснорой, который поразил меня своей инакостью. Есть поэты, которые не укладываются в формат жанра. Соснора – один из них. Назову ещё имя – Андрей Новиков, московский поэт, редактор, культуртрегер и... впоследствии, так

случилось, мой муж. Встреча с ним – главное событие последних лет. У нас был странный для многих, но удивительный брак на два города. Мы встречались в Москве и в Казани. Теперь мне кажется, что для двух творческих людей подобный союз оптимален. У нас не было общего хозяйства и общих детей. Зато были любовь и литература, о которой говорили бесконечно. Андрей расширил мой литературный кругозор, научил понимать и принимать стихи поэтов, которые не близки мне по определению. У него был безупречный литературный вкус. Он трагически погиб весной этого года. Посмертно в издательстве «Воймега» вышла его книга «Нерасчётливый наследник».

– Вы начинали с традиционных стихов, но в последние годы перешли на верлибры. Это был сознательный шаг? Или просто так сложилось?

– Это было почти сознательное решение – писать верлибры. Естественно, они и раньше у меня «случались», но семь лет назад произошло глобальное для моей жизни событие, изменившее меня и перевернувшее мой мир. Простите, умолчу, что именно тогда произошло. И неожиданно я стала себя чувствовать по-настоящему свободной именно в верлибрах. Не отсутствие размера и рифм раскрепостило меня. Думаю, в этой форме таятся огромные возможности, которые не использованы и на десятую часть. Верлибры никогда не станут столбовой дорогой русской поэзии – это очевидно. Но они вносят свою неповторимую «ноту» в общий хор по-

этических голосов. Тот, кто ждёт от стихов музыки, не найдёт её в верлибрах. Но хороший верлибр, как и классическое русское стихотворение, может «ранить» в сердце, остаться в памяти.

– Вы ведь ещё и переводчик. В советское время переводчики зарабатывали порой больше, чем авторы, пишущие оригинальные произведения. Сейчас переводческая деятельность таких денег не приносит, но вы активно переводите с татарского на русский. Это как-то оплачивается местным Союзом писателей или о вознаграждении персонально договариваетесь с авторами?

– К сожалению, я уже не застала больших гонораров. Но переводила довольно много. Видела в этом не только источник заработка, но и, простите за пафос, долг. Участвовала как составитель и переводчик в издании книг: «Современная татарская поэзия», «Современная татарская проза», «Из века в век. Татарская поэзия». Сегодня имеют место и неформальные договоры с авторами. Но иногда, как, например, было с изданием сборника новых переводов Габдуллы Тукая в 2012 году, выделяются бюджетные деньги. И тогда переводы достойно вознаграждаются. Многие наши татарские поэты благодарны «Литературной газете», которая регулярно публикует переводы татарской поэзии на русский язык.

– По образованию вы детский врач и даже шесть лет проработали в этой области. Не жалеете, что оста-

вили профессию? Или теперь ваша профессия – это стихи и только стихи?

– Не жалею. Хотя мои маленькие пациенты любили меня. А мне нравилось их лечить и вообще работать с детьми. Какое-то время я совмещала эти деятельности, потом литература вытеснила медицину. Между этими двумя занятиями много общего. В сущности, литература – это скорбный лист человечества. И ещё. Помните у Баратынского? «Болящий дух врачует песнопенье». А сейчас, наверное, уже можно сказать, что литература стала моей профессией.

– Такое впечатление, что в последнее время Казань стала одной из поэтических столиц России. Постоянно проходит информация о казанских поэтических фестивалях – имени Лобачевского, имени Хлебникова, имени Державина... Чем это можно объяснить?

– Казань никогда не воспринималась мною как провинциальный город. Её расположение – выигранно. Казань – это котёл, в котором перемешаны Запад и Восток, Европа и Азия. Поэтому рождаются удивительные личности, совершаются необыкновенные открытия. Здесь сильны литературные традиции, связанные с такими поэтами и прозаиками, как Гавриил Державин, Максим Горький, Велимир Хлебников, Вероника Тушнова. Не все знают, что татарско-тюркская поэзия имеет более чем тысячелетнюю историю. Вот и получается, что Казань – это стыковочный узел культур, традиций, мировоззрений. Потому и появи-

лись в Казани Равиль Бухараев (1951–2012), Алексей Остудин – авторы, известные в российском поэтическом сообществе. При этом есть менее «засвеченные» поэты, чьё творчество по-настоящему интересно и заслуживает читательского внимания, – Тимур Алдошин, Айрат Бик-Булатов, Наиль Ишмухаметов. Только в Казани мог появиться Международный поэтический фестиваль имени Николая Лобачевского, единственный в мире литературный фестиваль имени математика. А ещё – международный Хлебниковский фестиваль ЛАДОМИР. Упомяну и о таких значительных форумах, как Международные Цветаевские чтения в Елабуге, Международные Державинские чтения в Казани и Лаишево, собирающие цвет российского литературоведения.

– А к каким фестивалям имеете отношение непосредственно вы как литературный консультант и руководитель секции русской литературы и художественного перевода в СП Татарстана?

– Я принимаю участие в организации или участвую почти во всех мероприятиях русской литературы в республике. Один из главных наших литературных фестивалей – Державинский. Каждый год 14 июля, в день рождения нашего великого земляка, вручается литературная премия, имеющая всероссийский статус. Весной этого года стартовал проект «Литературные дворики». Это по-настоящему интересно и красиво, когда в обычном дворе поэты читают свои стихи. Гостем одного из них был Евгений Евтушенко. В во-

семнадцатый раз прошёл недавно Осенний бал поэзии, который органично вписался в литературный календарь Казани. Также прошёл и республиканский конкурс чтецов поэзии Державина. В нём приняли участие более двухсот школьников. Вроде бы ничего особенного, но эти двести школьников хотя бы знают о существовании такого поэта. И читали они замечательно, выбирали малоизвестные стихи Гавриила Романовича, не входящие в школьную программу.

– Но можно ли сказать, что вот все эти мероприятия как-то кардинально подняли интерес к поэзии у казанцев? И если да, то в чём это выражается – больше людей приходят на выступления поэтов, повысился спрос на поэтические сборники в казанских книжных?

– Я не знаю, что должно произойти, чтобы поэзия стала такой же популярной, как в 60-е годы. А может, не нужно стадионов? Поэзия – явление камерное. Ей уютнее в студенческих аудиториях, музейных и библиотечных залах. Вот проходил в Казани IV фестиваль имени Н. Лобачевского, и, неожиданно для меня, залы были переполнены. Даже на конференции «Влияние неевклидовой геометрии на художественное сознание» не было свободных мест, публика сидела на ступенях лестниц – такой оказался интерес.

– Несколько лет назад мне довелось выступать в здании Союза писателей Татарстана. Очень удивило внутреннее убранство. Всё новенькое, с иголки, чи-

стота, солидность. Местные власти, стало быть, оказывают немалую материальную помощь писателям?

– Здание нашего Союза писателей и вправду красивое. Это старинный особняк Оконишникова, который недавно был отреставрирован. Да, власть поддерживает писателей Татарстана. Выделяются деньги на проведение литературных форумов самого разного масштаба, в Татарском книжном издательстве выходят книги наших писателей, татарских и русских. Русскоязычные авторы публикуются в журналах «Идель», «Казань», в альманахе «Аргатак», «Казанском альманахе». Писатели пенсионного возраста получают стипендию. Но, конечно, не всё так радужно. На гонорары от публикаций и изданий книг прожить нельзя. Поэтому творчеством многие занимаются в свободное от работы время. Конечно, хотелось бы большей поддержки оригинальных проектов, издания книг молодых авторов.

– Не тяжело тащить организаторскую лямку?

– Нет. Если не я, то кто же?

– А чем отличается литпроцесс в Татарстане от того, что протекает в России? Есть какие-то отличительные (может быть, национальные) особенности?

– Особенности, конечно, есть. Двухязыкая музыка улиц, соседство церквей и мечетей, старинной и современной архитектуры придают неповторимость Казани. Эта неповторимость есть и в стихах казанских поэтов, у каждого из которых есть строчки о татарской столице, как, например, у Дер-

жавина: «Как время катится в Казани золотое...»

– А есть ли отличие современной татарской поэзии от русской?

– Современная татарская поэзия представлена творчеством преимущественно зрелых авторов. Она целиком опирается на традиции, заложенные татарскими классиками, тяготеет к национальным корням. Ей присуще чувство боли за будущее татарской культуры и языка. И это придаёт порой трагическое звучание. Есть очень талантливые молодые поэты, как Рузаль Мухаметшин, Юлдуз Миннуллина, Эльвира Хадиева и некоторые другие. Их поэтика сильно отличается от предыдущих поколений. Они могут придать татарской поэзии совсем другое звучание.

– Следующий год объявлен Годом литературы. Чем нас порадует Казань, какие сюрпризы она готовит для гостей-поэтов и местных почитателей поэзии?

– Год литературы – «это звучит гордо». Думаю, это не повлияет на творчество поэтов, ведь стихи – это дело интимное, никак не зависящее от наименования года. Главное, чтобы об этом помнили те, от кого зависят судьба и благополучие поэтов. И хотелось бы поменьше показушных мероприятий, а побольше дельных и конструктивных решений назревших в литературе вопросов. Казань всегда рада поэтам.

«Литературная газета», 17 декабря 2014 г., № 50

«Каждое новое стихотворение – всегда эксперимент»

Анна Гедымин считает, что русская поэзия сегодня на подъеме

Анна Юрьевна Гедымин – поэт. Автор семи стихотворных сборников и книги детской прозы. Лауреат Международной Волошинской Премии «За сохранение традиций русской поэзии», премии им. Анны Ахматовой (журнала «Юность»), журналов «Литературная учеба», «Дети Ра». Стихи публиковались в журналах «Новый мир», «Юность», «Дружба народов», «Огонёк», «Континент», «Арион», «Октябрь», «Работница», в «Литературной газете» и др. Живет и работает в Москве.

– Вас, как поэта, можно отнести к традиционалистам. А что-нибудь экспериментальное, скажем, постмодернистское пишете? В стиле Льва Рубинштейна, допустим...

– Ну, во-первых, эксперимент возможен и на основе традиции. Да еще какой эксперимент! Взять хотя бы Бродского. Или уж сразу Пушкина – результатом его экспериментов в рамках традиционной поэзии стал новый для того времени русский язык. А во-вторых, постмодернизм – не просто стиль в искусстве и литературе, а определенная философия

и даже образ жизни. Мне такая форма мышления не близка. А Льву Рубинштейну, Тимуру Кибирову, Виктору Пелевину, Андрею Битову – близка. Но себя я в этой стилистике не вижу. Я почему-то, прежде всего, ощущаю в ней запрограммированность – на социальность, ироничность, пастиш, протестную позу... И сразу возникает реакция: ах, вы ждете такого поведения? Тогда я поступлю наоборот!.. А если серьезно, каждое новое стихотворение – всегда эксперимент. Я, например, начинала как ортодоксальный силлабо-тонист. А теперь часто пишу тоническим стихом, без четкого ритма. И с рифмами экспериментирую. Но это чисто профессиональные вещи, заметные лишь узкому кругу. Хотя как раз они позволяют писать более точно, естественно, современно. Поэзия не должна пахнуть нафталином.

– Чем можно объяснить нынешнюю моду на постмодернизм и пост-постмодернизм в России? Все-таки мы страна с богатыми литературными традициями, и явное шарлатанство должно быть очевидно всем, кто хоть немного разбирается в теме. А тут получается, что то и дело возникают какие-то дутые фигуры, за которыми не видно настоящих авторов.

– Я, признаться, последние лет десять больше слышу о смерти постмодернизма... Его расцвет в мировой литературе пришелся на 60–70-е годы XX века. Я еще в школе училась, когда на русском языке, с виртуозно осторожным предисловием Симонова, вышла «Уловка 22» Джозефа Хел-

лера. Это была настоящая бомба! У нас же всё началось позже – с середины 80-х, когда объявили гласность, я хорошо это помню. Отечественные поэты-постмодернисты были подчеркнута жизнерадостны, преувеличенно социальны, держались сплоченной группой и выглядели героями-революционерами. Они были в большой моде, постоянно устраивали какие-то перформансы. Особенно Пригов. К слову, даже его смерть потом превратили в перформанс – с этим шкафом, в котором вроде бы несли его тело, с Донским кладбищем... Так вот, когда явление достаточно популярно, к нему логично подтягиваются случайные люди и дельцы. Тем более что чисто технически постмодернизм кажется им простым и доступным. Но сколько я, в то же время, встречала графоманов-традиционалистов, спекулирующих на виршах «под Есенина»! А уж про эпигонов Бродского вообще молчу. То есть жулики и шарлатаны водятся в самых разных областях человеческой деятельности, это не зависит от творческого метода. Другое дело – как выработать критерии оценки, не потонуть в халтуре... Это уже вопросы образования и общей культуры. Вот их, конечно, надо решать.

– Вы печтаетесь с конца 70-х. Насколько сейчас молодому автору сложнее пробиться? Говорю не о публикации, но о некотором промежуточном признании, начальном статусе.

– Печатаюсь с конца 70-х – это сильно сказано. В 1979 году у меня вышла первая публикация – четверостишие

в «Московском комсомольце». Но суть не в этом. Тогда поэзия была совсем в ином положении, чем сейчас. Она была в моде и почете. И воспринималась как отдушина, доступная простым смертным высшая истина. Ведь никакого Интернета не было, всего четыре канала телевидения и три государственные программы радио. Соответственно, внимание к поэтам было повышенное. Тогда за поэтическое слово еще можно было пострадать, заплатить если не жизнью, то благополучием. Риск был другой, поэтому и цена слова иная. К тому же многие классики и кумиры были еще живы: Слуцкий, Самойлов, Тарковский, Межи-ров, Владимир Соколов, Бродский, Юрий Кузнецов, Вознесенский... Не знаю, как других тогдашних молодых, но меня это очень дисциплинировало. А как хорошо жить, когда в моде не персонажи сериалов или шоумены, а поэты – не передать! С первой же публикации на молодого автора начинали обращать внимание читатели, а если напечатают с фотографией – узнавали на улице. Так и со мной было – после публикации в журнале «Юность» в 1984 году. А еще были полные залы «Политехнического», ВТО, ЦДЛ, «квартирники», выступления по клубам... Многие мои нынешние читатели, рассеянные теперь по разным странам, сохранились еще с тех пор. Увы, сейчас ничего подобного с поэтами не происходит. Я даже не представляю, как сегодня молодой автор может громко заявить о себе просто стихами, без дополнительных уловок. Хотя формально возможностей у него больше, чем раньше:

и Интернет, и многочисленные проекты, обращенные в сторону молодых, и премии...

– А насколько русская поэзия изменилась со времен вашего дебюта? Можно ли сказать, что талантливой молодежи сейчас меньше? Или больше?

– Мне кажется, количество талантливых молодых поэтов в России – величина постоянная. Как и количество читателей: в пушкинские времена было 3 % грамотного населения, те же 3 % и теперь (я имею в виду не формальную грамотность, а способность воспринимать художественные тексты). Самое интересное, что сейчас действительно очень многие пишут стихи. Лучшее подтверждение этому – сотни тысяч авторов, зарегистрированных на сайте «Стихи. Ру». А ведь никакой моды на поэзию нет и в помине. То есть тяга к изящной словесности в наших краях, похоже, неистребима. Другое дело – уровень. Ведь поэзия – это талант плюс школа, техника. Нельзя научить быть талантливым. Но можно научить технике, без которой стихотворение просто не станет стихотворением. Ради этого обучения и существовали многочисленные литобъединения и литстудии. А теперь их практически нет.

– У вас есть ученики? Или хотя бы авторы, за которыми вы, скажем так, присматриваете?

– Учеников нет. Они ведь возникают, когда руководишь литобъединением или семинаром. Меня иногда приглашают вести мастер-классы, но на них обычно приходят уже

сложившиеся авторы. Скажем, на Волошинском фестивале 2013 года это были поэты из Ставрополя Станислав Ливинский и Андрей Недавний. Что касается совсем начинающих, то они периодически добираются до меня сами, по-старинке: просто звонят и приходят. Первый раз это случилось, когда мне было чуть за 30. Не буду перечислять всех интересных авторов, с которыми познакомилась в таком режиме, некоторые из них теперь известные авторы.

– А сами у кого учились?

– Я человек книжный, даже в МГУ, на журфаке, мне было удобней воспринимать материал не на лекциях, а «с листа», хотя лекторы у нас были великолепные. Так же и со стихами. Бесконечно читала. Находила созвучное для себя. Преодолевая сопротивление материала, врубалась в чуждое. Меняла свои пристрастия... Но при этом в начале 80-х годов прошлого века молодыми авторами очень серьезно занимались. Работало множество литературных объединений – от совсем самодеятельных до профессиональных: при Союзе писателей, при журнале «Юность». И совещания молодых писателей регулярно проводились. То есть вроде бы ничему тебя особенно не учили, но понять свой уровень, ощутить свое место в общей системе координат позволяли. И вот еще мне сейчас пришло в голову: ведь не окажись я в семинаре Евгения Храмова – не только поэта, но и большого знатока и ценителя поэзии, – я бы гораздо позже прочитала Ходасевича, узнала стихи Набокова (они тогда ходили только в

списках)... И все же назвать кого-то своим учителем – нет, не могу.

– Кого можете выделить из современного поэтического цеха?

– Это удивительно, но сегодня русская поэзия находится на подъеме. Такого количества поэтов, работающих в разных стилистиках, на очень высоком уровне, наверное, не было никогда. Перечислять всех поименно не стану, чего доброго, кого-нибудь пропущу. Лучше – опять пример. За последние полгода я подготовила для журнала «Юность», в редсовет которого вхожу, несколько больших поэтических публикаций. Естественно, авторов, которых люблю и всем рекомендую. Это живущая в Лондоне Екатерина Горбовская – изумительно ехидная и непредсказуемая; Максим Жуков, ныне обитающий в Евпатории, – резкий, философичный и в то же время фантастически остроумный; Марина Бородицкая. Ну и в заглавнике еще Ефим Бершин, Наталья Полякова... А ведь это лишь несколько имен прекрасной современной поэзии!

– А кого не любите? Кого бы вы однозначно назвали графоманом и жуликом?

– Жулики и графоманы меня, признаться, не настолько интересуют, чтобы их любить или не любить. А вот несостоявшиеся поэты или те, чья творческая манера мне не близка... Я все равно не перестаю ими восхищаться. Ведь поэзия сегодня не приносит ни любви, ни славы, ни денег. Окру-

жающие относятся к тебе, в лучшем случае, как к слабоумному. И все равно остаются люди – много людей! – которые посвящают свою единственную жизнь изящной словесности. Получая за это плевки со стороны критиков и недоброжелателей, упреки близких. И все – только ради того, чтобы донести до людей поэтическое слово! Чтобы попытаться сделать мир – уж простите за нелюбимую постмодернистами высокопарность – добрее, красивее! Бродский считал поэзию вершиной и целью развития человеческой цивилизации. Что-то есть чудовищное в нынешнем положении поэтов в нашем отечестве. Или это нам испытание такое?

– Публикаций в журналах у вас не так много. Да и премиями вы не избалованы. Чем это можно объяснить? Не умеете дружить с «нужными людьми»? Не входите в какие-то «обоймы»? Скромничаете?

– Я написала около 12 тысяч стихотворных строчек, это не так уж много. Все они опубликованы в бумажной периодике, обычно не по одному разу, и продублированы в Интернете. Кстати, все свои стихи помню наизусть. Если говорить о толстых журналах, то особенно ценю свой союз с «Юностью», он длится уже 30 лет. Ну и, конечно, с «Новым миром», где печатаюсь 15 лет. Этот журнал для меня навсегда связан с именем Твардовского и еще с моими собственными бабушками, которые всегда его выписывали и читали. Кстати, и в «Юности», и в «Новом мире» главные редакторы сейчас – поэты, что для меня имеет значение. Вообще же глав-

ная цель публикации – чтобы стихи были прочитаны и чтобы при желании их легко было найти в сети. Вроде бы этого мне достичь удалось. Что касается премий и литературных «обойм», то на какие-то специальные усилия, на выстраивание отношений с «нужными людьми» у меня просто нет времени. Я пишу свои тексты и редактирую чужие, по мере сил занимаюсь популяризацией современной поэзии. В этом нахожу смысл и радость жизни. Те профессиональные премии, которые я получила, никаких внелитературных действий от меня не потребовали.

– Вы, стало быть, довольны своей литературной судьбой?

– О судьбе своей я уже когда-то писала – что она «не злобная, но взбалмошная». И уж точно не скучная. Я стараюсь ей соответствовать. Надеюсь не сломаться раньше времени.

«Литературная Россия», 16 октября 2015 г., № 36

«На Западе человек становится другим»

Михаил Гиголашвили считает, что изоляция и языковое одиночество только помогают писателю

Гиголашвили Михаил Георгиевич. Родился в 1954 году в Тбилиси. Окончил филфак Тбилисского Университета. Преподавал в местных вузах. Доктор филологии, автор монографии «Рассказчики Достоевского» (1991) и ряда статей по теме «Иностранцы в русской литературе». С 1991 года живет в ФРГ, преподает русский язык в университете земли Саар. Широко печатается в российской и зарубежной периодике. Автор романов «Иудея» (1978), «Толмач» (2003), «Чёртово колесо» (2009), «Захват Московии» (2012), сборника прозы «Тайнопись» (2007). За роман «Чертovo колесо» получил приз читательских симпатий премии «Большая книга 2012».

– Этой весной вышел ваш роман «Захват Московии», который был встречен критикой прохладнее, чем «Чертovo колесо» и «Толмач». Виктор Топоров, в частности, написал, что крайне разочарован этой книгой, а ведь он был вашим издателем и даже придумал название для того же «Толмача»...

– Насчет Топорова есть мнение – если он ругает, значит,

роман хороший. И, кстати, насколько мне помнится сейчас, название он не придумал, а сократил – у меня было «Толмач и дезертиры», а он обрубил до одного слова, за что я ему и благодарен. По поводу же «Захвата...» есть, слава богу, и другие мнения и рецензии, вот, к примеру, Дмитрий Бавильский приходит к совершенно иным выводам, чем Топоров.

– То есть не считаете, что «Захват Московии» – это неудача?

– Нет, конечно. Если бы я так считал, то ни я, ни издательство этот роман не выпустили бы в свет. Наоборот, это роман открыл мне горизонты в плане свободы языка. Я думаю, дело в том, что критика ждала от меня чего-то вроде «Чертова колеса», а новый роман оказался совсем другим, как по форме, так и по содержанию.

– Один мой знакомый литератор определил вас как «писателя экзотического». Мол, грузин, живет в Германии, пишет на русском о проблемах эмигрантов и о Грузии. Но вообще, доля истины в его словах, мне кажется, есть...

– Пусть будет «экзотический» – это лучше, чем «ординарный» или «примитивный». Ведь чем экзотичнее – тем интереснее, не так ли?.. И, кстати, «Захват Московии» – это вовсе не об эмигрантах и не о Грузии, а именно о России, какой её видят люди с Запада. И вообще разве так важно, где кто живет и какую кровь несет в себе? Пусть читают тексты и меньше интересуются личной жизнью, только гамбургский

счет расставляет все точки над «і».

– Русский язык для вас – родной? А на грузинском никогда не пробовали писать? И если да, то почему предпочли в итоге русский?

– Русский язык – родной, так сложилось. В Тбилиси было много культурных интеллигентных семей, где говорили на русском. До революции, например, как нам известно из прозы грузинских классиков, весь верхне-дворянский слой говорил на французском, на русском и часто только потом уже на грузинском. Я никогда ни на каких языках, кроме русского, не писал и не пытался, хотя очень бы хотел писать по-грузински: тогда моя форма и содержания сомкнулись бы, и не было бы вопросов типа кто он, где родился и где живет.

– Кстати, в «Чертовом колесе» натыкаешься на некоторые моменты, которые вряд ли будут понятны российскому читателю. Например, один из героев едет за наркотой «в Азербайджан, к татарам». Ну, это мне, как человеку, не один год прожившему в Грузии, известно, что грузины называют азербайджанцев татарами. Но среднестатистический россиянин понятия об этом не имеет. Может, стоило все-таки давать больше пояснений, сносок?

– Не думаю, сносок там и так достаточно. А «татары» – это понятие ёмкое, еще с монголо-татарских времён, под ним понимаются все мусульмане, басурмане, нехристи.

– В советское время наркомания была достаточно

распространена в Грузии. Что уж говорить, когда мы, учащиеся старших классов, шли после уроков в Ботанический сад (а он был рядом с моей школой), чтобы покурить план, реже – понюхать клей «Момент». Это было настоящим бедствием. Вот, описывая все это, вы не боялись обвинений со стороны грузинских национал-патриотов в том, что «позорите Грузию»?

– Я лично не боялся, хотя и знал, что правдой всегда все недовольны. (Тут, кстати, для меня ответ, почему некоторые критики взъелись на «Захват...» – правда глаза колет, но прямо они этого высказать не могли, вот и прибегли к разного рода уловкам, чтобы очернить текст. Тот же Топоров назвал «Захват...» «антитоталитарным и антироссийским», через «и». А что получается, если ставить знак равенства между двумя этими понятиями?.. Вот такие проговорки)... Да, мама боялась и просила меня роман не печатать, но в Грузии, во-первых, его мало читали (в связи с общим падением интереса к русскому языку и отсутствию книг из России), во-вторых, кто читал, отмечали, как и вы, его правдивость, так как все знали, каким бедствием была наркомания в то время. Зато сейчас этот вопрос решен кардинально – наркотиков Грузии практически нет, потому что полиция не коррумпированная и меры принимаются серьезные, на деле, а не на словах. В целом на наркоманов стали смотреть как на больных, начали лечить (как тут, в Германии). Стали проводить комплексные проверки, выстроили систему очень вы-

соких денежных штрафов, что подействовало куда сильнее, чем прежний метод – сажать в тюрьму за любые провинности, где человек окончательно портился.

– Вы специалист по творчеству Достоевского. А он сильно на вас повлиял как на писателя? Не от него ли ваше многословие, эти объемы?

– «Многословие» – не очень приятное слово. У меня в текстах ровно столько слов, сколько мне нужно, чтобы высказаться. Но, конечно, сокращать всегда можно. Достоевский повлиял в плане диалогизации и полифонизации речи персонажей, научил развивать действие через диалог, а не через описания. А в диалогах, действительно, иногда может возникать ощущения многословия, но это же в природе устной речи.

– Современных грузинских писателей сейчас практически не знают в России. Ощущаете некую миссию, как представитель Грузии в русской словесности? Или вы все-таки русский писатель? Или, может, советский?

– А как бы вы обозначили Булата Окуджаву – он «русский писатель»? А Георгий Данелия – он какой режиссер? Вот недавно награждали Олега Басилашвили, сказав при этом, что это «великий русский актер». Вот и мой случай такой, половинчатый. Грузинским писателем не могу себя назвать, ибо не пишу по-грузински. Советский – да, может быть. А миссию ощущаю в том плане, в каком каждый человек пред-

ставляет свою родину как человек и как личность, а не как писатель, инженер или врач.

– У нас с вами, как оказалось, немало общих знакомых в Тбилиси, и по университету, и вообще. Но вы уже больше двадцати лет живете и работаете в Германии. А ностальгия сильно влияет на выбор той или иной темы для произведения? Написали бы вы то, что написали, если бы остались на Родине?

– Мне трудно сказать, что бы я написал. Но ни «Толмача», ни «Захвата...» точно бы не написал, потому что не было бы соответствующего опыта, а как писать прозу без опыта жизни? Насчет же ностальгии скажу, что в современном мире скайпа, электронной почты, телефона и т. д. любая ностальгия лечится (тем более, что я стараюсь каждый год бывать в Тбилиси, там у меня сын с семьей, родственники, друзья). Нет, при выборе тем и сюжетов я ностальгией не руководствуюсь, но нотки её могут звучать в эмоциях и разговорах разных героев.

– А вам не надоело на Западе? Ну вообще... Вы сейчас известный литератор и, наверное, вас должно тянуть в эпицентр русского литпроцесса, в Москву, в Питер...

– На Западе человек становится другим уже после 3–5 лет, а тем более после 20-ти. Не верьте тем, кто, пожив на Западе и уехав обратно, рассказывает, что ему, дескать, надоело, было скучно и т. д., это все на 90 % отговорки неудачников,

которые не сумели прижиться тут, не сумели осилить того темпа, требований и т. д. здешнего, довольно жесткого, естественного отбора. Проще говоря, я крайне мало встречал тут наших людей, кто добровольно, своими ногами и своих ходом ушел бы обратно – все они или теряли работу, или не могли найти её, или не могли освоить язык, или были бесталанны, или еще что. А в эпицентр литпроцесса я и так попадаю периодически, вот только что приехал из Перми, куда был приглашен на книжную ярмарку, очень представительную, где было всё очень продуктивно и душевно, и где я сумел повидаться с друзьями и коллегами. Возможно, приеду и на сентябрьскую московскую ярмарку, если успеет выйти полная версия «Толмача».

– Ваш самый первый роман «Иудея» – о чем он? В России он вроде бы не издавался...

– Это одна из первых вещей, еще юношеских. Когда я впервые прочитал Новый Завет, то Евангелие от Луки поразило меня своей жизненностью, детализировкой, энергией, и я попытался написать о нем роман. Он многим нравился тогда, а сейчас так и лежит неизданный, но я обработал из него несколько сцен, опубликовал их в виде рассказов, и понял, что мне по-прежнему очень нравится писать историческую прозу, собирать информацию о прошлом времени, узнавать реалии и детали, в том числе и лексические – ведь в историческом романе не должно быть ни бытовых промашек, ни словесных, и надо много работать не только над речью

исторических героев, но и над языком общего повествования, старить и морить его, архаизировать (опять же – словаря, спецлитература). Не напишешь же: «на народном референдуме при Голгофе, путем устного голосования и на основании соответствующего ему письменного согласия Синедриона, было почти единогласно решено приговорить гражданина Иисуса Иосифовича Христа к высшей мере наказания, а приговор привести в исполнение по прочтении?»...

Три дополнительных вопроса:

– В начале XX века критики наперебой говорили, что писатель измельчал. А что можно сказать о нынешнем времени?

– Я согласен, что и сейчас не густо. Посмотрите, о чем и как пишутся сегодняшние т. н. романы, которые в лучшем случае тянут – по объему и содержанию – на повести. Часто это вообще полупублицистика. Прозе нужно время для осмысления. Возможно, позже появятся крупные вещи, отображающие сегодняшнее время, а пока складывается пазл из небольших лоскутов сегодняшней реальности.

– Почему писатели перестали быть «властителями дум»? Можете ли вы представить ситуацию «литература без читателя» и будете ли продолжать писать, если это станет явью?

– Потому что властителями дум стали олигархи, денежные мешки, нефтяные бароны, газовые валеты, сановные бояре, госчиновники и т. д., то есть те, кто занят деланием де-

нег на всех уровнях. Деньги стали фетишем, хотя в советское время (и в 19 веке) фетишем, действительно, была литература. Думаю, что на мою жизнь читателей хватит, а что дальше будет – бог весть...

– На какой вопрос вы бы хотели ответить, но я его вам не задал?

– Интересный вопрос, которые часто задают во время интервью – «если писатель живет вне речевого поля, это ему помогает писать или мешает»? Я постепенно прихожу к выводу, что изоляция и языковое одиночество писателю скорее помогают, чем мешают: он может беспрепятственно погружаться в глубины своего языка, он как бы уходит из зоны контроля, где он постоянно со всех сторон и из всех динамик окружен полифонией разной чужой речи, часто примитивной, нет каждодневного наплыва и давления речи десятков людей. Ведь вначале писатель учится языку у людей и книг, а потом люди учатся у писателя его языку, поэтому возникают такие понятия, как «язык Достоевского» или «язык Гоголя» (кстати, каждый из них прожил много лет за рубежом, где вообще было создано немало шедевров русской литературы). Вообще одиночество – колыбель всякого творчества, а любая изоляция – языковая или иная – подталкивает писателя к погружению в глубины своего тезауруса, к словотворчеству, словообразованию, к экспериментам со своим языком, который, по меткому выражению Миши Шишкина, писатель «всегда носит с собой». Можно только добавить,

что язык надо не только носить, но время от времени перетряхивать, пересматривать, разглядывать и перебирать, чем, собственно, все пишущие и занимаются. По большому счету, писатель – не ученик, а учитель языка, не стабилизатор, а трансформатор языка, чья специфика выражена в отборе лексем, предпочтениях, выборе словоформ – словом, в манипуляциях с тем, что имеется в мозговом компьютере. И, мне кажется, чем писатель старше – тем меньше он нуждается во внешней подпитке языка и тем более склонен к манипулированию собственными резервами.

«Литературная газета» 18 июля 2012 г., № 29

Южнорусский десант

Сергей Главацкий отвоевывает место под солнцем для писателей

Сергей Александрович Главацкий – поэт, драматург, музыкант. Родился в Одессе в 1983 году. С 2002 г. – председатель Южнорусского союза писателей, с 2006 г. – председатель Одесской областной организации Конгресса литераторов Украины, в 2009–2012 гг. – член руководства Конгресса литераторов Украины. Выпускающий редактор литературного журнала «Южное сияние», главный редактор литературного интернет-проекта «Авророполис». Автор более 500 публикаций в изданиях Украины, России и дальнего зарубежья. Живёт в Одессе.

– Сергей, Украина по числу союзов писателей, возможно, скоро догонит Россию. С чем это связано? Зачем такое количество СП?

– Уверен, что если подсчитать региональные писательские союзы России, то она окажется вне конкуренции. В этом отношении нам до вас пока далеко. Если по ряду характерных признаков проводить параллели, то Национальный союз писателей Украины можно соотнести с Союзом писателей России, Конгресс литераторов Украины – с Российским союзом писателей... Точка зрения Южнорусского союза писателей

в последние годы более всего походит на точку зрения российского Союза писателей XXI века. Думаю, что существование нескольких писательских организаций в стране вполне естественно, ведь каждая организация имеет своё лицо, а автору необходима возможность выбора – работать с теми, с кем ему удобнее.

– А в чём отличие возглавляемого вами Южнорусского союза писателей от других подобных объединений на Украине?

– Самый многочисленный СП на Украине – наследник тяжёлой коммунистической машины – Национальный союз писателей Украины, насчитывающий в своих рядах порядка 2000 членов. Правда, идеология хомо советикус – при сохранении аппарата СП – была в нём искусно подменена идеологией национализма, а русскоязычных писателей из многих областных отделений попросту изгнали. Это единственный СП, который на Украине поддерживается «сверху», имеет так называемое имущество и дотации. Второе писательское объединение, претендующее на статус общенационального, – Всеукраинский творческий союз «Конгресс литераторов Украины». Создан он был в 2006 году покойным Юрием Капланом как демократическая альтернатива НСПУ, куда смогли вступать «незамеченные» и отвергнутые русскоязычные авторы. Межрегиональный союз писателей Украины базируется главным образом в Луганске и Донецке. Из организаций, часто бывающих на слуху, можно на-

звать Ассоциацию украинских писателей. Так или иначе, у всех этих СП ярко выражена привязка к Украине. Относительно нашей идеологии: мы не считаем, что нужно наращивать аппарат, регистрировать региональные организации и... ограничиваться территорией одной страны.

– Именно поэтому в ваших рядах авторы из разных стран?

– Нам интересны писатели всего мирового русскоязычного пространства.

Считаю высокой на данный момент и художественную планку – пусть нас окажется в итоге 100–150 человек, но это будет компактная, мобильная и действенная система. Потому приоритетна работа с писателями России, Беларуси, с СП стран, разделяющих наше мнение.

– Чем было продиктовано его создание в 2000 году и как вы оцениваете работу своей структуры?

– В определённое время, к концу девяностых, пришло понимание того, что защищать русскую литературу в Одессе и в стране в целом некому – ни одна организация не специализировалась сознательно на интересах русскоязычной половины писателей Украины. Многие годы мы работали в пределах региона, ведь без финансовой поддержки за его пределы выйти достаточно проблематично. Начиная с 2005 года мы вошли в перманентную творческую и организационную «идиллию», прошли путь от двух-трёх мероприятий в месяц тогда до ста с лишним как в прошлом, так и в позапрошлом

годах. Сейчас в нашей работе активно участвуют экс-секретарь Анастасии Ивановны Цветаевой Станислав Айдинян, мой незаменимый помощник Евгения Красноярова, первый председатель ЮРСП Олег Дрямин, Людмила Шарга, Алёна Щербакова и другие. В последние годы многие наши члены ведут ежемесячные творческие студии, в проекты активно включаются Ольга Ильницкая (Москва), Ирина Василенко (Ильичёвск), Евгения Бильченко (Киев). Два года назад во время известного теракта в Домодедове мы потеряли поэта и драматурга, одного из учредителей ЮРСП и когда-то активного его «функционера» Анну Яблонскую...

– Недавно вы начали выпускать журнал «Южное сияние», и даже презентовали его в Москве...

– На самом деле «Южное сияние» является «классическим», если так можно выразиться, «толстым» литературным журналом – естественно, со своими особенностями и рубрикой. Уже много десятилетий в отличие от других крупных городов СССР в Одессе не было периодического литературного издания, и, учитывая богатую литературную историю нашего города, такое положение вещей мы считали позорным. Идея, как говорится, очень долго витала в воздухе. Кроме того, вся парадигма работы состоявшихся российских литературных журналов не позволяла одесским авторам полноценно проявляться в русской литературе. Да и организация наша доросла до серьёзного издания, которое не стыдно представить на международной арене. Рад, что те-

перь «Южное сияние» можно прочесть и на трёх журнальных порталах – «Мегалит», «Читальный зал» и «ЛитБук». До начала его выпуска мы издали две литературные антологии ЮРСП, был выпущен «одесский» номер литературного журнала «Дон». После чего сделали ставку на своё профильное периодическое издание, а авторские сборники отошли на второй план. Отрадно, что новая городская власть с пониманием относится к проблеме русского языка в регионе, и идея издания журнала была подкреплена бюджетным финансированием в рамках программы «По сохранению и развитию русского языка в Одессе», что уникально для современной Украины.

– Удивляет немалое количество авторов из России, которых вы публикуете.

– Как я уже и говорил, главное для нас – единство русского литературного пространства, потому естественным представляется сотрудничество с «исторической родиной», с цивилизацией, частью которой мы являемся. Здесь даже слово «сотрудничество» фальшиво звучит... Кроме того, двое из членов редакции журнала, а именно Станислав Айдинян и Ольга Ильницкая, в течение долгих лет живут как в Москве, так и в Одессе. Да и вообще Одессе не с руки быть вне русского литературного процесса – наши писатели всегда стремились в столицу. Периодически происходила заброска так называемого литературного десанта. Наверное, пришло время снова это сделать. Между Одессой и Москвой

связь исторически прочная, намного прочнее, чем с любым городом Украины.

– Мы постоянно читаем о проблемах с русским языком на Украине. Насколько это соответствует действительности?

– Действительность состоит в том, что русский язык на Украине не является вторым государственным. Власти ошибочно думают, что введение второго государственного языка критично для территориальной целостности страны. О положительном опыте Беларуси никто почему-то не заикается. Равно как и о том, что потеря культурных и языковых корней для человека – это потеря своей идентичности. Но для Киева это, конечно же, в первую очередь вопрос политической игры, которая в нашей стране никогда не завершается – по нежеланию одних и мягкотелости других. При этом страдают люди, которые живут вроде бы и у себя, в своём родном городе, где жили их предки, а вроде бы и в чуждом, искажённом пространстве. В русскоязычном регионе, где 91 % населения хочет говорить по-русски, количество часов изучения украинского языка в школе в неделю – 10, а русского – 1. Дети постепенно забывают родной язык, а Пушкина читают в переводе на украинский. Это же абсурд! Возможно, российским властям стоит всерьёз задуматься о том, какая гуманитарная катастрофа ждёт десятки миллионов русских людей...

– А вас не называют сепаратистами за пророссий-

скую ориентацию?

– Вопросы культуры, увы, не считаются столь существенными и вещественными, чтобы вешать на русскоязычных писателей такие серьёзные ярлыки... Мы же ни к чему не призываем, даже больше скажу – мы аполитичны, просто хотим, чтобы в своём городе нам было уютно и комфортно, чтобы нам не мешали. Нужно понимать, что власть местная отличается от той, что в Киеве. В Одессе власть говорит по-русски, а это очень много значит.

«Литературная газета», 13 марта 2013 г., № 10–11

Хранитель подземелий

Дмитрию Глуховскому удалось то, о чём мечтают тысячи безвестных авторов из Интернета

Глуховский Дмитрий Алексеевич. Родился в 1979 году в Москве. Журналист, писатель. Работал на телеканалах EuroNews, Russia Today, вёл авторскую передачу на радио «Маяк». Автор книг «Метро 2033», «Сумерки», «Рассказы о Родине» и др. Романы переведены на 35 языков. Колумнист журнала «Русский Пионер».

– Вы начинали с того, что размещали свои тексты на различных порталах в Интернете. Можно ли вас называть сетевым писателем, сетератором? Или – точнее – писателем, вышедшим из Сети?

– Думаю, одних публикаций в Сети недостаточно для того, чтобы называться сетератором. Тут всё-таки важна принадлежность к комьюнити, к сообществу. Интернет полнится клубами сетевых авторов – от сервера Проза.ру и до кружков в «ЖЖ». У меня же получилось так, что я ни к каким клубам, движениям, сообществам не принадлежу, критики про меня ничего не слышали и слышать не хотят, ну и премий, естественно, мне никаких не давали и не дадут. И очень хорошо: это закаляет. А в Интернете я стал заниматься самиздатом именно потому, что ни одно издательство не заинте-

ресовалось моим первым романом. Был 2002 год, и печатать свои тексты на собственных сайтах тогда почти всем казалось нонсенсом: ведь украдут! Ведь покупать не станут! Мне было всё равно. Я хотел одного: чтобы меня читали. Чтобы книга, на которую я потратил пять лет жизни, не осталась замурованной в ящике стола. Уже потом стал изобретать какие-то новые формы подачи текста: интерактивность (читатели поправляли и иногда направляли меня), мультимедийность (привлечение художников и музыкантов для превращения романа в арт-проект). Сама Сеть диктовала мне эти эксперименты. И когда мои книги наконец стали публиковаться, я уже не смог соскочить с Интернета. Возможность для текста быть немедленно оценённым, а для автора получить мгновенную обратную связь, быть на прямой линии с читателями – это наркотик. Мне жаль тех, кто и сегодня боится публиковать свои тексты бесплатно в Сети – они столько себя лишают.

– А бывает такое, когда знакомые по Интернету – из числа пишущих – просят «по старой памяти» пристроить в какое-нибудь издательство рукопись, помочь напечататься?

– Друзей таких у меня нет, я ведь в Сети был одиночкой. Но есть другое: издательство АСТ запустило книжную серию «Вселенная Метро 2033» по мотивам моего романа. И я стараюсь, чтобы в ней особое внимание уделялось начинающим авторам. Пятеро дебютантов – фавориты читательских голо-

сований – уже были опубликованы. Тиражи их книг достигают десятков тысяч, и для новичков это – отличный трамплин. Как они им воспользуются – зависит от них самих.

– По сути, вам удалось то, о чём мечтают тысячи неизвестных авторов, публикующихся на литературных сайтах и надеющихся, что когда-нибудь их заметят. Что бы вы им посоветовали?

– Я прорывался, когда самиздат в Интернете казался идеей в лучшем случае экзотической, а в худшем – сумасбродной. И потому среда была тогда гораздо более разреженной. Девять лет назад во всеуслышание заявить, что я начал с сетевых публикаций, означало вызвать недоумение – но и любопытство. Теперь же каждый начинающий автор идёт в Интернет. Я сажал чахлый росток в пустыне – те, кто выкладывает свои тексты сегодня, пытаются завести огород в джунглях. Информационный шум чудовищный, докричаться сквозь него до своего читателя очень сложно. Если у меня и будет какой-то совет – это самим создавать сайты, не под авторов даже, а под конкретные романы. Литературные серверы – это братская могила. Сторонних читателей, к сожалению, там мало. То, что должно было бы стать дорогой к признанию и к изданию, превращается в заседание клуба анонимных алкоголиков, где все вас искренне поддерживают, но посоветовать ничего не могут, потому что все страдают от той же проблемы. В Интернете трудно сосредоточить внимание на чём-то конкретном – слишком многое отвлека-

ет, слишком высокая конкуренция контента. Задача сетевого автора – полностью завладеть вниманием и воображением читателя. Сетевой текст должен быть как капкан.

– Так почему всё-таки у вас получилось?

– Тут, наверное, стечение обстоятельств. И везения, и настроения. И амбиций издателя, и успеха моих собственных формул. Допускаю и то, что мои книги оказались кому-то интересны.

– Критики нередко упрекают вас в поверхностности. В частности, и в «Литгазете» об этом писалось. А сами-то вы что думаете о своём творчестве?

– Я слышал упрёки в том, что моим романам – «Метро 2033», в частности – не хватает фактологических или научных обоснований, в том, что я не владею матчастью. Меня, признаться, это совершенно и не смущает: я никогда не стремился писать научную фантастику и не считаю, что мои романы принадлежат к этому жанру. Меня всегда куда больше очаровывал магический реализм – а он-то не требует точных расчётов. Кроме того, надо понимать ещё, что «Метро 2033» я начал писать в семнадцать лет и в двадцать четыре полностью дописал. В том возрасте мир и устройство человеческой души представляешь себе немного иначе, чем в тридцать. Возможно, определённая поверхностность там есть. Но в «Рассказах о Родине» – новеллах о сегодняшней России – стараюсь уходить вглубь.

– Вы журналист, сценарист, теле- и радиоведущий,

насколько эта «всеядность» помогает вам как писателю?

– Я больше ничего не веду на радио и телевидении – именно потому, что это очень отвлекает. Вообще понял для себя, что, занимаясь одновременно всем, не добьёшься совершенства ни в чём. Поэтому решил отказаться от ведения. Что касается опыта, то знание того, как устроена наша политическая жизнь, наш истеблишмент, наши СМИ и телевидение в особенности, очень пригодилось мне в написании «Рассказов о Родине».

– Какую нишу вы, на ваш взгляд, занимаете в современной русской словесности? Не обидно, когда пишут, что «Глуховский – это попса»?

– Не всё ли равно, что о тебе думают критики? Критики так же субъективны, как любой читатель – они просто умеют лучше аргументировать своё мнение. Но сводится всё к тому же: нравится не нравится. Это обвинение неизбежно приходит вместе со сотысячными тиражами. Попса – это то, что стало частью популярной, массовой культуры. Элиты презирают то, что нравится массам. Я не знаю, какое место мне положено в русской словесности – подозреваю, что все места уже заняты. Время, когда я мучался тревогой, выбирая для себя ролевую модель – играть ли мне в Пелевина, Акунина, Стругацких, или вовсе в Набокова, или, скажем, Платонова, прошло. Я решил вообще перестать сравнивать себя с кем-то – всё равно сравнения выходят не в мою пользу – и

просто делать то, что мне хочется, что кажется интересным и правильным. И потом, вряд ли можно уже сейчас вешать мне бирку на большой палец ноги и запикивать меня в каталожные ящики: Глуховский – это вот такое-то и такое-то, его сюда. Рановато. Давайте поглядим – может, я и ещё чего сумею. Может, вы меня ещё и не узнаете.

– Про постапокалиптическое метро ещё будете писать или тема себя исчерпала? Я так понимаю, тут достаточно выгодный коммерческий проект, все ларьки забиты этими книжками...

– Я написал две книги об этом: «Метро 2033» и «Метро 2034». Остальное делают другие авторы по мотивам и по сеттингу моих романов, серия называется «Вселенная Метро 2033». Я там за главного редактора и координатора. Тираж серии превысил миллион экземпляров, и я превратил его в международную литературную инициативу: авторы из разных стран пишут о своих местах в мире 2033 года на родных языках. Не знаю, вернусь ли я сам в «Метро»: очень не хочется повторяться. Писать продолжение книги, которая многим понравилась, только для того, чтобы ещё чуть-чуть выжать из её успеха, мне кажется бездарной тратой времени и обманом своих читателей. Нужны новые идеи, новый дух и новые смыслы. Между «2033» и «2034», кроме названия, общего почти и нет ничего. Если будет когда-то «2035», это должна быть самостоятельная, независимая вещь.

– А что за международный проект по дописыванию

этой саги? Что, серьёзные западные писатели реально пишут свои версии?

– Уже вышли книги об Англии и об Италии – причём у себя на родине тоже.

Дописывает свой роман на испанском выдающийся кубинский фантаст Хосе Мигель – о Гаване 2033 года. Итальянец Туллио Аволедо – известный у себя на родине автор интеллектуальных триллеров, успешный и обласканный критикой, член жюри многочисленных фестивалей. На очереди – романы, созданные немцами, испанцами, поляками. Книги наших писателей издаются на десятке европейских языков, иностранцы переводятся на русский... Такого до сих пор не делал ещё никто: чтобы авторы из разных стран, на разных языках сообща создавали единый fiction-мир. Первым быть интересно.

– Вот и компьютерная игра создана по мотивам «Метро». О грядущих фильмах поговаривают. Не кажется ли вам: то, что вы делаете, – не совсем литература?

– Кто сейчас ответит – что такое «совсем литература»? То, за что «Букера» дают? Литературными премиями правит конъюнктура, и они редко имеют что-либо общее с читательскими вкусами. При этом, в отличие от Запада, и награждение ничего для романа не сделает: дай ему хоть «Нацбест», хоть «Большую книгу», народным он не станет. Должна ли настоящая литература оставлять читателя равнодуш-

ным, быть недоступной, «клубной»? Есть ли тогда у неё шансы пережить своих авторов? Не вижу ничего порочного в мультимедийности современной литературы, в её кросс-платформенности. Текст может кочевать меж медиа, часть одного сюжета может быть рассказана в романе, другая – в компьютерной игре, третья – в кино. Сами по себе игры – тоже вид искусства. Да, они могут быть примитивны, жестоки и омерзительны, но разве мало таких фильмов или книг? Среди компьютерных игр есть и шедевры – правда, по атмосфере и по визуальной составляющей. Но кто сказал, что в играх не место ярким диалогам, красивому нарративу, мощному и небанальному сюжету? Игра может стать произведением искусства и охватит куда более многочисленную аудиторию, чем книга. Вообще в эпоху Интернета пора бы сдавать каноны и штампы XX века в утиль. Литература нового века мало чем будет напоминать литературу прошлого.

Три дополнительных вопроса:

– В начале XX века критики наперебой говорили, что писатель измельчал. А что можно сказать о нынешнем времени?

– Начало XX века подарило нам изящнейшую русскую поэзию, коммунистическое переформатирование сознания и совершенно новый язык и литературу, эмиграцию с её тоской и консервацией русской дореволюционной культуры, которой уже не оставалось в дикой природе... Я знаю десятки имён гениев, которые писали в начале XX века, и не упом-

ню ни единого имени критика. А о том, что сейчас происходит, говорить нельзя. Мы все сейчас внизу, возимся сообща в глине, из которой потом будут, обожжённые временем, возникать колоссы. Сегодняшняя известность/неизвестность, любовь/презрение/невнимание критиков, тиражи – всё суэта. Никто не может подняться над головами, никто не может воспарить над толпой и сказать: вот этот – навечно, а вас всех – забудут. Десять лет – короткий срок. Талант может родиться через пять лет и через пятнадцать. Через двадцать может возникнуть целое поколение, и тогда про нас с вами будут говорить, что мы стали тем самым жирным гумусом, на котором выросли гении. А настоящий расцвет литературы XXI века придётся на 30-е. Готов ли я лично быть гумусом? А вы готовы?

– Почему писатели перестали быть «властителями дум»? Можете ли вы представить ситуацию «литература без читателя» и будете ли продолжать писать, если это станет явью?

– Писатели, конечно, не переставали быть «властителями дум», хотя режиссёры и потеснили их. Нынешняя эпоха – время конкуренции контента. За то, чтобы быть нами услышанными, каждую секунду соревнуются десятки и сотни тысяч творцов. В каждом кинотеатре одновременно идут десять фильмов, полки книжных магазинов завалены тысячами книг (кризис? какой кризис?), телевизор предлагает на выбор сотню каналов, а Интернет – миллионы роликов

и текстов. Времени в сутках больше не стало – и каждому всё сложнее решить, на что потратить свободный час. В соревновании контента побеждает самый яркий и часто самый короткий, на употребление которого нужно потратить мало усилий, но который при этом даёт мощный эмоциональный эффект. Но если книга действительно хороша, если она захватывает читателя и поражает его воображение, то она окажется способна и заразить его идеями, и отформатировать его сознание, и подвигнуть его на свершения. Любой автор – писатель ли, скульптор или режиссёр – занимается своим делом, потому что нуждается в реакции, в обратной связи, в отклике. Нет более сильного наркотика. И нет более несчастных писателей, чем те, кто вынужден работать «в стол», утешая себя фантазиями о раскаянии современников после собственной безвременной кончины (и вот тогда они поймут!). Нет, я не готов писать в стол. Никто не станет писать в стол добровольно. Если люди забудут алфавит, я уйду в кино.

– На какой вопрос вы бы хотели ответить, но я его вам не задал?

– «Дмитрий, а что вы будете делать дальше? О чём будущий роман?» – этого вы как раз и не спросили.

«Литературная газета», 28 марта, № 12–13

Гиперреализм вместо постмодернизма

Дмитрий Данилов не прислушивается к критическим замечаниям и не думает, что человека можно «выучить на писателя»

Данилов Дмитрий Алексеевич. Родился в 1969 г. в Москве, где и проживает. Автор нескольких книг прозы: «Чёрный и зелёный», «Дом десять», «Горизонтальное положение» и др. Тексты переводились на английский, голландский, итальянский языки, публиковались в США, Нидерландах, Бельгии, Италии. Сборник «Чёрный и зелёный» вошёл в короткий список премии Андрея Белого (2010), роман «Горизонтальное положение» – в короткие списки премий «Большая книга» и НОС (2011). Публиковался в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Дружба народов», «Русская жизнь» и других периодических изданиях.

– Вы как-то сказали, что стиль для вас первичен. Но ведь в русской литературе традиционно первично содержание...

– Я не говорю, что содержание неважно. Разумеется, важно, и дело не в том, что это какое-то особое свойство русской литературы. Но если художественный текст не имеет каких-то интересных стилистических особенностей, если он

написан «просто языком», лишь бы рассказать некую историю, высказать какие-то «идеи», то очень возможно, что он не будет мне особенно интересен. Хотя бывают и исключения. Например, когда намеренно стёртый, серый язык сам по себе решает какие-то стилистические задачи (как у Романа Сенчина). А вообще работа с языком, выявление его новых выразительных возможностей – едва ли не самое интересное, что может быть в писании художественных текстов.

– То есть вам совершенно всё равно, что о вас подумают?

– Мне, к сожалению, не всё равно, что обо мне подумают, хотя было бы здорово достичь такого состояния. Я бы по-другому сформулировал: я не претендую на то, чтобы сообщить читателю какие-то новые идеи, глубокие мысли или поделиться своим «внутренним миром». Вот этого действительно нет.

– Критики нередко относят вас к постмодернистам, но так ли это? И что в вашем понимании есть постмодернизм?

– Постмодернизм в моём понимании – это художественная стратегия, исходящая из осознания исчерпанности попыток создания чего-то принципиально нового (условно говоря, модернизма), это некая игра смыслами, идеологиями, концепциями, стилями, клише, порождёнными всей предыдущей культурой, имеющая целью их (смыслов, концепций и т. д.) деконструкцию. Сам я от чести величаться постмо-

дернистом, пожалуй, отказался бы – всё-таки пытаюсь что-то новое выстроить, пусть и осознавая практически полную безнадежность таких попыток. Вот против определения моей манеры как гиперреализма я не возражаю.

– Странно, но авторы вашей литературной ориентации (назовём это так) обычно аполитичны и придерживаются каких-то абстрактно-либеральных взглядов. Вас же принято считать правым, националистом...

– Слова «правый», «националист» и им подобные в политической реальности современной России обросли очень разными, часто взаимоисключающими значениями, поэтому тут нужны уточнения. Да, я неоднократно высказывался против совершенно бездумной и губительной иммиграционной политики руководства РФ, против установившегося у нас этнофаворитизма (бесконечное закачивание денег в «проблемные», не будем показывать пальцем, регионы, фактическая уголовная безнаказанность представителей некоторых национальных диаспор). Да, я за построение русского национального демократического государства европейского типа, которое бы защищало интересы большинства (при полном равноправии всех населяющих Россию народов и защите прав меньшинств). Да, религия и Церковь для меня – одни из главных ценностей. Если всё это подпадает под определение «правый» – о'кей, я правый. При этом я и против «либеральных взглядов» ничего не имею. Свобо-

да и неприкосновенность личности, свобода политической и экономической деятельности, неприкосновенность частной собственности – всё это представляется мне чем-то само собой разумеющимся.

– А насколько политические взгляды мешают продвижению вашего творчества? Были какие-то прецеденты? Вот мигрантов недолюбливаете, а многие рукопожатные литбоссы – совсем наоборот...

– А почему мои взгляды должны мешать продвижению моего творчества?

У меня, по-моему, совершенно нормальные, умеренные политические взгляды. Недолюбливаю я не мигрантов как таковых, а российскую иммиграционную политику, вернее, не недолюбливаю, а сильно ею возмущён. Никаких экстремистских высказываний, а тем более действий я отродясь не совершал. В общем, я даже и не очень понимаю, из-за каких именно моих взглядов могут возникнуть проблемы.

– Что в большей степени характеризует современную русскую литературу? Клановость или анархический разброд? И какое место вы в ней отводите себе?

– В любой области человеческой деятельности естественным образом складываются те или иные группы, которые так или иначе друг с другом взаимодействуют, и эту структуру можно, конечно, назвать клановостью. В это слово обычно вкладывается некий негативный смысл – клановость понимается как под- или даже надковёрная борьба неких, условно

говоря, мафиозных группировок. Возможно, по наивности, но я не вижу какой-то особенной «мафиозности», то есть клановости в плохом смысле, в сегодняшнем литпроцессе. В литературе крутятся совершенно ничтожные (по сравнению, например, с кино или телевидением) деньги, поэтому какой-то лютой, отчаянной конкуренции между группировками и отдельными авторами я не вижу. Ну да, постоянно идут разговоры о том, что тот-то и тот-то пролоббировали продвижение того-то и того-то в шорт-лист такой-то премии, такой-то критик постоянно хвалит авторов одного журнала и ругает авторов другого, эту премию постоянно получают авторы одного издательского дома, а ту премию – авторы другого паблишинг-монстра. Наверное, это всё имеет место. Но вот считаешь о нравах, царящих, например, в шоу-бизнесе, и понимаешь, что наши литературные интриги – по сути дела, милые и домашние. И слава Богу. Если же говорить обо мне, то у меня с самого начала моей литературной карьеры установились хорошие человеческие и отчасти деловые (совместные выступления, издания) отношения с авторами, близкими к проектам «Осумбезд» и «Вавилон», а в последние годы – с «новыми реалистами», хотя чисто эстетически я себя к ним отнести, конечно, не могу.

– Вот если бы вы были критиком, то к чему бы придрались в своих собственных сочинениях?

– Я как-то чисто физиологически не могу представить себя в роли критика, придирающегося к моим сочинениям.

Мне кажется, писателю вообще не полезно это умственное упражнение. Не верю, что автору может быть полезен негативный критический разбор. Писателю нужно показать не то, что в его текстах плохо, а что в них хорошо – потому что он этого часто сам не понимает. Не припомню ни одного случая, когда я извлёк бы хоть что-то полезное из негативной критики моих текстов. Типа вот, надо же, критик подметил моё слабое место, надо поработать над этим, надо писать лучше. Вот буквально ни разу такого не было. И самому в своих текстах не надо выискивать слабые места (я не имею в виду какие-то ошибки, неточности, которые, конечно, надо выискивать и исправлять). Надо своим текстам радоваться, а покритиковать всегда желающие найдутся.

– Вы начали писать после тридцати, причём за спиной у вас не было ни Литинститута, ни Липок... Как вообще это получилось, с чего?

– Трудно сказать определённо – «с чего». Начал я не после тридцати, а в двадцать, это был 1990 год, я тогда открыл для себя Хармса и, как и многие, пытался ему подражать, за несколько лет написал энное количество небольших рассказов, потом надолго это дело забросил. А после тридцати опять начал, все эти годы вспоминал тот юношеский опыт, и постоянно где-то на заднем плане маячила мысль, что зря я это дело тогда забросил. Для Липок я был уже, наверное, староват, пару раз что-то им присылал – реакции не было, а для «Дебюта» я был стар безнадёжно. Тут можно было бы

снобистски сказать, что, мол, ничего я от этого не потерял, но, наверное, это не так – мне было бы интересно поучаствовать в работе подобных институций, но – не сложилось. А вот мыслей поступить в Литинститут никогда не было, всегда скептически относился к идее, что человека можно «выучить на писателя».

– В числе своих любимых современных писателей вы называете Дениса Осокина. Это не шутка?

– Какие уж тут шутки. Я считаю Осокина выдающимся писателем с собственным, ни на кого не похожим голосом и со своей уникальной для современной литературы темой, которую я бы назвал «духовным и душевным вживанием в местность». Такие его тексты, как «Овсянки», «Сухая река», «Затон имени Куйбышева», мне представляются без преувеличения гениальными.

– А кто ещё?

– Назову ещё Василия Голованова, Анатолия Гаврилова, Николая Байтова, Сергея Соколовского.

Три обязательных вопроса:

– В начале XX века критики наперебой говорили, что писатель измельчал. А что можно сказать о нынешнем времени?

– Время прошло, и выяснилось, что-то самое время, когда критики говорили об измельчании писателей, это был Серебряный век. Такие вещи всегда видятся на расстоянии. О нынешнем времени можно будет сказать что-то определённое.

ное лет через 50. Или, с учётом ускоряющегося времени, – через 20–30 лет. Доживём – увидим.

– Почему писатели перестали быть «властителями дум»? Можете ли вы представить ситуацию «литература без читателя» и будете ли продолжать писать, если это станет явью?

– Мне близка идея композитора Владимира Мартынова о том, что эпоха текстоцентричности, царившей в русской культуре двести лет, подходит к концу. Сейчас человеку, пишущему художественные тексты, трудно быть «властителем дум». Я считаю, что в каком-то смысле это хорошо – писательство становится чисто эстетическим занятием, у писателя всё меньше скушения «пасти народы», «изрекать истины» – можно успокоиться и заняться чистым искусством, что ему, искусству, всегда на пользу. Ситуацию «литература без читателя» не надо как-то особо представлять – мы уже в ней фактически находимся, особенно если сравнить с тем, что было лет тридцать назад. Аудитория серьёзной литературы постоянно сужается, писательство всё в большей степени становится частным делом узкого круга профессионалов и ценителей. И я не вижу причин прекращать писать – не знаю, как остальные, но я пишу вовсе не в расчёте на так называемого широкого читателя, а по причинам, скорее, внутренним.

– На какой вопрос вы бы хотели ответить, но я его вам не задал?

– Я бы хотел ответить на вопрос «ваши творческие планы». Отвечаю: творческих планов сейчас никаких нет, но, надеюсь, вскоре они появятся.

«Литературная газета», 1 августа 2012 г., № 31

Сорок лет на Голгофе

Людмила Дербина не считает себя убийцей Николая Рубцова и не нуждается в реабилитации

3 января этого года исполнилось бы 75 лет замечательному поэту Николаю Рубцову, а 19 января – 40 лет со дня его нелепой гибели. Много мифов и легенд ходит об этой смерти, но мало кто пытался объективно разобраться в случившемся, а главное – выслушать непосредственного свидетеля – Людмилу Дербину. Женщину, ставшую его судьбой, знавшую его гораздо лучше других. Женщину, которую одни проклинают, сравнивая ее с Дантесом и Мартыновым, другие вообще предпочитают о ней не говорить. Так повелось, что личностью и судьбой Дербиной интересовалась в основном «желтая пресса» да самозванные «защитники Рубцова». Между тем, сама она – поэт, прозаик – человек талантливый и неординарный, что вызывает особое раздражение у ее недоброжелателей. Наверное, будет справедливо предоставить ей слово в эти дни, когда Россия вспоминает своего знаменитого сына.

ЛЕДИ МАКБЕТ ВОЛОГОДСКОГО УЕЗДА

– Людмила Александровна, вокруг имени Рубцо-

ва огромное количество мифов, давайте поговорим о них, благо, сейчас самое время. Вот я недавно услышал такую историю. Якобы он незадолго до смерти упорно работал над какой-то поэмой, считал это делом всей жизни. Принес рукопись в «Наш современник» Станиславу Куняеву, а тот поэму разругал в пух и прах, после чего Рубцов ее уничтожил и, решив, что исписался, практически перестал сочинять, все больше погружался в пьянство и бытовые скандалы, что в итоге и привело его к гибели. Мне это рассказал один поэт, ссылаясь на слова самого Куняева.

– Если бы существовала такая поэма, то я, разумеется, знала бы о ней. Не было ничего такого. Куняев очень много говорит лжи. Как-то я по телевизору увидела его беседу с тележурналистом Станиславом Кучером. И Куняев там сказал, что Рубцов бросил в меня спичку, а я подошла и его задушила. Видите, как все просто у него получается, да? А еще Куняев говорил, будто бы я ему неоднократно писала. Это неправда. Зачем мне ему писать, и о чем? Пусть он предъявит эти письма, пусть обнародует их, если они у него действительно есть! Он говорил обо всем этом так, как будто он истина в последней инстанции. А о Рубцове – с таким снисхождением, у него аж глаза светились от самодовольства. Он меня назвал леди Макбет! А как меня можно сравнивать с леди Макбет? Там-то замысел был злодейский, а в моем случае...

– Трагическая случайность.

– Мы же 8 января 1971 года подали заявление в ЗАГС, хотели официально узаконить свои отношения, думали о свадьбе. И тут все это происходит... Вы хоть представляете, что я почувствовала и чувствую до сих пор? Все эти сорок лет – я на Голгофе! Но я поняла, что, наверное, являюсь сильным человеком, раз выстояла. И буду стоять дальше, что бы ни говорили, какие бы небылицы обо мне ни сочиняли...

– А вот некоторые пишут, что никаких спичек, тем более зажженных, Рубцов в вас не бросал перед самой развязкой, что, мол, Дербина это сама потом придумала...

– Конечно, Дербина все придумала! Дело в том, что я ведь подмела эти спички-то, бросила в мусорное ведро...

– А потом не проверялся этот факт?

– А что они, в мусоре стали бы рыться? Нет, конечно. Там все было очень быстро и топорно. Но все эти факты, нестыковки следствия и прочее я давно уже описала в своих воспоминаниях. Там практически поминутно все расписано, и мне не хотелось бы сейчас заново обсуждать подробности Колиной смерти. Давайте лучше о нем, о тех же мифах...

ВИНОВАТА ЛИ Я?

– Хорошо. А как вам миф о том, что при вскрытии якобы было установлено, что сердце у Рубцова, при

его-то щуплом телосложении, небольшом росте и весе, было размером с бычье?

– А вот это как раз не миф. Это правда. Сердце у него действительно было больное. Пил лекарства. А в начале 1971 года, буквально за две недели до трагедии, у него случился сердечный приступ в вологодском союзе писателей. И в ту роковую ночь, когда все произошло, – это ведь тоже был сердечный приступ! Я испугалась, когда увидела, что он просто умирает. Телефона у нас не было, а милиция – рядом. Я и побежала в отделение, чтобы оттуда вызвать «скорую». Сердце просто у него не выдержало, когда мы сцепились. Я потом уже подумала – как же так, почему так быстро, разве можно мгновенно задушить? Там же все длилось секунды... Но теперь кому что докажешь, да и нужно ли?

– То есть вы не собираетесь как-то опровергать официальную версию смерти, по которой Рубцов был вами задушен?

– Мне это не нужно. Никакой реабилитации я не хочу. Я живу обычной жизнью, занимаюсь своим делом. А представьте, если сейчас комиссия подтвердит, что он действительно умер от инфаркта, и я буду оправдана – какой вой поднимется?! И без того в напряжении живешь, угрозы получаешь... Я буду реабилитирована посмертно, и в этом не сомневаюсь.

ХОДЯТ СЛУХИ ТУТ И ТАМ

– Мне тут попалась книжица одна, в которой говорится, что у Рубцова было надорвано ухо, и что это есть тайный масонский знак. То есть намек на то, что убийство было ритуальным. Правда, в той же самой книжке говорится, что вы расправились с ним по приказанию темных сил и с помощью злых чар...

– Это просто больные люди. Есть такие, которые травят меня не просто годами – десятилетиями. Сочиняют подобные книжки, публикуют псевдонаучные статьи. Но что я могу сделать? Пусть пишут про масонский заговор и темные силы, если им так нравится... Хотя полно и вменяемых вроде бы людей, которые тоже выдумывают несусветную чушь. Читаю в Интернете одного автора, так и не ставшего писателем, который сейчас утверждает, что это он познакомил меня с Рубцовым. На самом деле меня с Колей познакомила Вера Бояринова в общежитии Литинститута, и было это 3 мая 1963 года. И сколько таких слухов и сплетен. Пишут, что я будто бы пила наравне с Колей и его друзьями. Да если бы я пила, то давно бы уже где-нибудь под забором сдохла! Я не пила и не пью, веду здоровый образ жизни, потому-то до сих пор жива, и пишу то, что хочу писать. Совсем недавно вышла книга писем ко мне – это избранные письма за сорок лет, которые мне присылали люди из разных уголков страны.

Она называется «Нам не дано предугадать...» и пользуется большим успехом у читателей, как и книги моих воспоминаний о Рубцове. Стихи мои давно уже популярны, многие из них положены на музыку. А все эти фантазеры, пишущие обо мне чепуху, – что они могут предьявить?

– Мотивы людей, которые хотят примазаться к чужой славе и распускают сплетни, как-то еще можно объяснить. Но зачем это было нужно Виктору Астафьеву, который, помнится, тоже не очень хорошо отзывался о вас в прессе.

– А я сама удивляюсь, зачем ему это было нужно. И то, что он писал обо мне, разумеется, ложь. Ненависть ко мне со стороны семьи Астафьевых труднообъяснима. Они меня сразу невзлюбили. Как будто я им перешла дорогу в чем-то. Коля мне сказал однажды: «Знаешь, Астафьевы хотели выдать за меня свою Ирку, дочку». Я отвечала: «Да что ты, Коля, я не поверю никогда». А он мне: «Почему? Я что, плохой жених?! Я поэт, красавец, богач!» Ну, знаете, вот так это все у него со смешком, юморной же был. Но я уже потом стала верить его словам, когда эта астафьевская ненависть только усиливалась. Но как там уж было на самом деле – не знаю.

– Почему вообще столько нападок на вас? Ведь вы же пострадали не меньше, а в какой-то степени и больше Рубцова. Жить с таким бременем, иметь столько недругов и при этом до сих пор оплакивать любимого человека – это куда труднее, чем пи-

сать пасквили и копаться в чужом белье.

– Помимо желания примазаться к громкому имени, о чем мы уже говорили, здесь не последнюю роль играет зависть. Мы ведь с Колей были очень красивой парой, страстной, талантливой, выделяющейся на общем фоне, нам многие завидовали. А когда он погиб, стали отводить душу на мне. Кому не лень – все пинали и пинают. Но я считаю ниже своего достоинства отвечать им. Если бы я ввязывалась каждый раз в споры и склоки, пыталась бы оправдываться, изобличать во лжи и заставляя клеветников держать ответ за свои слова, что было бы? Тогда пришлось бы судиться и судиться...

О ЧЕМ ШУМЯТ ДРУЗЬЯ МОИ, ПОЭТЫ

– Но, может быть, это еще и завуалированная месть Рубцову? Он ведь был ершистый, задиристый, в писательской братии «своим» так и не стал. А после смерти прославился, и те, кто высокомерно к нему относился, пока он был жив, вдруг поняли, что им ничего не светит, что вот именно он занял ту нишу в русской литературе, которую они давно облюбовали для себя.

– Как я могу знать наверняка, что там думали прежде и думают сейчас эти люди? Что ими движет в тех или иных случаях: месть, зависть? У каждого свои причины не любить меня или Рубцова.

– На ваш взгляд, у него действительно был творче-

ский кризис в последний год жизни?

– В том-то и дело, что в последние месяцы он мне говорил: «Люда, ты знаешь, я, наверное, больше не буду поэтом. Во мне это исчезает. Как будто я уже все написал». И добавлял горько: «А вообще я пропил тома своих книг». Он еще пытался писать прозу, но как-то не пошло. У каждого поэта бывают паузы в творчестве, необходимые для отдыха, для накопления материала. У него за последний год было написано мало – около десяти стихотворений. Трудно сейчас сказать, перестал бы он совсем писать или наоборот, взял бы новые высоты.

– Ну вот такой еще миф, связанный с именем Юрия Влодова, скончавшегося чуть больше года назад. Мне об этом рассказал близкий друг Влодова. Якобы Рубцову не хватало новых, неопубликованных стихов для последней книжки, а рукопись необходимо было сдать через пару-тройку дней, и он обратился к Влодову, чтобы тот по-быстрому написал в его стиле несколько стихотворений. И Влодов написал, в том числе и «Огороды русские» – стихотворение, которое иногда входит в сочинения Рубцова с пометкой «приписываемое».

– Мне просто хочется смеяться. Этого не может быть! Просто не может! Рубцову совесть бы не позволила такое сделать. Это же Рубцов! Он под каждой своей строчкой мог подписаться – вот это моя строчка и я от нее никогда не от-

кажусь! Но чтобы кого-то просить написать за него... Сколько уже таких прихлебателей: «Да, я был знаком с Рубцовым», «Я дружил с Рубцовым». Может, Рубцов проходил мимо, кого-то полой пальто задел – и все, теперь он уже, оказывается, друг. Я знаю массу людей, которые сейчас выдают себя за друзей Рубцова, пишут какие-то воспоминания о нем, хотя он их в глаза не видел и никогда с ними не общался.

– Было ли у вас с ним какое-то поэтическое взаимопроникновение, черпали ли вы друг у друга образы, темы?

– А вы читали мои стихи?

– Читал. Но все равно не могу не задать этот вопрос.

– Мы родственные души с Колей. Земляки. Русские. Такие северные люди. Конечно же, когда я впервые прочитала его стихи, то была потрясена. У нас с ним все и зародилось именно на почве поэзии. Но так, чтобы говорить о каком-то поэтическом взаимопроникновении... Нет, этого не было. У него – свое, у меня – свое. У него вообще такая черно-белая поэзия, цветного мало в стихах. У меня напротив – стихи все красочные. Не знаю, понятно ли объясняю, но я так чувствую. Трудно выразить словами. В то же время можно сказать об имевшей место поэтической перекличке. Мои стихи, кстати, ему нравились, он написал о них положительную статью. И этот факт до сих пор бесит моих недругов, отказывающих мне в поэтическом даровании.

– В чем феномен Рубцова? Ведь его практически

никто не раскрывал, в отличие, например, от тех же «шестидесятников», многие из которых давно и прочно забыты.

– Он настолько родной, настолько свой русским людям, что нет ничего удивительного в его популярности. Его прижали к сердцу как Есенина. Я считаю, что это навечно. Пока в России будут проживать русские люди, во всяком случае.

– Образ Рубцова, как и Есенина, кстати, прочно ассоциируется с алкоголем, дебошами. Причем отмечается, что часто он сам провоцировал скандалы.

– За ним такое водилось. Однажды приезжаю из Бельска в Вологду, а он мне спокойно так сообщает, что в магазине каком-то после ссоры получил по голове бутылкой... Это характерно для него было. Но в то же время нельзя все объяснять его любовью к выпивке! Как надоело: «Рубцов – пьяница». Хоть трагедия с ним и произошла на почве пьянства, но я не могу назвать его алкоголиком. Да, он любил выпить, особенно в последний год жизни, иногда это продолжалось не день, не два, но и три, и четыре... Однако были периоды, когда он не пил вообще. Творческий человек, понятно же. Это такое напряжение. Кто-то умеет справляться с ним без алкоголя, а он не умел. Ему нужно было временами расслабляться. Я всегда буду защищать Рубцова, до конца! Пусть у нас произошла катастрофа в жизни, но это ничего не значит...

НЕ РОДИСЬ КРАСИВОЙ

– Его близкие и знакомые женщины писали о вас в своих воспоминаниях не самое приятное...

– А кто эти женщины? Они что, личности? Какой след они оставили в его жизни? Оставили? Назовите хотя бы одну личность среди этих женщин.

– Насчет личности не скажу, но на память приходит, допустим, мать его ребенка, Генриетта Меньшикова.

– Мать его ребенка, вот именно. Ну и что же? Он о ней рассказывал: «Знаешь, мне в Николе не с кем было словом обмолвиться. Гетта хорошо баню топила, приедешь после своих странствий, отдохнешь, но...» Вот так вот. И больше ничего о ней. Все понятно. И вот эти женщины, о которых ему даже нечего было сказать, потом начали обливать меня грязью... Я ему отдала всю себя, посвятила ему свою жизнь даже после того, как была признана убийцей, а что они для него сделали?

– Вы очень привлекательная женщина, как принято сейчас говорить (тогда так вряд ли говорили), «сексуальная». Это не только по фото заметно, но и многие вспоминают о вас как о роковой красавице, которая сводила с ума мужчин, не одного только Рубцова. А почему личная жизнь после него не сложилась?

– О какой личной жизни может идти речь? Да, я была еще

довольно молодая, 38-летняя женщина, когда освободилась из мест заключения. Но женского счастья в жизни больше испытать не довелось. Других таких людей, с которыми настолько хорошо и интересно, я не встречала. Вам, наверное, трудно представить, но все эти годы после смерти Рубцова – я не расстаюсь с ним. Он живет во мне, со мной. Каждый день я вспоминаю его строчки, его лицо, образ. И хочу сказать: если и было какое-то очарование в моей жизни, то это только Николай Рубцов. Нас с ним не разделить. Как бы ни пытались нас выставить с ним врагами, – все это бесполезно. У нас с ним была любовь. Настоящая. Большая. Я осиротела без него.

– Я, наверное, сейчас скажу довольно бестактную вещь, но тем не менее. Вы хотели бы соединиться с ним после смерти, хотели бы быть похороненной рядом с ним?

– Да, он говорил: «Ты знаешь, Люда, я любил тебя». Почему-то он это в прошедшем времени говорил, видимо, предчувствовал свою смерть: «Уж кого любил, так это тебя. А если бы ты со мной еще легла, то мне было бы приятно. Ой, как мне было бы приятно...» Но нет, этого не надо. Не хочу, чтобы его могилу заплели мои враги, если я рядом буду лежать. Ни в коем разе! Вот если после смерти я буду достойна как поэт, то хотелось бы сидеть рядом с ним в Тотьме, на лавочке, беседовать. Памятник там такой, где он одиноко сидит на лавочке. И ему без меня скучно. Я это знаю.

«Независимая газета», 13 января 2011 г.

Виктор Ерофеев: «Я не русофоб!»

Известному писателю «светит» 282-я статья

– Виктор Владимирович, в последнее время идут жаркие споры вокруг вашей книги «Энциклопедия русской души», вас обвиняют в разжигании межнациональной розни, в русофобии. Почему именно сейчас, ведь это старое ваше произведение?

– Эта книга вышла 10 лет назад. Тут, конечно, стоит назвать следователя или частного сыщика, который смог бы распутать этот клубок – откуда взялась инициативная группа граждан и для чего потом их инициативу поддержали наши замечательные националисты из Движения против нелегальной иммиграции? Я не знаю, как это случилось. Может быть, это всё началось после того, как книга была процитирована в телепередаче «Гордон Кихот» около года назад. Но эта история, разумеется, в большей степени литературная, чем политическая. И я рад, что говорю об этом именно «Литературной газете», потому что здесь обыкновенное недоразумение, филологическая ошибка. Перепутаны позиции автора и его персонажа. В моей книге описаны похождения русского интеллигента, который сходит с ума и начинает поносить и власть, и наш народ, и Запад, и Восток. Оттуда можно надёргать любых цитат и на этом основании обвинить

меня в антиамериканизме, антиевропеизме и так далее.

– Но никому же в голову не приходило обвинять Достоевского в том, что он разделял философию Смердякова...

– Совершенно верно, но вы же сами видите, как разворачиваются события.

Весной этого года некая группа граждан обратилась в прокуратуру с целью проверки моей книги на предмет наличия в ней разжигания межнациональной розни. Это дело было принято к рассмотрению и прекращено где-то через месяц. Я принял участие в этом следственном мероприятии, разъяснив свою позицию. Экспертное заключение делал Евгений Сидоров, бывший министр культуры, так что формально всё вроде бы закончилось. Однако мои недоброжелатели оказались людьми упорными, мечтающими о продолжении. И когда я вступился за своего брата, Андрея Владимировича, которого обвиняли в том же самом за организацию выставки «Запретное искусство», обо мне снова вспомнили, и вновь посыпались обвинения в мой адрес.

– Хорошо, предположим, что это действительно филологическая ошибка. Но почему совсем недавно профессора и преподаватели МГУ выступили с открытым письмом «Об агрессивной русофобии», в котором говорят о необходимости изъятия этой книги из оборота и опять же о привлечении вас к суду? Они-то должны понимать, что автор и его персонаж – не

одно и то же лицо.

– Вот именно – должны. Слово верно подобрано. Это открытое письмо, которое появилось в газете «Советская Россия» в начале сентября, – обычный политический донос. Что такое политический донос? Это когда группа людей обращается в вышестоящие инстанции, сигнализируя о том, что тот или иной человек, по их мнению, нарушает закон. В русском интеллигентском кругу всегда считалось, что таких вещей делать не следует. Некрасиво, неприлично. А я же ещё и выпускник МГУ, выходит, это против меня выступили коллеги. И этот донос, вне зависимости от того, прав я или не прав, явление отвратительное. Но я думаю, что он был ещё и ложным. Потому что уважаемая группа преподавателей и профессоров могла бы хоть вчитаться в книгу. Как видно, они её не читали. Мне рассказывали люди, связанные с филологическим факультетом МГУ, что некоторые подписанты сейчас сами не хотят говорить на эту тему и не могут объяснить, как случилось, что их фамилии стоят под письмом. И какие там встречаются фамилии! Вот Ремнёва. Очень хорошая фамилия для доноса. Я думаю, что следующими подписантами будут люди с фамилиями вроде Дыбенко. Или что-нибудь еврейское промелькнёт – Иосиф Карцер, например... По безумию своему это письмо – исключительное явление; как же можно в 2009 году такое написать? Ведь не в сталинское время живём...

– А чем, вы думаете, всё это закончится?

– Понятия не имею. У меня совершенно нет никаких представлений о том, чем это может закончиться. Поживём – увидим.

– Может быть, как гонимому русскому автору вам присудят Нобелевскую премию?

– Эту премию мне никогда не дадут, потому что я не отвечаю основному её критерию – мои произведения не носят гуманистический характер. У меня попросту нет таких книг. И в Швеции я непопулярный автор. А то, что Нобеля по литературе вручают каким-то непонятым писателям, часто по политическим мотивам, ни для кого не новость. Нобелевская премия – это не более чем расширение Швеции в пространстве. Вот недавно они дали премию мира Бараку Обаме, который ещё ничего для мира не сделал. Но премия-то шведская, соответственно и престиж Швеции поднимается.

– Вы сами – человек политизированный? Симпатизируете каким-то политическим партиям, лидерам?

– Я не принадлежу ни к одной из партий, ни в каких движениях не состою.

А политические симпатии, наверное, как и у каждого русского писателя, у меня основаны на желании своей стране развиваться, на возможности гордиться ею, получать душевное и материальное удовольствие от жизни в ней. По-моему, у каждого из нас одна и та же цель. Просто все мы думаем по-разному о том, как этого достичь.

– То есть вы совсем не русофоб...

– Ну какой я русофоб?! Самое смешное, что если исходить из тех определений, которые декларирует или по крайней мере может декларировать ДПНИ, то я-то как раз русский на 100 %. У меня и мама, и папа, и бабушки-дедушки русские. В этом отношении у меня самого есть основания кого-то подозревать в русофобии – в том, что они недостаточно глубоко и душевно чувствуют мою Родину. Ну и, кроме того, папа мой был крупным дипломатом, всю жизнь боролся за достоинство Советского Союза и России на международной арене, мама тоже была дипломатом и переводчиком. Мой прадедушка – Попов – изобрёл радио. Менделеев тоже роднёй приходится. А через него, получается, что и Александр Блок...

– **Менделеев, насколько известно, вообще состоял в «Союзе русского народа».**

– Да, он был весьма близок к нему. И странно вот в таком специфическом родовом гнезде искать русофобию. Я вообще плохо себе представляю, что значит быть русофобом, если ты живёшь и работаешь всю жизнь в России, имеешь возможность уехать отсюда, проклясть эту страну, понаписать о ней всякого да и забыть, а я вот, видите, сижу здесь, рядом с вами, разговариваю на такие темы и никуда не собираюсь.

– **Вы можете сказать о том, какое место займёте в русской литературе в будущем, какое занимаете сейчас?**

– Очень трудно говорить о себе, даже если являешься па-

тентованным литературоведом. Я ведь заведующий кафедрой литературы в Московском международном университете, профессор литературы. Только время указывает писателю на его место в словесности, а вовсе не сам он решает, в каком статусе ему пребывать.

– А из современников кто на вас производит впечатление?

– Я за последнее время не встречал авторов, которые вызвали бы у меня особый восторг. Может быть, просто мало читаю? Для меня серьёзный писатель – тот, кто создаёт свой мир. Последний из относительно молодых авторов, кто создал свой собственный мир, – это Пелевин. Есть писатели симпатичные, которых можно почитать, а можно и не раскрывать их книги. Помню, когда я впервые прочитал рассказы ещё совсем молодого Пелевина, я сразу понял, кто он. И когда я прочитал Женю Попова в «Новом мире» в 76-м году, то тоже был впечатлён. Вот таких впечатлений я в последнее время не испытываю.

– Вы удовлетворены своим писательским образом ниспровергателя ценностей и противника морали?

– Я об этом даже не задумывался. Писатель не должен стремиться к тому, чтобы специально кому-то понравиться или не понравиться. Образ любого автора вообще складывается из совокупности многих вещей, часто он оказывается наносным, поверхностным или вовсе ложным. Мой любимый писатель – француз Селин. Это мой учитель. Его «Пу-

тешество на край ночи» – любимейшее моё произведение. Я написал огромную работу о Селине. И это при том, что Селин был автором погромных антисемитских памфлетов, которые запрещены к печати во Франции по сей день. Вот как в одном человеке всё это совмещалось? Но он, безусловно, гений. Хотя и с большими странностями. Но и Достоевский был со странностями. Гоголь вообще идиотом, если вчитаться в его переписку с матерью. Платонов был человеком ярким, но не семи пядей во лбу. Однако он написал лучшую русскую прозу в XX веке. Ну и интеллект Набокова сильно преувеличен. Вот и думайте, что такое образ, кем были эти люди в действительности и соответствует ли исторической правде наше представление о них?

– Вам не надоело вести свой «Апокриф» на телевидении?

– Иногда я размышляю, где ещё мне представилась бы возможность вести такую литературную передачу о ценностях жизни? И мне приходят на ум только Лондон, Париж и Нью-Йорк. В других городах я просто не смог бы постоянно вытаскивать в эфир таких людей, которые на протяжении восьми лет были бы интересны зрителям. И, конечно, эта программа меня самого постоянно чему-то учит. Потом, мне хочется показать, что у нас в стране мощный интеллектуальный потенциал, который в должной мере не используется, что, безусловно, печально. У нас есть замечательные писатели, историки, серьёзные психологи, поразительные люди,

которые связаны с разными – точными и неточными – науками. Но где они? На экранах вечно какие-то другие люди. Депутаты да телеведущие. И всякие гламурные придурки.

– Вам ближе западники или почвенники?

– Я не отношусь ни к тем, ни к другим. Я слишком хорошо знаю Запад, чтобы его идеализировать. Достаточно открыть и прочитать мою последнюю книгу «Свет дьявола», главу «Европейский смысл жизни», чтобы увидеть, что к Западу у меня гораздо больше вопросов, чем у тех же почвенников, которые, конечно, меньше его знают. Кстати, когда Василий Аксёнов выехал на Запад, то испытал серьёзное разочарование. По крайней мере в Америке он разочаровался...

– Но ведь так и не вернулся.

– А Лимонов, разочаровавшись, вернулся, ну и что? Может быть, Лимонов хотел заниматься политикой, что мы сейчас и наблюдаем. А Аксёнову это было не нужно. Место проживания тут особой роли не играет, мне кажется. Западник – это обычно наивная такая фигура, которая полагает, что если Россия примет западный путь развития, то всё у нас в одночасье станет хорошо. А на самом деле мы не можем этого сделать – у нас другая культура, другая цивилизация. Нас ошибочно считают европейской страной, это всё равно, что Китай назвать Европой, или Америку. Мы, конечно, не Европа.

– Но и не Азия.

– И не Азия, разумеется, – не Индия, не Япония. Мы –

самостоятельная культурная единица. Причём большая, значимая и очень сложная. Потому что смешение восточной и западной культур, произошедшее здесь, даёт нам своеобразные ощущения бытия. Это как два стула – если поставить их рядом, то получается небольшой диванчик. Но если стулья растащить в разные стороны (а ты привык уже к этому импровизированному диванчику), то можно оказаться между ними.

– Вы рассуждаете сейчас как славянофил.

– Мне нравятся и Достоевский, и Данилевский, и многое в Константине Леонтьеве. Так что какое уж тут западничество! Но с другой стороны, массу проблем я вижу и в так называемом славянофильском, почвенническом мировоззрении. Особый путь России подразумевает очень большую работу мысли по развитию и модернизации страны. Всем очевидно, что Россия должна развиваться. И каким образом она должна это делать – на этот вопрос я не вижу ответа в современном почвенническом лагере. Там всё только в общих словах, обтекаемо, без конкретики. Требуется огромная интеллектуальная и духовная жизнь, чтобы выработать те принципы, идеи, которые позволят изменить страну. А этого-то как раз и нет. Страна находится в удручающем состоянии. Равнодушие, апатия, моральный распад... Большое количество фактов свидетельствует о том, что она неблагополучна.

– Не в том ли ещё проблема, что власть не может опереться ни на западников, которые традиционно

выступают против неё, ни на славянофилов, которые исповедуют державную идею, но по-своему?

– Это вполне объяснимо. Это тоже традиция. Русские славянофилы XIX века не являлись проправительственной партией. Их не любили, побаивались. Они никогда не были в фаворе у правительства, потому что требовали определить самобытность и отчётливость культурной позиции России. Станный правительственный конгломерат, полувосточный-полуазиатский, не понимал славянофилов, существовал по своим каким-то правилам, что в итоге и привело к революции. И вот здесь я, конечно, ошибочная мишень для националистов. Я как раз выступаю за то, чтобы Россия нашла свой путь как культурная и современно развитая страна. Просто, когда стоишь на собственных позициях, не фундаменталистских, не конкретно западных или почвеннических, а на своих, то оказываешься мишенью для многих. Западники ведь тоже не большие поклонники моей личности.

– Но так уж сложилось в России, что писателю нередко приходится позиционировать себя сторонником тех или иных идей, идеологических течений...

– Не скажу за всех, скажу за себя. Когда садишься писать – совершенно не думаешь о читателях, критиках или политических партиях. Если ты действительно писатель, а не просто прикидываешься, то становишься фактически рабом слова, которое тащит тебя дальше и дальше, вперёд. На-

чиная с «Русской красавицы» у меня так получалось. Мыслишь о чём-то одном, а выходит совершенно другое. Мне пришлось половину текста «Русской красавицы» выкинуть, потому что в середине книги зазвучал какой-то голос, и я понял, что всё, что написано до этого момента, не имеет никакого смысла. Настоящий писатель, если он действительно верен слову, обязан выразить то, что ему надиктовывается. Мне в этом вопросе близка позиция Гоголя, который утверждал в письме Жуковскому, что ненаписанные произведения – это небесные гости, которые должны слететь к писателю, посетить его. И это никакая не метафизика, а реальная писательская практика. Поэтому мне трудно говорить о каких-то идеологических факторах – они появляются только тогда, когда книга написана, издана и превращается в продукт, в товар, который представлен на книжном рынке. Но когда ты пишешь, ты ни о чём не думаешь. Во всяком случае, у меня всё именно так.

– Но восприятие читателем книги во многом зависит ведь и от её содержания.

– Тут довольно интересный момент. Книги мои читают в самых разных странах. Вот та же самая «Русская красавица» на 36 языков переведена, «Хороший Сталин» на 20 с чем-то. Однако я понял, что на мирового читателя не угодишь. У каждого книголюба своя культура, у каждого критика своё представление о том, что такое качественная литература. Так случается, что произведение, воспринимающее-

ся у нас как боль и крик, где-нибудь в Финляндии встречается читающей публикой крайне прохладно, в Голландии – так, а в Америке – этак. Вот проживающий в Германии украинец Андрей Жолдак, которого принято считать «гражданином мира», только что привёз в Санкт-Петербург спектакль по моему рассказу «Жизнь с идиотом». Находясь под впечатлением от конфликта вокруг «Энциклопедии русской души», он прочёл эту книгу и, позвонив мне, сообщил: «После этой книги я ещё больше стал любить русских». Польстить он мне хотел или поддержать? Не думаю, с чего бы это?! Просто у него вот такое личное восприятие. У меня 17 книг, как 17 детей, – разного возраста, написанные в разных стилях. Я внутренне успокоился уже давно – с того момента, как отечественная критика приговорила меня к «мертворождённости» за «Русскую красавицу», а весь мир эту книгу с большим интересом прочитал. Мы в России привыкли слишком оглядываться на критические отзывы, на партийную принадлежность оппонентов, на настроение властей. Сейчас появилась книга Владислава Суркова «Околоноля». Я её прочитал – замечательный роман. А у нас от власти принято ждать только плохого...

– Точно ли автор Сурков? Об этой книге разное говорили и писали. Тем более что роман вышел под именем Натана Дубовицкого...

– Точно. Я с Сурковым разговаривал. У меня есть экземпляр с его автографом.

И вот наше общество оказалось не готовым к тому, что человек из власти, «Бенкендорф», может написать что-то серьёзное, стоящее. К этому не готовы ни правые, ни левые, какой лагерь ни возьми. И когда я говорю, что не вхожу ни в какие лагеря, это не оттого, что задираю нос или что они кажутся мне неправильными. Очень хорошо, что у нас есть разные лагеря, исповедующие различные идеологии. Я просто не нахожу там места для себя. И либералы меня не любят, и почвенники, и националисты. Я вообще считаю, что не столько в идеологии дело, сколько ещё и в том, что России сейчас нужна крупномасштабная личность, президент, правитель, который сможет произвести модернизацию страны.

«Литературная газета», 10 ноября 2009 г., № 45

«Полюбите меня черненьким»

Фима Жиганец не боится филологов и мечтает переплюнуть Владимира Даля

Александр Анатольевич Сидоров (р. 1956) – поэт, прозаик, филолог и журналист. Родился и живет в Ростове-на-Дону. В 1979 году окончил филфак Ростовского государственного университета. 18 лет работал в газете Ростовской области, издаваемой для осужденных (с 1980 по 1988 год – «Голос совести», с 1988 по 1997 год – «Тюрьма и воля»), из них десять лет – ее редактором. Авторитетный исследователь истории советской и российской преступности, уголовно-арестантской субкультуры России. Автор более десятка книг, в том числе двухтомной «Истории профессиональной преступности Советской России» (1999, 2005, 2006), «Словаря блатного и лагерного жаргона. Южная феня» (1992), «Тюремных баек» (1999), сборника этимологических очерков «Жемчужины босяцкой речи» (1999), сборника «Классические блатные песни с комментариями и примечаниями» (2001, 2005). Являлся консультантом нескольких криминальных сериалов. Скандальную известность Сидорову принес сборник «Мой дядя, честный вор в законе» (1995, 1999), выпущенный под псевдонимом «Фима Жиганец». Автор «перевел» на жаргон преступного мира стихи Пушкина,

Лермонтова, Крылова, Маяковского, Шекспира, Киплинга, Вийона и др.

Александр Сидоров, похоже, точно знал, что делает, когда занялся «переводами» классиков русской и мировой поэзии на блатной жаргон. Трудно сейчас найти такого поклонника литературы, который не был бы знаком с этими «переводами» и ничего не слышал о Фиме Жиганце. Реакция неоднозначна: кто-то восхищается, кто-то негодует, но мало кто остается равнодушным к экспериментам известного ростовского поэта, прозаика и филолога.

– Александр, откуда взялся этот псевдоним – Фима Жиганец?

– Это даже не псевдоним, а скорее литературная маска. Появление Фимы непосредственно связано с началом моих опытов по «переводу» классической поэзии на блатной жаргон. Идея таких «переводов» возникла у меня в середине 90-х.

Во всяком случае, первое, карманное издание таких переводов – «Мой дядя, честный вор в законе» – появилось именно в 1995 году.

– А с чего такой интерес к блатному жаргону?

– Как-то само собой вышло, я ведь был редактором газеты для осужденных.

Ее издавало Управление исполнения наказаний Ростовской области. Именно благодаря тому, что я в ней проработал почти 18 лет, мне удалось накопить ценнейший материал

по субкультуре и истории уголовного мира России. Но, разумеется, как человек с филологическим образованием, я всегда с головой был погружен в чтение и изучение литературы классической. В сфере моих особых интересов находился, например, шекспировский «Гамлет». И вот однажды, зайдя в ростовский Дом книги, я увидел сборник переводов этой трагедии на русский, приложением к которым было десятка полтора переводов знаменитого монолога «Быть или не быть?». Книгу я, естественно, тут же купил. А выходя из магазина, вдруг подумал: можно ли «перевести» столь глубокий философский монолог на русский блатной жаргон? Ведь это же высокая литература, найдутся ли для нее подходящие слова?

– Наверное, тут немаловажна поддержка друзей, коллег, которые с пониманием могли бы отнестись к столь спорному начинанию?

– Поддержка была. Друзья из окружной газеты «Военный вестник Юга России», где мы верстали свое тюремное издание, после того, как я им прочел первые несколько «переводов», пришли в восторг и посоветовали выпустить книжицу в их типографии. Вскоре она появилась на свет. Но! Статочное ли дело – майору внутренней службы, редактору газеты, нацеленной на перевоспитание и исправление преступников, издавать стишки на блатном жаргоне? До этого я уже выпустил «Словарь блатного и лагерного жаргона. Южная фея», но под своим настоящим именем. Однако то было из-

дание совсем иного рода. А тут уголовные «переводы»... За мной к тому времени уже закрепилась незавидная репутация смутьяна и фрондера, который «заигрывает» с осужденными. Не хватало еще давать козыри в руки моим недругам. И тогда я решил выпустить книгу под псевдонимом. Сам характер переводов подсказывал что-то забавное и заодно залихватское. На ум пришло жаргонное «жиган» – отчаянный, горячий, безрассудный человек. Но, поскромничав, я взял уменьшительное – Жиганец. Имя долго подыскивать не пришлось. Покойного моего деда по отцу звали Ефимом Матвеевичем. Но, поскольку прозвище уменьшительно-ласкательное, то и имя должно было соответствовать. Вот так и появился Фима.

– После «рождения» Жиганца Сидоров ушел в тень?

– Нет, они друг другу не мешают. Имя Фимы стало уже почти легендарным.

«Переводы» размножены по всему интернету, в прессе. Фиму цитируют, а на Сидорова уже потом ссылаются журналисты, критики, филологи, историки. С другой стороны, я так свыкся с маской, что и оригинальные стихи свои стал публиковать от лица Фимы. А это порой настораживает и отталкивает любителей серьезной поэзии. Мне не раз писали: «Александр, я сначала думал, что вы пишете низкопробный шансон или пошловатый юмор. А оказалось – любовная, философская, пейзажная лирика... Зачем вы пугаете чита-

телей своим блатным имиджем?» На что я отвечаю: «Полюбите меня черненьким, а беленьким меня всякий полюбит».

– У Шаламова есть рассказ «Заклинатель змей». В нем описана история, когда интеллигент пересказывает вора произведения мировой литературы, тем самым облегчая себе жизнь на зоне. А тебе известны случаи, когда твои переводы классики на феню помогали кому-то в аналогичной ситуации?

– Это называется «тискать рОманы». Сейчас на зонах этого почти нет. Теперь ведь там радио, телевизоры, видео, DVD. Ну, слушают, наверное, аудиобайки Шуры Каретного, но это совсем другой жанр, ближе к эстраде, в котором главное – рассмешить, а о чем речь, какой сюжет берется за основу, с каким подтекстом, уже никого не интересует. По поводу своих блатных переводов на зоне ничего не слышал, зато знаю точно, что их поклонниками являются многие политики, актеры, вообще творческая интеллигенция. Попадалась мне стенография заседания украинской Верховной Рады. Депутат Чародеев требовал отставки двух своих коллег и аргументировал предложение следующим образом: «В узком кругу они обращаются на жаргоне – пахан, братан, я приведу пример стихами нашего поэта в изложении для этой категории лиц:

*«Пахан и шобла – это ж два братана:
Кому из них шестерить ты пошел бы?»*

*Мы говорим – шобла, подразумеваем паханá,
Мы говорим – пахан, подразумеваем шоблу».*

Мой старинный товарищ, вхожий в Госдуму, рассказал, что один из известных журналистов-обозревателей любит, появляясь там, обращаться к депутатам с другой цитатой, «лермонтовской»:

*Но есть еще, козлы, правíлка воровская,
За все, как с гадов, спросят с вас,
Там башли и отмазы не канают,
Там вашу вишивость выкупят на раз!*

Таких примеров множество. Так что, как видишь, блатные мои переложения могут пригодиться в разных ситуациях.

– Как коллеги-филологи относятся к этим «переводам»? Не возникает ли разговоров о том, что опошляются имена классиков, сама литература, что Сидоров-Жиганец – негодяй и проходимец, который гонится за дешевой популярностью?

– Подобные разговоры, конечно, возникают, хотя с удовлетворением констатирую, что все-таки значительная часть филологов обладает здоровым чувством юмора. Нелестных отзывов как раз не очень много. Я даже не ожидал, что реакция творческой интеллигенции будет столь благосклонной. Особо мне дороги добрые слова известнейшего филолога, исследователя славянской фразеологии Валерия Михайло-

вича Мокиенко. В своем письме ко мне он рассказывал, что «переводы» с восторгом читали в своей компании представители высших слоев питерской филологии, в частности, известный германист Лев Рязановский. Но я вполне могу понять и тех, кто негативно относится к тому, что я делаю. Среди этих людей тоже есть филологи, в том числе – уважаемые мною. Особенно пушкинисты. Но я не очень боюсь отрицательных мнений, хотя всегда прислушиваюсь, если по делу говорят.

– Тот же Шаламов утверждал, что единственным поэтом, признанным и канонизированным преступным миром, был Есенин. А как обстоят дела с Фимой? В законе?

– Сейчас уже вряд ли можно так сказать о Есенине. Поток дешевого, бездарного «шансона» захлестнул общество, зачастую именно они воздействуют на маргинальную среду. Хотя профессиональные преступники, серьезные арестанты довольно пренебрежительно относятся к подобного рода песенкам. Но не могу не отметить, что в последние годы наблюдается тенденция проникновения в русский «уголовный шансон» есенинской лирики. Есть и отдельные песни на стихи Есенина, а есть и целые альбомы, как у Александра Новикова. Что касается Фимы, то на мои стихи пишут много песен, в том числе уголовно-арестантских. Их исполняют Шуфутинский, Заборский, Ундров и другие. Ростовский бард Михаил Волош с песней на мои стихи «Ростовский вальс»

стал победителем конкурса радио «Шансон». Однако мне не нужна канонизация в качестве «блатного поэта». Пусть лучше читают мои серьезные стихи.

– Кстати, были когда-нибудь и есть ли сейчас серьезные, интересные авторы «от зоны»? Я имею в виду не профессиональных поэтов, оказавшихся по разным причинам в местах заключения, а тех, кто начал писать именно за решеткой, посвятив свое творчество арестантской и блатной тематике.

– Насчет поэзии не скажу, сильных поэтов не встречал. Хотя стихи пишут, по скромным прикидкам, процентов 70–80 «сидельцев». Много есть замечательных мемуарных произведений – Андрея Кудина, Алексея Павлова, Виталия Лозовского и других.

– Иными словами, судьба судьбой, а литература литературой? Ведь даже классический пример поэта-уркагана – Франсуа Вийон – успел получить звание магистра Парижского университета до того, как окончательно порвал с мирной жизнью.

– Естественно, необходимо обладать знаниями, определенной языковой культурой. Нельзя с бухты-барахты сесть и написать что-то ценное, действительно имеющее отношение к литературе. Вот недавно освобожденный из мест заключения основатель «МММ» Сергей Мавроди и стал активно размещать свои стихи и прозу в интернете. Безусловно, его тюремные дневники представляют интерес с содержательной точ-

ки зрения. Но о качестве стихов я умолчу...

– Как филолог, ты ведь интересуешься не одним только блатным жаргоном?

– Мои интересы выходят далеко за границы уголовной тематики. Сейчас готовится к выходу мое исследование булгаковского романа «Мастер и Маргарита», которое носит условное название «Сатана и все-все-все». Там много доселе еще не исследованных материалов, споров с традиционным литературоведением, иллюстраций. А недавно я вынужден был вступить в полемику с одним из разоблачителей Михаила Шолохова. Меня потрясло до глубины души невежество и нечистоплотность, с которыми мне пришлось столкнуться, разбирая аргументы тех, кто приписывает «Тихий Дон» кому попало, начиная с Федора Крюкова – мягко говоря, третьестепенного беллетриста... Но мечта моей жизни – создать «Толковый словарь блатного великорусского языка» и «Пословицы и поговорки блатного русского народа».

– Переплюнуть Владимира Даля?

– В какой-то мере (смеется). Вторую книгу я уже практически написал, мне кажется, работа уникальная, с подробными комментариями и языковыми иллюстрациями. Важно сказать в филологии то, чего до тебя никто не говорил.

– Но самое главное – это, разумеется, стихи...

– Конечно. Хотелось бы заново перевести гетевского «Фауста», которому, как мне кажется, не повезло: русский читатель знаком с ним по неудачным переложениям Фета, Хо-

лодковского, Пастернака. В сборнике у меня выходили пока лишь классические немецкие эпиграммы, из «Фауста» я сделал всего один отрывок. Да и свою лирику пишу. Читателями я не обделен, я давно освоил интернет, откликов там очень много. Недавно в Живом Журнале наткнулся на утверждение о том, что Фима Жиганец – один из лучших стилистов, пишущих на кириллице. Даже если это не так, то хорошо сказано.

«Независимая газета», 16 октября 2008 г.

Счастливым писателем – уже не писателем

Олег Зайончковский ежедневно ощущает себя Папой Карло

Олег Зайончковский родился в г. Куйбышеве в 1959 году; в настоящее время живет в Москве. Автор книг «Сергеев и городок», «Петрович», «Прогулки в парке», «Счастье возможно». Финалист литературных премий «Большая книга», «Русский букер», «Национальный бестселлер» и др.

– Вы потомок старинного дворянского рода. Отрадилось ли это на вашем творчестве, может быть, желание заниматься литературой?

– Тему моего происхождения, не спросясь у меня, когда-то озвучили мои первые издатели, видимо, из маркетинговых соображений. По-моему, она давно себя исчерпала. Конечно, собственная генеалогия мне небезразлична, но для меня это дело мое, домашнее. Я из хорошей семьи, но вполне советской. Мои ближайшие родственники все принадлежали к читающей, но технической интеллигенции, поэтому могу сказать, что не они пробудили во мне интерес к литературным занятиям. Вообще, мне кажется, эта склонность дается человеку природой, независимо от воспитания, обра-

зования и даже от наличия способностей.

– А ваша ненависть к так называемому «совку» – это гены или осмысление личного жизненного опыта?

– Ни то и ни другое. Гены мне не мешали работать слесарем и в этом качестве ощущать самоуважение. Ненависть к «совку», которую я тогда испытывал, была рефлекторной. Она, конечно, была следствием идеологического (то есть, психологического для меня) давления, но не могла быть результатом «осмысления», к которому, по молодости лет, я не был еще способен. Впрочем, я и сегодня живу под прессом. Консюмеризм и состоящие при нем либерально-идеологические сервисы мне не более близки, чем коммунистические идеалы. Мне и теперь было бы что ненавидеть, будь я горяч по-прежнему. Но в силу возраста или от чувства безысходности я стал смотреть на вещи эпически.

– Ваш путь в литературу был достаточно сложным, вы работали слесарем, сторожем и пришли к читателю, что называется, в зрелом возрасте. Я вот прочитал, что большую роль в вашей писательской судьбе сыграла жена. Это действительно так?

– Сторожем я не работал, но в целом да, к сорока годам я сменил ряд рабочих специальностей. Но я не назвал бы это путем в литературу. Для меня это был путь в никуда: увеличение печени, уменьшение объема мозга, приятели, преферанс, покойное доживание... Но жена сбила меня с этого пути. Неловко признаться, но я не «руковожу процессами» –

ни в мире, ни в самом себе. А вот жена моя – она имеет влияние.

– Писательские жены – вообще отдельная тема. Почему-то принято им сочувствовать. Ах, как же она живет с этим ужасным человеком, который думает только о своих рукописях. Но при этом не ставят себя на место иных писателей, жены которых думают только о шмотках и сутками трещат по телефону.

– Спросили бы вы меня лучше, что значит быть мужем жены писателя. Поверьте, есть труд более легкий. Впрочем, возможно, это мой частный опыт. Чтобы выйти на обобщения, я недостаточно знаю писательских жен. Мне неизвестно, как много они разговаривают по телефону. Тем не менее, я им сочувствую – женам и прочим писательским домочадцам. Ведь им приходится жить с человеком, наделенным непомерным эго. Чувство собственной личной значимости – это такой писательский атавизм, может быть, то единственное, что у нас сохранилось от старых добрых литературоцентричных времен.

– «Счастье возможно» – это такое оправдание писательства? Самотерапия? Спор с устоявшимися стереотипами?

– «Счастье возможно» – это литературный текст. И, как всякий мой очередной текст, он – попытка оправдания моего писательства. Но это не исповедальная проза. Писательство как таковое в оправдании не нуждается, а я как тако-

вой не нуждаюсь в терапии. Кое-кто видит, если не в этой книжке, то вообще в моем творчестве «движение поперек», то есть не в общем русле. Возможно; но это не оттого, что я хочу специально спорить с «устоявшимися стереотипами», а потому что они, сегодняшние стереотипы, для меня мало что значат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.